

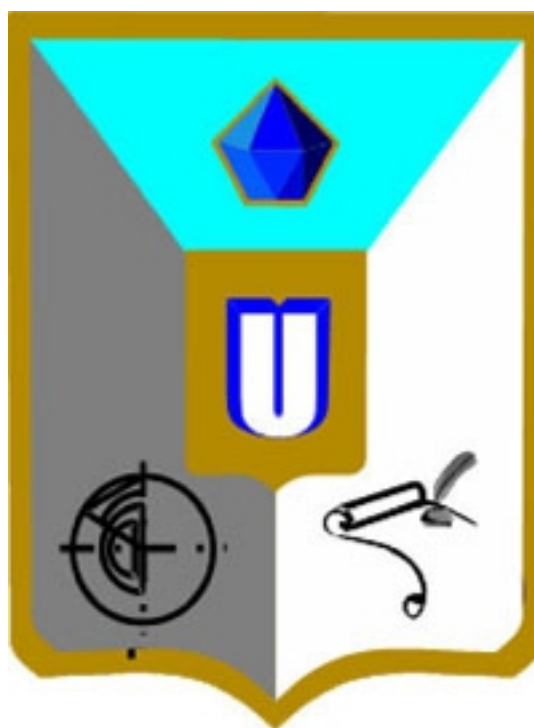
Том 2, № 1

2017

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

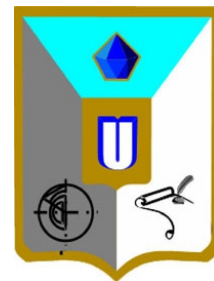
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

SOTSIA@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и социальной работы ИРНИТУ, главный редактор.

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, заместитель главного редактора

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, ответственный за выпуск

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии ИРНИТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин ИРНИТУ, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета прикладной лингвистики ИРНИТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Struk Elena Nikolayevna, PhD in Philosophy, Head of Sociology and Social Work Department in INRTU, Editor-in-Chief

Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Deputy Editor-in-Chief

Gavrilova Natalya Igorevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Responsible to sign off the issue

Karmadonov Oleg Anatolyevich, PhD in Philosophy, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Head of Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Criminal and Legal Disciplines Department in INRTU, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinsky Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State-Legal Disciplines Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Applied Linguistics Faculty in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Civil Law Disciplines Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

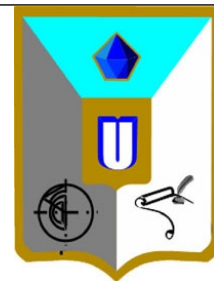
Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора.....	6
-------------------------------	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гуторова П.В. Концептосфера аксиологического концепта Forgiveness	8
Зайкова И.В., Пензева Е.В. Стратегическое назначение имперфекта в речевой тактике разьяснения	15
Пашаева И.В. Категория противоположности и ее языковая реализация в современном немецком языке (на примере антонимической пары добро и зло)	20
Рыжкова Т.С. Социокультурный аспект дружелюбия	29
Туфанова Ю.В. Этикетная единица «извинения» как регулятор речевого поведения общающихся	34
Якоба И.А., Томских О.Ю. Деконструкция выступления М. Цукерберга, посвященного взаимосвязанности	40

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кондря С.А. Проблема законодательной регламентации обжалования судебных решений, принятых по результатам предварительного слушания в современном уголовном судопроизводстве	46
Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: объективизированный критерий оценки	52

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

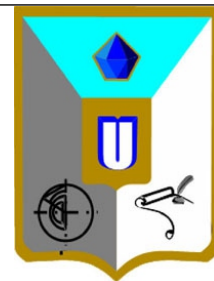
Зимонин И.Г., Трофименко А.А. Инновационные методы и технологии в преподавании гуманитарных дисциплин в военном вузе: теоретико-методологическое обоснование	59
Кондря Т.И., Греченюк А.В. Преподавание гендерной социологии в современном университете	64
Мальчуков В.А. Естественный язык и метафора компьютерного мышления	69
Мальчукова Н.В. Истинность высказываний как основание эффективности трансфера научного знания	75

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пуляевская О.В., Прокопчук И.А. К проблеме исследования влияния личности руководителя на социально-психологический климат в коллективе	81
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычков А.А. Социологическая интерпретация понятий: идеология и идеологический проект	87
Оганесян М.А. Роль гуманистических организаций в формировании социально-гуманистических компетенций современного человека	90
Струк Е.Н. Особенности молодежного экстремизма в обществе риска	94

SOCIAL COMPETENCE

C o n t e n t s

A letter from the editor-in-chief.....	8
--	---

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gutorova P.V. The conceptual sphere of axiological concept 'Forgiveness'	
Zaykova I.V., Penzeva E.P. The strategic purpose of the imperfect in speech tactics of clarification.....	15
Pashaeva I.V. Category of opposition and its language realization in modern German (through the example of antonymous pair 'good' and 'evil').....	20
Ryzhkova T. S. Sociocultural aspect of friendliness.....	29
Tufanova Y. V. Etiquette unit «apology» as a regulator of speech behaviour of partners in conversation.....	34
Iakoba I.A., Tomskikh O.Yu. Deconstruction of M. Zuckerberg's speech on connectivity.....	40

JURIDICAL SCIENCES

Kondrya S.A. Problems of legislative regulation of appeal against court decisions adopted after preliminary hearing in the modern criminal proceedings.....	46
Smirnova I.G. Social value of Russian criminal proceedings: objectified criterion of assessment.....	52

PEDAGOGICAL SCIENCES

Zimonin I.N., Trofimenko A.A. Innovative methods and technologies in teaching humanities in military higher school: theoretical and methodological basis.....	59
Kondria T.I., Grechenyuk A.V. Teaching gender sociology in modern university.....	64
Malchukov V.A. Natural language and computer metaphor.....	69
Malchukova N.V. Truth of statements as foundation for efficiency of scientific knowledge transfer.....	75

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Pulyaevskaya O.V., Prokopchuk I.A. On the issue of study of executive's personality influence on psychosocial climate within the organization.....	81
---	----

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Bychkov A.A. The sociological interpretation of the concepts 'ideology' and 'ideological project'.....	87
Oganesyan M.A. The role of humanitarian organizations in development of socio-humanistic competence of modern human.....	90
Struk E.N. Features of youth extremism in the risk society.....	94

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Уважаемые коллеги!

Я с удовольствием вновь, от имени редакции, приветствую вас и презентую третий номер журнала «Социальная компетентность». Как и предыдущие номера, данный выпуск рассчитан на широкий круг читателей – преподавателей, аспирантов, докторантов, магистрантов и студентов российских и зарубежных вузов, академических работников и всех

интересующихся социально-гуманитарными проблемами современности.

Основу этого номера журнала «Социальная компетентность» составили статьи филологической и педагогической направленности. Все статьи основаны на солидной источниковой базе, строгих методологических подходах, написаны добротным научным языком, но в тоже время имеют простой стиль изложения, доступный и понятный всем, вне зависимости от специальности, что позволяет журналу быть интересным широкому кругу читателей.

Для нашего журнала стало доброй традицией сотрудничество преподавателей и ученых, занимающихся различными проблемами формирования социальной компетентности: социологическими, юридическими, психологическими, педагогическими, филологическими. Заметно, что все более активно журнал востребован нашими молодыми исследователями: аспирантами, студентами, здесь они публикуют свои статьи.

Мы благодарим всех авторов, которые приняли участие в работе над третьим номером журнала.

Огромная благодарность членам редакционной коллегии, редакторам, которые ведут эту серьезную, требующую больших усилий и времени работу.

В ближайших планах развития журнала – расширение географии авторов и целевой аудитории, совершенствование качества публикуемого материала, повышение международных индексов научного цитирования и рейтингов.

Желаем вам приятного и полезного чтения!

КОНЦЕПТОСФЕРА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА FORGIVENESS

© П.В. Гуторова*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В данной статье представлены результаты концептуального анализа внешней структуры аксиологического смысла FORGIVENESS в современном английском языке. Исследование направлено на установление синонимического ряда и анализ ценностных концептов, находящихся с исследуемым смыслом в тесном соприкосновении и имеющих семантическую близость. Выявлена концептуальная система ценностного смысла FORGIVENESS. Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод, что FORGIVENESS коррелирует с такими концептами как: MERCY, AMNESTY, INNOCENCE, RECONCILIATION, PATIENCE, CONDONATION, ABSOLUTION.

Ключевые слова: прощение, концепт, смысл, ценностный смысл, концептуальная система, смежность, лексема, толкование, семантика.

THE CONCEPTUAL SPHERE OF AXIOLOGICAL CONCEPT 'FORGIVENESS'

P.V. Gutorova*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The paper provides the results of conceptual analysis of the external structure of the axiological concept FORGIVENESS in modern English. The study focuses on identification of synonyms and analysis of axiological concepts which have contiguity and semantic proximity with the concept under investigation. The conceptual system of axiological concept FORGIVENESS is revealed. The results of the study indicate that FORGIVENESS correlates with such concepts as MERCY, AMNESTY, INNOCENCE, RECONCILIATION, PATIENCE, CONDONATION, and ABSOLUTION.

Keywords: forgiveness, the concept, the meaning, axiological concept, conceptual system, contiguity, lexeme, definition, semantics.

Антропологический подход современной лингвистики ставит основной задачей языковое моделирование субъекта во всех модусах его бытия, с проявлением физических, психических, интеллектуальных и нравственных потребностей. В этой связи особо актуальны и значимы исследования разного рода смыслов, в число которых входят морально-этические и ценностные смыслы и анализ их релевантности в мире. Эта содержательная проблема представляет лингвистический интерес с позиции анализа и системной репрезентации знаний.

Концептуализация, категоризация и интерпретация человеком окружающего мира осуществляется на основе имеющихся общественных ценностей. Через выражение своего объективного и субъективно-оценочного мнения о них, в речи происходит актуализация ценностных смыслов посредством языковых знаков [7]. Концепт рассеян в языковых знаках, его репрезенти-

рующих, поэтому, чтобы реконструировать его структуру, следует исследовать весь языковой корпус, в котором он объективирован [10].

Соответственно, цель данного исследования – провести концептуальный анализ внешней структуры аксиологического смысла FORGIVENESS посредством установления его синонимического ряда и изучения семантически смежных с ним концептов.

Основной постулат когнитивной семантики: концепты формируются и интерпретируются «на фоне» других структур знания [8, с. 65]. «То, что делает концепты концептами, – это их способность быть связанными между собой отношениями логического вывода» [19, р. 20]. Соответственно, концепт представляет как отдельный смысл, так и целую концептуальную структуру, способную включать другие концепты и задавать другие степени абстракции [1]. В процессе актуализации концепт реализу-

ется в виде множества своих характеристик или смыслов различной степени абстрактности, составляющих его содержание [2].

Анализ синонимов ключевых слов, вербализующих исследуемый концепт, дает возможность выявить их дифференциальные признаки, проявляющиеся в сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду [11]. Синонимы сопоставляют с одним обозначаемым объектом, но воспроизводят различные ракурсы его видения, актуализируя в ряде случаев именно те семантические компоненты, которые числятся отсутствующими в ядерных лексемах-репрезентантах. В тезаурусах Roger's Thesaurus of English Words and Phrases доминантой синонимического ряда выступает лексема *forgiveness*: *pardon*, *condonation*, *grace*, *remission*, *absolution*, *amnesty*, *oblivion*, *indulgence*, *reprieve*, *conciliation*, *reconciliation*, *propitiation*, *excuse*, *exoneration*, *extenuation*, *quittance*, *release*, *indemnity*, *exculpation*, *longanimity*, *placability*, *forbearance* [27].

В словарях отмечены смысловые, стилистические и функциональные отличия словесных знаков, актуализирующих концепт FORGIVENESS. Так, в Webster's Dictionary of Synonyms [28, p. 473] глагольные лексемы-репрезентанты анализируемого концепта имеют следующие различия: *excuse*, *condone*, *pardon*, *forgive*, *remit* схожи в значении не требования возмездия или возмещения за нанесённое зло от обидчика. Использование предикатов *excuse*, *pardon* и *forgive* свидетельствует, что говорящий не злится на кого-либо. *Excuse* и *condone* подразумевают забывание субъектом обиды, он не собирается осуждать или наказывать за неё. Лексема *excuse* обычно используется в ситуациях, когда совершён незначительный проступок или ошибка, в то время как лексема *condone* объективирует прощение за тяжёлые грехи, например, нарушение моральных правил или закона.

Через анализ синонимов лексемы *forgiveness* нами выявлены следующие признаки.

1. Признак «оправдание, невиновность, освобождение от вины/ наказания/ обязательства», актуализируемый языковыми знаками:

acquittal – an official statement in a court of law that someone is not guilty [21, p. 13];

excuse – set somebody free from a duty, requirement, punishment, etc: he was excused from piano practice [23, p. 309];

exculpation – saying that somebody is not guilty of wrongdoing, free from blame [24, p. 301]; proving that someone is not guilty of something [20, p. 474];

exoneration – declare somebody free from blame: He was exonerated from all responsibility for the accident [23, p. 311];

quittance – (law) a statement saying that someone no longer has to do something such as paying back money that they owe [20, p. 1160]; (document giving) release from an obligation or debt [24, p. 700];

release – allow a person or an animal to go; set free or liberate somebody or something: she gently released herself from his embrace [23, p. 762];

indemnity – legal exemption from penalties incurred [25];

vindication – prove that someone who was blamed for something is in fact not guilty: The charges are false, and we are sure we will be vindicated in court. [21, p. 1839]; showing or proving the truth, justice, validity, etc. [24, p. 975];

justification – explanation why an idea or action is right [21, p. 879]; the state of being free from blame [24, p. 468].

2. Признак «помилование» репрезентируется в дефинициях лексем:

amnesty – general pardon, especially for offences against the State: The rebels returned home under a general amnesty [23, p. 27];

oblivion – official overlooking of offences; amnesty [25]; state of being quite forgotten [24, p. 587];

pardon – to officially allow someone to be free without being punished, although a court has proved that are guilty of a crime: The governor pardoned the two offenders [23, p. 643];

reprieve – an official order stopping the killing of a prisoner as a punishment: A last minute reprieve saved him [20, p. 1202]; (order giving authority for) postponement or remission of punishment (esp. by death) [24, p. 730].

3. Признак «примирение, умиротворение» представлен в дефинициях:

conciliation – making somebody less angry or more friendly, especially by being

pleasant or making some concessions: Conciliate outraged customers [23, p. 186]; winning the support, goodwill or friendly feelings of: The dispute in the engineering industry is being dealt with by a conciliation board [24, p. 177];

pacification – peaceful and loving or wanting peace [21, p. 1183]; making or becoming peaceful; bringing about a state of peace [24, p. 612];

propitiation – making someone who has been unfriendly or angry with you feel more friendly by doing something to please them [20, p. 1132]; doing something to take away the anger of [24, p. 682];

reconciliation – a situation in which two people, countries etc. become friendly with each other again after quarrelling: All our attempts at reconciliation have failed [20, p. 1183].

4. Признак «терпение» отражен в дефинициях лексических единиц:

forbearance – (formal) patience, self-control, and willingness to forgive someone: Higgins accepted the decision with commendable forbearance [20, p. 550];

longanimity – good-natured tolerance of delay or incompetence [25];

patience – the ability to continue waiting or doing something for a long time without becoming angry or anxious [21, p. 1206];

placability – easily calmed or pacified; tolerant [25].

5. Признак «отпущение грехов» представлен в толкованиях лексем:

absolution – a process in the Christian religion by which someone is forgiven for the things they have done wrong [20, p. 5]; formal declaration by a priest that a person's sins have been forgiven [23, p. 3];

indulgence – freedom from punishment by God, or a promise of this, which was sold by priest in the Middle Ages [20, p. 726];

remission (of sins) – (formal) forgiveness from God for the bad things that you have done [20, p. 1198]; pardon or forgiveness (of sins, by God) [24, p. 727].

6. Признак «прощение плохого поведения» объективируется в следующих лексемах:

condonation – accepting or forgiving behavior that most people think is morally wrong: I cannot condone the use of violence under any circumstances [20, p. 279];

extenuation – (formal) facts or reasons

which make you feel that it was reasonable for someone to break the usual rules, or make you have sympathy for someone who did something wrong or illegal [21, p. 553];

pardon – (old-fashioned) forgiving someone for behaving badly: I hope you will pardon my son's little outburst at dinner [20, p. 1027].

7. Признак «милосердие» манифестируется в языковых знаках:

grace – disposition to or an act or instance of kindness, courtesy, or clemency [25]; favour, goodwill [24, p. 380];

mercy – holding oneself back from punishing or from causing suffering to [24, p. 539]; if someone shows mercy, they choose to forgive or to be kind to someone who they have the power to hurt or punish [21, p. 1032].

В результате проведённого анализа синонимов ключевых слов, вербализующих концепт FORGIVENESS, было выделено семь групп, обозначающих какую-либо референтную ситуацию прощения, иллюстрирующих её смысловую многоплановость: 1) самой многочисленной является группа, номинирующая прощение в виде «innocence»; 2) лексические единицы с общим семантическим компонентом «amnesty»; 3) лексемы с семантическим компонентом «reconciliation»; 4) словарные единицы, репрезентирующие признак «patience»; 5) лексические единицы, объективирующие ассоциативную связь прощения с «absolution»; 6) лексемы, актуализирующие прощение в качестве «condonation»; 7) лексические единицы, выражающие прощение через «mercy». Все лексемы распознаются как «свои» и «чужие», ибо любой субъект преломляет сходство сквозь свои персональные представления, переживая его эмоционально. Похожими признаются те признаки предметов и явлений действительности, которые являются актуальными для человека.

Исследуемый нами концепт FORGIVENESS обладает богатым номинативным потенциалом, включающим в себя синонимические ряды и отношения гиперонимо-гипонимического характера среди объективирующих его лингвистических средств. Существуют континуумы совокупностей концептов, среди них выделяются концепты высокого уровня абстракции – метаконцепты [18, p. 324]. Объединения

взаимосвязанных концептов формируют концептуальную систему [9; 5; 19], которая также определяется как концептосфера [6], концептуальная сеть [4].

На основании анализа выведенных признаков аксиологического смысла FORGIVENESS и его синонимического ряда в современном английском языке выделим и проанализируем ценностные смыслы, находящиеся с ним в тесном соприкосновении и имеющие семантическую близость:

FORGIVENESS : WILLINGNESS

Согласно изученным словарным толкованиям, концепт FORGIVENESS содержит семантический компонент «желание, расположение простить», объективирующийся в современном английском языке языковыми единицами *willingness* и *disposition*. Обратимся к дефиниционному анализу данных средств в лексикографических источниках:

Willingness – favorably disposed or consenting (to do something specified or implied); acting, giving, etc. readily and cheerfully; done, given, offered, etc. readily or gladly, voluntary [29, p. 1627];

Disposition – mental or moral constitution; inclination or tendency; final settlement; control; a tendency or willingness to behave in a particular way [21, p. 451].

Желание есть одно из условий существования нравственного и ответственного поведения. Его наличие служит средством основания к действию и присутствует в составе всех процессов, направленных на достижение результата [3]. Имплицированный компонент «желание простить» обусловлен отказом от намерения отомстить обидчику за нанесённый ущерб. Со стороны того, кто просит прощения – это желание быть прощённым:

<...> my own voice seemed to me muffled, lost in unresponsive deaf immensity. «We all want to be forgiven,» I added after a while [17, p. 241].

Данный факт подтверждается сочетаемостью лексики *forgiveness* с предикатами *implore, obtain, entreat, ask* и другими, что свидетельствует о важности состояния просящего быть прощённым. Субъект готов его вымаливать, выпрашивать, добиваться:

(1) I am quite at a loss to discover in what point I could be so unfortunate as to of-

fend you, I entreat your forgiveness of what I can assure you to have been perfectly unintentional [13, p. 142];

(2) He told the congregation hesitantly: «We begin by acknowledging our own personal failings and by asking for forgiveness» [15].

Таким образом, мыслительный процесс прощения связан непосредственно с внутренними мотивами и намерениями индивида. Это определяет сопряжённость ценностного смысла FORGIVENESS с концептом WILLINGNESS, который объективируется на синтаксическом уровне.

FORGIVENESS : MERCY : AMNESTY

В основе сложного, ментально-духовного акта прощения со стороны потерпевшего лежит требование проявления великодушия, иногда самоотверженности, ибо причинённое зло невозможно забыть сознательно. Соответственно, смежность единиц концептуальной системы субъекта FORGIVENESS и MERCY обусловлена присутствием в структуре MERCY смыслового элемента проявления сострадания, милосердия, помилования к обидчику или другому человеку:

Mercy is a disposition to be kind and forgiving [12]; *If someone shows mercy, they choose to forgive or to be kind to someone who they have the power to hurt or punish. Иллюстративным высказыванием служит предложение: He showed no mercy to his enemies; и словосочетания: show mercy to somebody; have mercy on (upon) somebody* [21, p. 1032].

В значении «помилование» языковой знак *mercy* сближается с лексемой *amnesty*:

Amnesty – general pardon, especially for offences against the State [23, p. 27]; *an official order by a government that allows a particular group of prisoners to go free* [21, p. 44]. Примеры актуального высказывания: *The rebels returned home under a general amnesty* [23, p. 27]; *The government granted an amnesty for all former terrorists* [21, p. 44]. Словесный знак *amnesty* употребляется англоязычным говорящим в юридически и политических сферах бытия, что чётко проиллюстрировано в толковании данной лексики.

На основании проведённого анализа, постулируем: корреляция смежных кон-

цептов-смыслов FORGIVENESS, MERCY и AMNESTY обусловлена наличием общего компонента («выражение помилования, милосердия»).

FORGIVENESS : INNOCENCE : RECONCILIATION

Акт прощения предполагает снятие вины, своего рода «стирание» из сознания со стороны прощающего чужой вины, но не её забвение, ибо, как ранее уже нами было упомянуто, сознательно и даже усилием воли это сделать невозможно. Получив желаемое прощение, обидчик реконструирует не только свой прежний статус невиновного, но иногда и дружеские отношения с лицом, которому был нанесён ущерб. Это подтверждается группой лексем-репрезентантов концепта FORGIVENESS, объединяющихся на основании значения «невиновность», объективируемого в английском языке лексемой *innocence*, которое имеет следующее толкование в лексикографических источниках:

Innocence is the fact of being not guilty of a crime [21, p. 838]; the state, quality, or fact of being innocent of a crime or offence [12].

Восстановление дружбы реализуется языковым знаком *reconciliation*:

Reconciliation is a situation in which two people, countries etc. become friendly with each other again after quarrelling; between two people or countries who have quarrelled is the process of their becoming friends again. Это значение актуализируется в предложении: *Her ex-husband had always hoped for a reconciliation [20, p. 1183];* и в следующем фрагменте текста:

Much conversation passed too among the acquaintances of the Osborne family, who knew of the rupture between the son and father caused by the former's marriage, as to the chance of a reconciliation with the young widow [26, p. 310].

Порой предчувствие примирения отождествляется субъектом с надеждой на прежние взаимоотношения: *He believed on this sad day that feeling of reconciliation was a reason for hope [15].*

Смежность и взаимодополняемость концептов FORGIVENESS, INNOCENCE и RECONCILIATION преддетерминирована их причинно-следственными отношениями, в которых «стирание» или отсутствие чужой

вины из сознания прощающего является предпосылкой для примирения и восстановления дружбы коммуникантов.

FORGIVENESS : PATIENCE : CONDONATION

Соположенность этой триады обусловлена тем, что акт прощения требует не только проявления милосердия, но и терпения, снисхождения к обидчику, его поведению и поступкам. Этот признак объективируется лексемами *patience* и *condonation*:

Patience is the ability to accept trouble and other people's annoying behaviour without complaining or becoming angry [21, p. 1206]; the capacity to accept or tolerate delay, problems, or suffering without becoming annoyed or anxious [22]. Иллюстрация актуального высказывания: *Certainly they instituted a new era of divine patience and forgiveness [15].*

Языковой знак *condonation* толкуется как: *condonation is an accepting or forgiving behavior that most people think is morally wrong: I cannot condone the use of violence under any circumstances [21, p. 322].*

Проявляя терпение и прощая, человек отказывается от намерения судить других и навязывать своё собственное мнение и видение конкретной ситуации. Терпение в прощении выражается в том, что индивиду следует с пониманием относиться к недостаткам и порокам других, как к своим собственным. В нижеприведённом отрезке речи мужчина решил простить свою жену за безнравственное поведение, проявив терпеливость к её изынкам, несмотря на тот факт, что его первым побуждением было подать на развод:

This was met with a reply of condonation, that's to say his behaviour in Reno had demonstrated that he had forgiven his wife whatever actions on her part had forced him to seek a divorce in the first place [15].

Таким образом, объединяющим компонентом концептов FORGIVENESS, PATIENCE и CONDONATION является признак «терпимость, толерантность к чужим порокам».

FORGIVENESS : ABSOLUTION

Понятие прощения является одним из ключевых в религиозной философии. Корреляция ментальных явлений REPENTANCE и ABSOLUTION определяется тем, что последнее выступает формальным средством

номинации Божественного прощения в христианской этике. Проанализируем словарные дефиниции языкового знака *absolution* в лексикографических источниках:

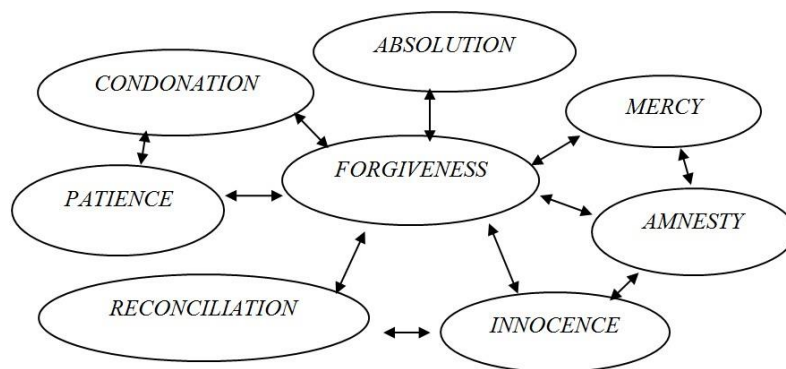
Absolution is when someone is formally forgiven by the Christian Church or a priest for the things they have done wrong [21, p. 5]; (formal) If someone is given absolution, they are forgiven for something wrong that they have done [16]. Названный признак манифестируется в высказываниях: *Pope Leo gave him absolution [21, p. 5]; She felt as if his words had granted her absolution [16].*

Прощение Бога много значит для человека. Оно может искупить грехи: *I don't think I have much time left in this old world, and I'm not sure I'm ready to die. Would you*

only when the penitent was in mortal danger: the emphasis now was not on contrition but on absolution which could only be given by a priest [15];

(3) Athelstan raised his hand and pronounced absolution, making the broad sweep of the sign of the cross above Fitzormonde's bowed head [15].

На основе проведённого анализа, постулируем: абстрактный феномен FORGIVENESS, представляя собой когнитивный акт и предетерминирующий возникновение эмоций, коррелирует с концептами – MERCY, AMNESTY, INNOCENCE, RECONCILIATION, PATIENCE, CONDONATION, ABSOLUTION, взаимоотношенность которых схематично можно представить следующим образом:

please pray for me? I need to know that God has forgiven me for all my sins» [14, p. 178].

Получение Божественного прощения – сакральный акт, который может быть осуществлён только церковным лицом и сопровождаться определёнными словами и манипуляциями:

(1) Within this sacrament, a person may, through the intermediary of the priest, confess sins to God, and receive God's absolution [15];

(2) As for confession, which had been allowed to laymen, this was to be undertaken

Суммируя данные, полученные в результате проведённого сопоставительного исследования ценностных смыслов REPENTANCE и FORGIVENESS с сопредельными концептами, приходим к следующему выводу: анализируемые нами феномены вбирают все свои значения в нераздельное целое. Они не могут полностью отождествляться ни с одним из своих конститuentов, ибо они все выражают лишь часть их содержания и конституируют сложную и цельную когнитивную структуру данных аксиологических смыслов.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. Вып. IV. С. 25–77.
2. Беседина Н.А. Уровни концептуализации в морфологии // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. Вып. IV. С. 182–231.
3. Воркачёв С.Г. «Желание» и «безразличие» в логике оценок и логике чувств. Концепты: сб. науч. тр. Архангельск: Из-во Поморского гос-го ун-та, 1997. Выпуск 2. С. 174–191.
4. Гивон Т. Система обработки визуальной информации как ступень в эволюции человеческого языка. Вестник МГУ: Сер. 9. Филология. 2004. № 3. С. 117–173.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной

точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

7. Малинович М.В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка. Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 10–42.

8. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект. Харьков: Экограф, 2005. 300 с.

9. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.

10. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с.

11. Попова З.Д., Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 192 с.

12. American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – Houghton Mifflin Company, 2006. URL: <http://www.yourDictionary.com>. (05.02.2016).

13. Austen J. Sense and Sensibility. London: Thomas Nelson and Sons, 1963. 235 p.

14. Boffke A.G. God Allows U-Turns: a Woman's Journey: True Stories of Hope and Healing. USA: Promise Press, 2002. 283 p.

15. British National Corpus (On-line Sample version). URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

16. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.diclib.com>. (05.02.2016).

Гуторова Полина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №1, e-mail: Pauline157@ya.ru

17. Conrad J. Lord Jim. Moscow: Foreign Languages, 1959. 406 p.

18. Jackendoff R. Consciousness and the Componential Mind. Cambridge: The MIT Press, 1989. 356 p.

19. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

20. Longman Dictionary of Contemporary English. Third ed. Harlow: Longman, 2001. 1668 p.

21. Longman Dictionary of Contemporary English. The Living Dictionary. Harlow: Longman, 2005. 1950 p.

22. Merriam Webster's Learner's Dictionary. URL: <http://www.learnersdictionary.com>.

23. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989. 1081 p.

24. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1974. 1023 p.

25. Oxford Online Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://oxforddictionaries.com>. (05.02.2016).

26. Thackeray W. Vanity Fair. London: Penguin Books, 1994. 672 p.

27. The Random House Dictionary of the English Language. New York: Random House, Inc., 1966. 2060 p.

28. Webster's Dictionary of Synonyms: a dictionary of discriminated synonyms with antonyms and analogous and contrasted words. Springfield: G & C. Merriam Co., Publishers, 1951. 907 p.

29. Webster's New World Dictionary of the American Language. New York: William Collins, World Publishing Co., Inc., 1974. 1692 p.

Gutorova Polina V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Technical Specialties №1, e-mail: Pauline157@ya.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТА В РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

© И.В. Зайкова*, Е.П. Пензева*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье приведены результаты исследования имперфекта в речевой тактике разъяснения в рамках стратегии информирования. Исследовано взаимовлияние рассматриваемой тактики и имперфекта, взаимодействие общей стратегии и реализующейся в ней тактики разъяснения. Установлено, что в разъяснении имперфект используется в следующих значениях: прототипическом (прошедшее незаконченное действие, прошедшее итеративное действие), презентном имперфекте косвенной речи и футуральном имперфекте косвенной речи. Влияние имперфекта на тактику разъяснения и стратегию говорящего заключается в том, что общение приобретает гибкость, не категоричность и осторожность, вследствие чего воздействие на собеседника становится более эффективным.

Ключевые слова: роль имперфекта, речевая тактика, речевая стратегия, стратегия информирования.

THE STRATEGIC PURPOSE OF THE IMPERFECT IN SPEECH TACTICS OF CLARIFICATION

I.V. Zaykova E.P. Penzeva

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article presents the results of the imperfect research in speech tactics of clarification as part of the communication strategy. The authors inquire into the mutual influence of tactics under consideration and imperfect, and analyze the interaction of general strategy and clarification tactics realized through it. It was established that when clarifying the imperfect is used in the following meanings: prototypical (past indefinite action, past iterative action), present imperfect in indirect speech and futural indirect speech imperfect. Influence of imperfect on the clarification tactics and strategy of the speaker results in flexible communication, cautious, not categorical, so that the impact on the interlocutor becomes more efficient.

Keywords: role of imperfect, speech tactics, speech strategy, communication strategy.

Традиционное деление семиотики на три основные дисциплины – семантика, синтактика и прагматика, – предложенное в своё время Ч.С. Пирсом и принятое затем Ч. Морисом, было принято как теоретическая база современной лингвистики. До настоящего момента в научной литературе исследовалась, в основном, семантика имперфекта и синтактика, где имперфект рассматривался в дистрибуции с другими временами. Что касается прагматики, в современной испанской лингвистической литературе существуют работы, посвящённые дискурсивному употреблению времён испанского языка (Gutiérrez Araus 1998, Reyes 1994), но они носят общий характер. Как показал проведенный анализ, имперфект ещё мало исследован с позиций прагматики, а стратегическое назначение данной формы ещё не изучено лингвистами. Данная статья посвящена определению прагматических особенностей имперфекта как тактического средства, ис-

пользуемого для построения стратегии информирования. Предполагается определить влияние тактики разъяснения на значение имперфекта, воздействие имперфекта на тактику, а также выявить взаимодействие общей стратегии и реализующейся в ней речевой тактики. Материалом для исследования послужили диалоги из художественных произведений современных испанских и латиноамериканских авторов, а также интервью из современных периодических изданий: «Hola» и «El País». В процессе исследования реализации имперфекта был использован метод экспертного анализа с привлечением носителей испанского языка.

Всякая информация (сведения) может быть выражена в форме утверждения или предположения [1]. Принимая во внимание предмет (имперфект) и объект (экспозитивный способ организации дискурса) исследования, представляется приемлемым выделить две тактики в стратегии

информирования: тактику разъяснения и тактику предположения. Рассмотрим первую из них более подробно.

Информация является необходимой составляющей бытия современного общества. Тот, кто владеет информацией, может быть в определённой коммуникативной ситуации хозяином положения. «Глобальной» целью данной стратегии является информирование собеседника.

Разъяснение представляет собой утверждение о положении дел, высказывание, утверждающее что-либо. Утверждение о фактах, событиях или констатация фактов или событий распознаются по отсутствию языковых средств, выражающих неуверенность, сомнение, или по наличию языковых показателей, подчёркивающих достоверность сообщаемого. Утверждение может быть истинным или ложным [там же]. Имперфект в данной тактике, в основном, употребляется в своём прототипическом значении (прошедшее незаконченное действие), которое можно разделить на действие, близкое моменту высказывания, и действие, удалённое от момента высказывания.

(1) B – Bruno, J – Johnny, D – Dedée.

J – El compañero Bruno es fiel como mal aliento.

B – Hace rato que no nos veíamos. Un mes por lo menos.

J – Tú no haces más que contar el tiempo. El primero, el dos, el tres, el 21. A todo le pones un número. Y ésta es igual.

¿Sabes por qué está furiosa? Porque he perdido el saxo.

Tiene razón, después de todo.

B – ¿Pero cómo has podido perderlo?

J – En el metro. Para mayor seguridad lo había puesto debajo del asiento. Era magnífico viajar sabiendo que lo tenía debajo de las piernas, bien seguro.

D – Se dio cuenta cuando estaba subiendo la escalera del hotel – ha dicho Dedée, con la voz ronca [2].

Пример (1) демонстрирует имперфект (*era, tenía*) в отрезке дискурса, реализующем речевую тактику разъяснения, цель которой дать информацию о том, как был утерян адресантом саксофон. «Гло-

бальная» цель адресанта – информировать друга о последних событиях, имевших место в его жизни. Рассматриваемое высказывание показывает одно из них. Изображаемое действие происходит «вне» коммуникативной ситуации и для его воссоздания адресант использует имперфект в прототипическом значении (прошедшее незаконченное действие). Данную реализацию имперфекта Н.М. Фирсова называет описательно-повествовательным имперфектом. Ученый отмечает, что форма имперфекта является статичной, в противоположность «претериту», который является динамичной грамматической формой [3]. В силу своей статичности и нерезультативности имперфект выступает в качестве фона (декорации), на котором происходят события. В рассматриваемом высказывании имперфект как бы «обволакивает острые углы» событий, смягчая воздействие на адресата. Таким образом, в стратегии информирования имперфект также является маркером смягчения высказывания.

Аналогичное можно наблюдать в следующем примере, где имперфект используется также для обозначения действий «вне» коммуникативной ситуации [4]:

(2) P – padre, M (SM) – madre (se dirige a su marido y a su hijo).

M – ¿Se puede saber qué tramáis, vosotros dos?

P – Nada: estaba enseñando a Pablo el cuadro que te he regalado.

M – Increíble, ¿verdad? Tiene luz, textura, es muy ... étnico – dijo SM.

P – Sí, ¿por qué no les pides a esos petitmes que te has traído que nos sirvan ya la cena? Pasan de las nueve y media.

M – Precisamente venía a avisaros de que está servida [5].

Пример (2) иллюстрирует имперфект (*estaba enseñando*), который используется коммуникантом для изображения действия, которое длилось какое-то время до того, как было прервано каким-то другим речевым действием (вопросом матери). До её прихода отец (адресант) и

младший сын (адресат) вели беседу о поиске пропавшего старшего сына адресанта, информация, которую они тщательно скрывают от матери. Запрос информации, который она делает, сменяется тактикой разъяснения отца, для реализации которой употребляется форма имперфекта. Действие, выражаемое имперфектом, длится до настоящего момента (перфектный имперфект), когда начинает говорить мать. /- Можно узнать, что Вы двое здесь замышляете? – Ничего: я показываю Пабло картину, которую я тебе подарил./ Отец намеренно скрывает правду от жены. В данном случае тактика разъяснения затрагивает одну важную проблему, изучающуюся многими лингвистами (Лакофф, Гордон 1985; Грайс 1985; Арутюнова, Булыгина 1992; Зарецкая 1998; Плотникова 2000 и другие), проблему искренности / неискренности дискурса. Представляется, что связь с данным условием дискурса, несомненно, очень важна. Данная тактика применяется адресантом весьма успешно (мать поверила отцу, что видно по её реакции: она отмечает положительные стороны картины), вероятно, это происходит также благодаря имперфекту, который, снимая всякую событийность, придает высказыванию отца «умиротворённый» характер.

В связи с этим представляется уместным упомянуть исследования венесуэльского лингвиста Л.К. Диаса Сальгадо, который обнаружил, что ведущие теленовостей, применяя имперфект вместо результативных временных форм прошедшего плана, смягчают, таким образом, сообщение, чтобы отвлечь внимание зрителей (слушающих) и не навредить их психике [6].

Следующий пример подтверждает вышеизложенные рассуждения:

(3) S – señor, N – Nasim.

N – ...Ignoro que habrá hecho el rey con ellos, pero me lo imagino. Contigo en libertad no hay más Boabdil que Boabdil...

S – ¿Y Aben Comisa es su profeta? – le pregunto con aviesa intención.

N – Y Aben Comisa es su profeta — me responde –. Tú has dicho.

Luego, con una inflexión mucho me-

nos terminante, ha proseguido:

N – Decían los del Consejo Real que, puesto que tú firmas la concordia declarándote vasallo, debías besar la mano de los reyes. Yo me he opuesto en redondo; las rúbricas del protocolo, contra lo presumible, importan mucho [7].

Имперфект (debías) в примере (3) употребляется в высказывании, реализующем тактику разъяснения. Цель данной тактики – доложить своему господину о том, что думают в Королевском Совете о его будущем подписании соглашения. «Глобальная» цель адресанта – информировать адресата о происходящих событиях, следовательно, рассматриваемая тактика является основной в общей стратегии коммуниканта. Имперфект при этом выражает действие будущее, передающее чужое мнение (косвенную речь). Согласно классификации маргинальных значений Н.М. Фирсовой, данная реализация исследуемой формы имеет название «футуральный имперфект косвенной речи» [3].

В косвенной речи с претериальным временным центром имперфект может служить не только для передачи одновременности, то есть для выражения так называемого «настоящего в прошедшем», но и для обозначения следования («будущего в прошедшем»). Для этой цели он вступает в синонимические связи с простым кондиционалом (простой формой на -ría), специализированной формой выражения данного вида временных отношений [3]. Используя имперфект, адресант смягчает своё сообщение, которое звучало бы оскорбительно при использовании настоящего времени. Таким образом, имперфект в тактике разъяснения также может выступать в качестве маркера некатегоричности.

Рассмотрим следующий пример:

4) C – Carvalho (detective), M – Marqués.

C – ... No me gustó nada saber que Ud había estado en San Magín husmeando. Si hay que encontrar

algo encuéntrelo en cualquier parte, se

lo repito, en cualquier parte menos en San Magín.

M – Nadie me acotó el terreno. Vila-decans no me prohibió ir a San Magín. Ni la viuda.

C – Ya te lo había dicho. Viladecans no sabe lo que

hace últimamente. Ayer incluso me discutía el que

yo me negara en redondo a remover San Magín.

¿Qué le pasa a ese chico?

M – Yo apenas si tengo el disgusto de conocerle,

es cosa tuya [8].

Пример (4) иллюстрирует имперфект (*discutía*) в высказывании, реализующем тактику разъяснения. При этом имперфект обозначает завершённое действие. Завершённость данного действия очевидна, на это указывает также наречие времени «ayer», тем не менее, адресант применяет данную грамматическую форму намеренно, чтобы показать, что дискуссия с Виладекансом показалась протагонисту довольно продолжительной. О. Есперсен писал в связи с данным фактом: «С некоторым преувеличением можно даже сказать, пользуясь библейским выражением, что имперфект употребляет тот, кому один день кажется тысячелетием» [9]. Стратегическая цель адресанта (Carvalho) состоит в том, чтобы убедить адресата (маркиза) не появляться в районе Сан Махин, при этом он использует тактику информирования, которая подчинена данной цели (стратегия волеизъявления). Это подтверждает мысль, что тактики, принадлежащие одной стратегии, могут использоваться для реализации другой стратегии, в таком случае, данные тактики будут являться подчинёнными. Таким образом, в данном примере тактика информирования призвана, прежде всего, убедить адресата отказать от своей затеи.

В большинстве случаев видовременные формы в повествовании интерпретируются относительно другой реляционной точки отчета. В Экспозитиве также могут появляться элементы Нарратива, тогда точка отсчёта смещается в прошлое, а события при этом происходят «вне» коммуникативной ситуации. Рассмотрим пример:

(5) M – Manuela (escritora); A – su amiga.

A – Me ha pasado una cosa... He pen-

sado que tenía

que contártelo. Ayer se acercó una mujer que

asegura conocerte y quiere que te pongas en contacto

con ella. Una preciosidad de señora, cincuenta y

tantos, quizá más, no los aparenta.

M – ¿Y qué? – corté, para impedir que siguiera

divagando.

A – Al principio creí que era una fan psicópata, de las

que matan si no ven correspondidas.

M – Play «Misty» for me, y yo, de Clint Eastwood.

A – Exacto. Manuela, tenemos que ir al cine un día

de estos.

M – Bueno, ¿es una chiflada o no?

A – Tiene una foto dedicada por ti. ... en la foto estáis

las dos, aunque la que menos ha cambiado es ella.

Tú no tienes más de diez u once años [10].

В примере (5) имперфект (*tenía, era*) используется в двух высказываниях, реализующих тактики разъяснения, входящих в общую стратегию информирования, имперфект при этом обозначает одновременность с другими действиями (*he pensado, creí*), которые относятся к плану прошлого. В данном примере адресант информирует адресата о прошлом событии, которое, как следствие несовпадения временных планов (настоящего и прошедшего), находится «вне» коммуникативной ситуации. Цель тактик (информировать) совпадает со стратегической целью. При этом адресантом движет исключительно чувство долга – донести информацию до адресата.

Таким образом, имперфект в тактике разъяснения используется, в основном, в своём прототипическом значении (прошедшее незаконченное действие, прошедшее итеративное действие), презентном имперфекте косвенной речи и футуральном имперфекте косвенной речи.

Данная тактика, используя имперфект, отражает объективную действительность, которая имела место непосредственно до момента высказывания, либо в

прошлом, неопределённо или определённо удалённом от данного момента («вне» коммуникативной ситуации). Рассматриваемая тактика тесно связана с такими лингвистическими понятиями, как искренность / неискренность и может маркировать стратегию информирования или быть подчинённой в стратегии волеизъявления. Кроме того, имперфект выступает в роли

смягчителя высказываний, сообщаемых адресату.

Исследование имперфекта с позиций дискурсивного анализа стратегий и тактик позволяет по-новому взглянуть на данную проблему и выявить прагмасемантический аспект в использовании имперфекта участниками коммуникации в современном испанском языке.

Библиографический список

1. Горбаневский М.В. Информационные высказывания в форме утверждений, мнений, оценки, предположения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexpert.ru> (15.02. 2015).
2. Cortázar, J. Las armas secretas y otros relatos. Madrid: Bibliotex, S. A., 1999. 126 p.
3. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол. М.: Высшая школа, 1984. 272 с.
4. Alvarez Muro A. Ordenes discursivos y tipos de texto. Depósito legal. 2001.
5. Tusset P. Lo mejor que le puede pasar a un

6. cruasán. Madrid : Ediciones Lengua de trapo. 2002. 471 p.
6. Díaz Salgado L. C. La decoración del drama [Recurso electrónico]. URL: <http://www.analitica.com/biblioteca/lcdiaz/drama.asp> (fecha de acceso : 2015, Febrero 20).
7. Gala A. El manuscrito carmesí. Madrid: Planeta, 2000. 611 p.
8. Montalbán M. V. Los mares del Sur. Madrid: Bibliotex, S. L., 2001. 191 p.
9. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.
10. Torres M. Un calor tan cercano. Madrid: Editorial Anagrama, S. A., 1999. 191 p.

Зайкова Ирина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, e-mail: irazaykova@mail.ru

Пензева Евгения Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, e-mail: evpenzeva@yandex.ru

Zaykova Irina Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department, e-mail: irazaykova@mail.ru

Penzeva Evgeniya Petrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department, e-mail: evpenzeva@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ АНТОНИМИЧЕСКОЙ ПАРЫ «ДОБРО» И «ЗЛО»)

© И.В. Пашаева*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В настоящей статье исследована категория противоположности, которая получает разработку в рамках антропологической лингвистики. Существование объективных противоположностей и познание их человеком создают необходимость их отражения средствами языка, что проявляется в антонимии. В данной работе выделяется ряд критериев, согласно которым противоположные понятия «добро» и «зло» признаются антонимической оппозицией. Антонимическая пара «добро» и «зло» имеют разноуровневые средства выражения в немецком языковом сознании. В связи с этим целью данной статьи является выявление языковых форм их реализации.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, категория противоположности, антонимия, антонимическая оппозиция, семантически сопряженные категории, языковая картина мира, добро, зло.

CATEGORY OF OPPOSITION AND ITS LANGUAGE REALIZATION IN MODERN GERMAN (THROUGH THE EXAMPLE OF ANTONYMIC PAIR 'GOOD' AND 'EVIL')

I.V. Pashaeva*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article considers the category of opposition that is explored in anthropological linguistics. The existence of objective oppositions and cognizing those by a human create the necessity to reflect them by means of language that comes into focus in antonymy. The given article highlights a set of criteria according to which the opposite concepts 'good' and 'evil' are recognized as an antonymic opposition. The antonymic pair 'good' and 'evil' has multilevel means of expression in German linguistic consciousness. The purpose of this article is to identify the linguistic forms of their realization.

Keywords: anthropological linguistics, category of opposition, antonymy, antonymic opposition, semantic conjugate categories, linguistic world-image, the good, the evil.

В силу антропоцентрической ориентации современной лингвистики язык рассматривается ни как знаковая система различительных единиц, характерная для эпох структурализма, а как одно из средств доступа к сознанию человека. Данная формулировка напрямую соотносится с философией бытия человека: «... сущность человека покоится в языке» [1, 259], «язык служит выражением бытия человека» [2, 197]. Язык при таком подходе мыслится как духовная активность человека, тесно связанная с его миропониманием и знанием о мире. Данное рассуждение пересекается в одной плоскости: человек, мир в самом широком понимании этого слова, язык. Мир человека и окружающий его мир, отраженный в сознании и мышлении человека, материализуется и запечатлевается посредством языка.

В современной отечественной линг-

вистике антропологический принцип изучения языка тесно связан с изучением семантики эгоцентрических категорий, которые определяют различные аспекты бытия человека в языке. Так, предметом исследования выступают интеллектуальная и эмоциональная деятельность личности, сфера сакрального, в рамках которой определяются нормы отношения людей к миру, человеческое поведение, категория бытия, охватывающая в совокупности все объекты живой и неживой природы и т. д.

Наряду с исследованиями отдельно взятых категорий в современных лингвистических исследованиях, существует тенденция параллельного изучения взаимосвязанных концептов и категорий или, другими словами, семантически сопряженных категорий. К категориям такого типа относятся понятия прекрасного и безобразного, выражающих эстетическую оценку, категории

чувств – любовь и ненависть, а также жизнь и смерть, правда и ложь, преступление и наказание. В семиосфере названных категорий определенное место занимают семантически сопряженные категории добра и зла, представляющие собой типичную бинарную оппозицию и являющиеся аксиологическими антиподами [3].

В основе исследования категорий такого типа лежит научно-философский принцип синергетики, который акцентирует внимание на согласованности и взаимодействии частей при образовании структуры, как единого целого, и позволяет рассматривать два противоположных явления без отрыва друг от друга [4]. Как правило, семантически сопряженные категории пересекаются и переходят одна в другую, порождая тем самым еще целый ряд сопряженных смыслов, конституирующих определенное лексико-семантическое поле бинарной природы, связанных отношениями противоположности [5].

Противоположность вообще – это возможный максимум различий. Категориальное понятие противоположности имеет сложную логическую структуру. Как и всякая абстракция, оно формируется на основе конкретных представлений наиболее простых, наглядных и практически важных, в первую очередь, пространственных, кинетических и чувственно-оценочных, которые используются как модель для освоения более сложных и отвлеченных состояний [6, 456]. При всех различиях частных случаев отождествление их в категорию противоположности производится по общему признаку возможного максимума различий: противоположным признается то, что максимально отлично по признаку, положенному в основание сравнения. На отношение противоположности, как свойства, присущего либо не присущего разным категориям, указывал в своих сочинениях еще Аристотель, выделяя при этом четыре смысла противопоставления: соотнесение вещей (когда двойное противостоит половине); противоположение вещей (например, как зло противостоит добру); лишенность свойства или само свойство (например, слепота и зрение); утверждение и отрицание (например, сидит или не сидит) [7, 115].

В философии выделяется ряд характеристик, необходимых для четкого опреде-

ления категории противоположности, которые имеют следующие свойства:

1. Противоположности выступают как своеобразное единство тождественного и различного. Являясь сторонами одной и той же сущности, противоположности могут обладать не только различными, но и общими чертами. По этому поводу И.М. Кобозева отмечает следующее: «Вообще, для того чтобы говорить о противопоставленности одной сущности другой, необходимо, чтобы эти две сущности имели между собой что-то общее, что можно было бы считать основанием для сравнения. Противопоставление (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции» [8, 97].

2. Необходимым видом взаимосвязи между противоположностями выступает их единство, которое обозначает принадлежность противоположных понятий к единой определенной целостности. Каждая из противоположных сторон явления существует, как данное, лишь при наличии своей противоположности (например, положительный – отрицательный).

3. Односущностные противоположности, образующие единства, могут не только взаимодополнять, взаимопредполагать, взаимообуславливать, но и одновременно взаимоисключать друг друга.

4. Наряду с названными свойствами, противоположности характеризуются взаимопроникновением, так как одна сторона способна являться условием существования и функционирования другой; изменение одной стороны сказывается на содержании и форме другой [9]. Будучи внутренне необходимо взаимосвязанными, противоположности «меняются местами, переходят друг в друга в том смысле, что количественные изменения, например, приводят к качественным изменениям» [10, 29]. Само превращение и переход в другое, в свою противоположность связано с тем, что это другое уже находится в первом как его отрицание. Таким образом, противоположности – это такие стороны, предметы и явления окружающей действительности, которые одновременно неразрывно связаны, взаимоисключают друг друга, взаимопроникают и – при определенных условиях –

переходят друг в друга.

Изучением категории противоположности на протяжении многих веков занимается также формальная логика. Так, в работах Аристотеля, касающихся системного изучения логики, содержатся важные положения в отношении категории противоположности. Противоположность, по мнению Аристотеля, может быть контрарной и контрадикторной. В связи с этим, формальная логика различает контрарные и контрадикторные отношения между понятиями. Логическая контрадикторность означает, что отрицание одного понятия равносильно утверждению другого и наоборот (например, женатый – холостой). При контрарных отношениях одно понятие имплицитно включает отрицание второго, но неэквивалентно этому отрицанию (например, веселый – грустный).

Понятие «противоположности» в лингвистике достаточно долго оставалось весьма расплывчатым. Впервые на необходимость анализа лингвистического аспекта этого понятия обратил внимание Е.Н. Миллер, подчеркнув, что языковая противоположность значений в огромной степени зависит от речевого употребления антонимических оппозиций и тем самым существенно отличается от понятия «противоположность» в философии и логике [11, 16]. Противоположное значение, которым обладает каждый член антонимической пары, можно охарактеризовать как значение, в котором имеется дифференциальный признак, обеспечивающий потенциальную способность слова к противопоставлению [9, 21]. Противоположные значения слов первично обнаружены по ассоциациям благодаря интуиции, в основе которой лежит опыт человека. На этот счет Е.Н. Миллер указывает, что «... интенсивность возникновения семантических ассоциаций зависит от частотности восприятия соответствующих слов с противоположными значениями, от парного их проявления в речи, однако, в первую очередь, от целенаправленности мыслительной деятельности в процессе порождения речи» [12, 11]. Таким образом, противоположное значение – это такое значение, которое ассоциативно соотносится с антиподом.

Тип семантических отношений, устанавливаемых прежде всего в парадиг-

матическом плане между лексическими единицами, имеющими противоположные значения, характеризуется в лингвистических исследованиях как лексическая антонимия [13]. Разработка теории антонимии в отечественном языкознании началась сравнительно недавно, в связи с тем, что многие ученые признают антонимию скорее логической, чем языковой категорией. Так, например, А.Г. Волков считает антонимию (как и другие семасиологические категории: полисемию, омонимию, синонимию) результатом логического анализа. Эти семасиологические категории, по его мнению, «представляют собой логические операции мышления» [14].

Считая антонимию особым языковым явлением, В.Н. Комиссаров выделил три семантические особенности, характеризующие это явление как языковое: противопоставленность как элемент значения слова, независимый от конкретного контекста, то есть как явление языка, а не речи; регулярное противопоставление противоположных по значению слов в речи; одинаковая, как правило, сфера контекстуальной сочетаемости [15]. Антонимичность выступает в качестве особой характеристики лексического значения, как специфическое языковое отражение различий и противоречий в предметах и явлениях мира. Проявлением антонимии, как свойства языка, выступают антонимы. По определению Н.Б. Боевой, антонимы – это полнозначные слова с противоположными лексическими значениями, обозначающие предельно различающиеся и ассоциативно взаимосвязанные с точки зрения носителя определенного языка односущностные экстралингвистические реалии [16]. В свойствах антонимов находят отражение свойства объективных противоположностей. Это проявляется в том, что антонимы имеют не только различные, но и общие черты. В связи с этим положением, антонимы могут обладать не только взаимоисключающими друг друга, но и взаимосвязанными значениями. Антонимичными могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку. Таким образом, всякая антонимичность связана с поляризацией определенного семантического пространства и может быть представлена дво-

яко. Во-первых, путем выделения некоторых более или менее устойчивых отрезков этого пространства, приобретающих относительно самостоятельные характеристики. Во-вторых, путем антонимической поляризации, то есть установления двух полярных точек, характеристики которых взаимообусловлены. Первый способ членения семантического континуума используется, главным образом, для обозначения конкретных предметов и явлений в языке. Второй – при выделении разнообразных качественных признаков [17, 133].

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от характера обозначаемой противоположности антонимы объединяются в соответствующие классы: контрарные, комплементарные и векторные.

«Два понятия контрарны, если между явлениями, в них мыслимыми, существует наибольшее различие в пределах, устанавливаемых родовым понятием» [13, 149]. Отношение контрарной антонимии связывает слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующий тому или иному измерению или параметру объекта или явления, например, такому, как размер, температура, интенсивность, скорость и т. п. Иначе говоря, корреляция этого типа характерна для пар слов с «параметрическим» значением: *большой – маленький, жара – мороз*. Между контрарными противоположностями есть средний, промежуточный член: *молодой – нестарый – немолодой – старый*. Отношение дополнительности, или комплементарная антонимия, характеризует пару слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечет утверждение того, что обозначает второе. В отличие от контрарных понятий у них нет среднего промежуточного члена: *неправильный – правильный*. Векторную или контрадикторную противоположность образуют слова, обозначающие разнонаправленные действия свойства и признаки: *влетать – вылетать, замерзнуть – таять*.

Ю.Д. Апресян отмечает, что характеристика антонимов должна обязательно включать парадигматическую и синтагматическую стороны [18, 327]. В парадигматическом плане у антонимов обнаруживаются сходные смысловые структуры и компо-

нентный состав значений. При этом подчеркивается свойственная антонимам семантическая общность, которая проявляется в «соотносительности значений», или в их принадлежности к одной лексико-семантической парадигме, или в том, что они выражают одно и то же родовое понятие. Из синтагматических свойств антонимов в качестве обязательного признака автор отмечает хотя бы частичное совпадение сочетаемости или, что тоже самое, возможность частичной взаимозамены в одном и том же контексте [18, 328]. Контекстуальная сочетаемость антонимов в большинстве случаев обнаруживает большое сходство, и всегда возможно подобрать такой контекст, в котором оба члена антонимической пары взаимозаменяемы, причем замена одного антонима другим сообщает всей фразе противоположный смысл, например: *Эта гора высокая / низкая*.

Кроме указанного критерия контекстуальной сочетаемости, Е.Н. Миллер выделяет еще ряд критериев, которые могут быть использованы для определения антонимичности слов [12, 40]. К антонимам он относит слова с противоположными значениями, различающиеся по выражению противоположности, предполагающей одновременно тождество в каком-то отношении, например: *большой – малый* (оба антонима обозначают величину, размер). Антонимы обычно употребляются в типичных синтаксических конструкциях во взаимном противопоставлении могут образовывать словообразовательные гнезда и составлять лексико-семантические поля [12].

Что касается исследуемых категорий добра и зла, то на основании вышеназванных критериев лексическая пара «добро» и «зло» может быть признана антонимической, так как:

1) данные антонимы могут выступать в речи как контрарная противоположность (*eine sittliche / unsittliche moralische Bewertung*), но они обнаруживают и тождество (*moralische Bewertung*);

2) данные антонимы употребляются в синтаксических конструкциях во взаимном употреблении, о чем свидетельствует ряд примеров:

Aus Bösem kommt nichts Gutes [19, 91].

Böse Beispiele verderben gute Sitten [19, 92].

Lob macht den Guten besser, den Bösen schlimmer [19, 77].

Vernimmt gleichmütig Gutes sowie Böses [20, 88];

3) одинаковая сфера сочетаемости данной антонимической пары проявляется в следующих словосочетаниях:

Gutes / Böses tun; ein böser / guter Mensch; Böses mit Gutem vergelten; Gutes mit Bösem vergelten;

4) каждый из антонимов исследуемой пары может образовать лексическое поле и быть использован в качестве основы для словообразовательного гнезда, например:

- *Gute, gut, gütig, gutartig, gutachterlich, gutgemeint, gutgesinnt, gutangezogen, gutgelaunt, herzensgut, seelengut, gutherzig, gutmütig, gutwillig, guttun, Gutartigkeit, Gutherzigkeit, Güte, Guttat, Gutwilligkeit usw.*

- *Böse, böse, boshaft, böswillig, bösarzig, erzböse, bitterböse, grundböse, Bosheit, Bösewicht, Böswillige, Böswilligkeit, Boshaftigkeit, Bösarzigkeit usw.*

Как отмечал в своем исследовании М.М. Покровский, «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, а соединяются в различные группы, причем основанием для их группировки служат сходство или прямая противоположность по основному значению» [21]. Следовательно, противоположность – это категория не только противопоставляющая, но и объединяющая, поскольку представление о противоположности, по утверждению Ш. Балли, в сознании человека «ассоциативно соотносится с его антиподом и каждое слово всегда, так или иначе, вызывает представление о другом» [22, 184]. Данное утверждение можно проследить на примере дефиниций лексем *das Gute* и *das Böse* в толковых словарях современного немецкого языка. Особенность лексемы *das Gute* заключается в том, что значение слова объясняется путем использования словосочетаний или выражений абстрактного характера, содержащих в своем составе лексему *Gute* (*Gutes*), например: *Gutes tun, an das Gute im Menschen glauben, er hat viel Gutes in seinem Leben getan* [23, 117], а также путем использования противоположного понятия *das Böse*: *Gutes und Böses kennen, Gut und*

Böse (nicht) verschieden können, Gutes mit Gutem, mit Bösem vergelten; jenseits von Gut und Böse sein [23, 117]. Таким образом, объяснение значения одного слова *das Gute* происходит через противоположное понятие *das Böse* и наоборот.

В языковой картине мира современного немецкого языка антонимическая пара *das Gute* и *das Böse* находит свое выражение посредством предикативной лексики, обозначающей противоположную направленность свойств, признаков, действий. На лексическом уровне для их выражения используются, в первую очередь, имена прилагательные.

К прилагательным, репрезентирующим категорию *das Gute*, можно отнести следующий ряд синонимов: *gut – herzensgut – seelengut – fein – vortrefflich – vorzüglich – ausgezeichnet – prächtig* [24, 225]. Прилагательное *fein* выражает значение славный, приятный во всех отношениях человек. Предикаты *herzensgut, seelengut* являются стилистическими синонимами и выражают значение, которое обозначает усиление степени доброты: добросердечный, душевный, человек полный искреннего дружелюбия. Лексема *vortrefflich*, также как *vorzüglich*, передает значение расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты.

По степени интенсивности от указанных выше предикатов отличаются лексемы *ausgezeichnet, prächtig*, которые выражают эмоциональную оценку качеств человека. При использовании лексемы *prächtig* подчеркивается восхищение не только «внутренней», но и «внешней красотой» человека.

В других немецкоязычных синонимических словарях, наряду с указанными прилагательными, выражающими категорию *das Gute* в немецком языке, присутствуют следующие: *gutherzig, gutmütig, hilfsbereit, mitfühlend, gutartig* [25, 34]; *trefflich, schön, nichtzuverachten* [26, 128]. С помощью данных предикатов подчеркиваются различные внутренние качества человека, такие как честность, доброжелательность, любезность, сердечность, сочувствие, готовность прийти на помощь, выражая при этом частнооценочное значение («добрый»).

Для выражения категории *das Böse* применяется ряд частнооценочных прилагательных, выражающих отрицательную мо-

ральную оценку: *böse, gallig, boshaff, böseartig, erzböse, bitterböse, grimmig, hämisch, ingrimmig, schlimm, garstig, übel, unausstehlich, übelwollend* usw. [27, 120].

Несмотря на наличие общего дескриптивного компонента, синонимы данного ряда, согласно немецко-русскому синонимическому словарю, располагаются по степени возрастания выражаемого признака следующим образом: *gallig – boshaff – böse – böseartig – bitterböse – grimmig – ingrimmig* [24, 109].

Специфика имен прилагательных *gallig, boshaff, böse, böseartig, bitterböse, grimmig, ingrimmig* заключается в том, что наряду с инвариантной семой «böse», они содержат дополнительные семы неоднородные по своему характеру.

Один из них, например, *gallig*, указывает на эмоциональное состояние, в котором находится злой человек, переживающий чувства, всегда присутствующие в его душе – ненависть, злость, ярость. Постоянное присутствие «злого начала» в человеке, прикрытое показным доброжелательством, приводит к общему негативному отношению к людям, к желанию причинить зло (нередко с удовольствием), что выражается предикатами *boshaff, böseartig*. На возможность сходства поведения человека и животного указывает прилагательное *grimmig* – зверский, свирепый, выражающий жестокость. В случае указания на черты характера человека используются предикаты с общим значением злой, очень злой, злющий: *böse, bitterböse*.

Разноуровневые языковые единицы, потенциально приспособленные для выражения категорий *das Gute* и *das Böse*, можно объединить в семантические подгруппы.

К первой группе относятся предикаты с общей семой «расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты»: *gutherzig, herzlich, grossmütig, geistreich, nicht zu verachten, gutmütig, hilfsbereit, mitfühlend, gutartig*.

Близки предыдущей группе предикаты с общим семантическим компонентом «желающий добра»: *wohlwollend, wohltuend, gewogen, wohlmeinend, wohlgesinnt*.

По значению «соблюдающий нормы общественного порядка, требования морали; соответствующий этим нормам» выделяются следующие предикаты: *moralisch,*

sittlich, ethisch, tugendhaft, rein, friedlich, keusch, tadellos, zuverlässig, vertrauenswürdig.

Значением «проникнутый любовью, уважением к человеческой личности» отождествляются лексемы: *human, menschenliebend, menschenfreundlich, menschlich, lieb, liebenswert*.

Следующую подгруппу образуют предикаты с общим семантическим компонентом «обладающий высокими нравственными качествами». Данное значение свойственно предикатам: *edel, edelmütig, grossmütig, manierlich, honorig, achtbar, trefflich, einwandfrei, unbescholten, schicklich, günstig, nobel*.

Предикаты *ehrlich, redlich, anständig, ehrenhaft, grundehrlich, fair, aufrichtig, freimütig, gerade, rechtschaffen, lauter* образуют группу с семантическим компонентом «человек чести».

В отдельную подгруппу можно выделить адъективные предикаты с общей семой «озлобленный, ожесточенный, намеренно причиняющий зло человек» *hämisch, schlimm, garstig, übel, unausstehlich, übelwollend*.

Следующую группу составляют предикаты с общей семой «нарушающий нормы общественного порядка, требования морали»: *unsittlich, unmoralisch, lasterhaft, verderbt, unzüchtig, ausschweifend, liederlich*.

По значению «пропитанный злостью, презрением к людям» выделяются предикаты: *herzlos, brutal, grausam, hart, blutdürstig, blutgierig, hartherzig, bestialisch, tierisch, herzlos, gefährlich, gehässig, gemeingefährlich, aggressiv*.

Следующую подгруппу образуют предикаты со значением «низкий, ничтожный человек в духовном и нравственном отношении»: *gemein, niederträchtig, schändlich, schmutzig, ekelhaft, garstig, schikanös, frech, zynisch, schamlos, unverschämt, ungeniert*.

Значение «скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел»: свойственно словам: *tückisch, hinterlistig, verräterisch, wortbrüchtig, treulos*.

Аморальность обмана, предательства, бесчеловечности, их нравственно отрицательное значение является результатом отклонения от требований нравственности и

представлено в языке такими предикатами как *unehrlich, unehrenhaft, gewissenlos, schändlich, frech, unverschamt, heuchlerisch, verlogen, lügenhaft, falsch, doppelzüngig*.

Кроме имен прилагательных, антонимическая пара *das Gute* и *das Böse* может быть выражена посредством имен существительных.

К категории *das Gute* относятся имена существительные со значением «добрый человек»: *Seele, Humanist, Engel*. К этой же области могут быть отнесены различные сочетания частей речи: *eine gute Seele, ein gutmütiger Mensch, guter Kerl, keine Galle haben, eine ehrliche (gute) Haut, Holz auf sich hacken (spalten), eine Seele von einem Mensch, Lamm Gottes, nicht aus Holz, das Herz auf dem rechten Fleck haben* [26].

В структуру категории *das Böse* входит группа имен существительных, образованных в процессе номинализации выше названных прилагательных: *böse – Böse, boshaff – Bosheit, böseartig – Böseartigkeit, gallig – Galligkeit*.

В отдельную группу можно объединить слова-идентификаторы со значением «человек с крайне отрицательными, отталкивающими моральными качествами»: *Ungeheuer, Unmensch, Untier, Mißgeburt, Mißgeburt der Hölle, Abschaum, Luder, Nichtigkeit, Hexe, Scheusal, Wüterich*, а также фразеологизмы: *glattwieeinAal, eine böse Sieben, ein böser Geist, voll Gift stecken, er steckt voller Unarten wie der Hund voll Flöhe*.

Особую группу формируют номинации человека, совершающего социально-осуждаемые и опасные для общества действия: *Bandit, Mörder, Terrorist, Verbrecher, Dieb, Gauner, Brandstifter, Schurke, Übeltäter, Unhold, Erpresser*. К данной группе могут быть отнесены и «биоморфные метафоры» – *Tier, Schwein, Hund, Aal, Schlange, Aas, Kröte, Esel, Sau, Hündin, Hundejunge*, а также окказиональные образования – *Bluthund, Dreckding, Dreckschleuder, Blutsauger, Dreckskerl, Hundepack, Saubande, Stinksack, Scheißkerl, Schweinhund*.

В особую группу можно выделить имена существительные, которые содержат в своей семантике указания на конкретные чувства: *Güte, Milde, Gutmütigkeit, Freundlichkeit, Harmlosigkeit, Gütigkeit, Herzenswärme, Warmherzig, Herzensgüte, Herz-*

lichkeit.

Имена существительные могут выражать отрицательно оцениваемые чувства, содержащие в себе сему «общее проявление зла»: *Bosheit, Boshaftigkeit, Böseartigkeit, Niedertracht, Garstigkeit, Gemeinheit, Schurkerei, Infamie, Unverschämtheit, Gehässigkeit, Schadenfreude, Übelwollen, Rachsucht, Böswilligkeit, Kleinmut, Groll*.

Многие лексические единицы, репрезентирующие отрицательную моральную оценку с общей семой «безнравственный, аморальный человек», могут объединяться в следующие синонимические ряды. Например:

– лексические единицы с религиозной семантикой, встречающиеся в христианской мифологии: *Antichrist, Bösewicht, Satanas, Beelzebub, Luzifer, Verderber, Versucher, Erzfeind, Feind*;

– лексические единицы, олицетворяющие злого человека, выраженные эвфемизмами: *Teufel, Urian, Pferdefuß, Leibhaftige (m), Gottseibeius, Niemand, Schwatze (m), Monstrum*;

– лексические единицы, называющие литературных персонажей, которые стали прообразами зла, подлости и коварства: *Mephistopheles, Höllenfürst, Fürstder Finsternis / der Hölle*;

– лексические единицы со значением лица: *Böse (m), ein boshafter Mensch, boshafftes Frauenzimmer, Spitter, Lästermaul, Furie, Hexe, Barbar, Peiniger, Henker, Deibel, Deixel, Deubel, Streber*;

– лексические единицы с семой «подлый, низкий человек»: *Schuff, Halunke, Auswurf, Lump*;

– «грубый, невоспитанный человек»: *Flegel, Grobian, Lümmel, unhöflicher Mensch*.

– «лживый человек, обманщик»: *Lügner, Betrüger, Verleumder, böse Zunge*.

Лексическую наполняемость исследуемых категорий могут составлять также глаголы, глагольные конструкции и разные сочетания, которые своей семантикой показывают ориентированность на принятые моральные нормы.

Большую и разнообразную группу составляют предикаты с общей семой «облагораживать, сделать более высоким в духовном и моральном отношении»: *veredeln, verbessern, Nutzen bringen, sich mit jm. Gut vertragen, mit jm. befreundet sein, mit jm.*

auf gutem Fuß stehen, um js. Heil besorgt sein (sorgen), lieben.

Противоположное значение имеют предикаты, обозначающие какие-либо действия по отношению к объекту. По значению «нарушать закон, общепринятые нормы поведения» выделяются глаголы: *ermorden, umbringen, erschießen, vernichten, vergewaltigen, erniedrigen, demütigen, mißhandeln, stehlen, klauen, lange (krumme) Fingerhaben.*

К отрицательно оцениваемым действиям относятся глаголы с семой «нарушать правила общественного порядка», что свидетельствует о неуважении к обществу: *randalieren, sich wie ein Rowdy benehmen, Radau machen, toben, Unfung treiben, jn. Verletzen, verwunden, kränken, beleidigen, verhöhnern, insultieren*, а также глаголы со значением «лгать, обманывать»: *betrügen, lügen, übertölpeln, für dumm verkaufen, nasführen, anführen, toppen, zum Narren halten.* Значение «зверствовать, уподобляться в своем поведении животному» присуще глаголам: *wüten, quälen, Geifer spritzen, jn. Bis aufs Blut reinigen (quälen).* Отрицательную моральную оценку речевой деятельности человека выражают предикаты *Grobheiten sagen, frech werden, unflätige Worte gebrauchen, sich grob (flegelhaft) benehmen, beschimpfen, jm. Böses nachreden.*

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что семантически сопряженные категории добра и зла представляют собой типичную бинарную оппозицию и являются аксиологическими антиподами, обладающие «парно-соотноси-

тельным характером», поэтому одним из типов отношений между ними является отношение противоположности. Противоположность характеризуется единством тождественного и различного, принадлежностью к определенной целостности, взаимоисключением входящих в ее состав элементов, а также взаимопроникновением. Существование объективных противоположностей и познание их человеком создают необходимость их отражения средствами языка, что проявляется в антонимии. Антонимы употребляются в типичных синтаксических конструкциях во взаимном противопоставлении, они могут образовывать словообразовательные гнезда и составлять лексико-семантические поля. В соответствии с данными критериями противоположные понятия добра и зла могут быть признаны антонимической парой. Указанное обстоятельство позволяет рассматривать данные категории в тесной взаимосвязи, соблюдая принцип параллельного изучения данной антонимической пары. Семантически сопряженные категории добра и зла находят свое отражение в языковой картине мира человека. Языковая онтология данных категорий репрезентируется определенным набором разноуровневых языковых средств, потенциально приспособленных к выражению моральной оценки. На лексическом уровне для выражения указанных категорий привлекается предикативная лексика, представленная качественными именами прилагательными, именами существительными, глаголами и глагольными конструкциями.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика.1993. 447 с.
2. Ясперс К. Язык. Философия языка и семиотика. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1995. 453 с.
3. Малинович Ю.М. Семиосфера культуры в антропологической лингвистике. Сб. статей к юбилею проф. Л.М.Ковалевой. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 227–243.
4. Хакен Г. Тайны природы: синергетика: наука и взаимодействие / пер. с нем. Л.И. Логунова. М.: Наука. 2003. 361 с.
5. Пашаева И.В. Семантически сопряженные категории: *das Gute/das Böse* и их актуализация в немецком языковом сознании: дисс. ...канд.

6. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, Ирк.гос. лингв.ун-т, 2004. 173 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 757 с.
7. Аристотель.Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т.2. 213 с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 352 с.
9. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке. М.: Готика. 2000. 160 с.
10. Лежебоков П.А. Диалектическое противоречие как закон познания:дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Иваново, Иван. гос. ун-т. 1990. 367 с.

11. Миллер Е.Н. Семантическая классификация антонимов (на материале немецкого языка). Исследования по вопросам теории иностранных языков: Сб. науч. тр. Алма-Ата: Казах. гос. пед. ин-т. 1979. С. 3–17.
12. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та. 1990. 223 с.
13. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа. 1982. 272 с.
14. Волков А.Г. Язык как система знаков. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. 1966. С. 73–75.
15. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонимов. Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49–58.
16. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: автореф. дисс. ... докт.филол. наук: 10.02.04. Москва, Моск. гос. пед. ун-т. 2001. 30 с.
17. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука. 1973. 279 с.
18. Апресян Ю.Д. Лексические антонимы и преобразования с ними. Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука. 1973. С. 326–348.
19. Beyer Horst und Annelies. Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert. Leipzig. VEB Bibliographisches Institut. 1984. 712 S.
20. Русско-немецкий словарь крылатых слов / под ред. Ю.Н. Афонькина. М.: Русс. яз. 1990. 288 с.
21. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков М.: Ком-книга. 2006. 136 с.
22. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд. иностр. лит. 1961. 394 с.
23. Duden. Sinn – und Sachverwandte Wörter: Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. Mannheim; Wien; Zürich. Dudenverlag. 1993. 827 S.
24. Немецко-русский синонимический словарь / под ред. И.В. Рахманова, Н.М. Мининой, А.Г. Мальцевой, Л.И. Рахмановой. М.: Русс. яз. 1983. 304 с.
25. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. Hrsg. von Herbert Görner und Günter Kempcke. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 1985. 893 S.
26. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Hrsg. von Herbert Görner und Günter Kempcke. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 1980. 643 S.
27. Knaur's Lexikon der Sinnverwandten Wörter. München: Knaur's Verlag. 1982. 984 S.
28. Agricola Chr. Wörter und Gegenwörter. Antonyme der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 1984. 280 S.

Пашаева Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, e-mail: pashaeva@istu.edu

Pashaeva Irina Valeryevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department for Humanities, e-mail. pashaeva@istu.edu

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДРУЖЕЛЮБИЯ

© Т. С. Рыжкова*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматривается социокультурный аспект дружелюбия в немецкоязычной среде. Анализируются вербальные и невербальные средства выражения дружеского отношения. Автор рассматривает причины, мотивы, а также тактики выражения дружеского расположения. Представлены результаты ассоциативного эксперимента. Отмечается, что дружелюбие оказывает положительный эффект и способствует успешной коммуникации.

Ключевые слова: дружелюбие, культура, социальная среда, общество, вербальное поведение, невербальное поведение, успешная коммуникация.

SOCIOCULTURAL ASPECT OF FRIENDLINESS

T.S. Ryzhkova*

*Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article considers the sociocultural aspect of friendliness in German-speaking environment. Verbal and nonverbal means of expression of friendliness are analyzed. The author considers the causes, motives and tactics of expression of friendliness. The results of association experiment are represented. It is noted that friendliness has a positive effect and contributes to the successful communication.

Keywords: friendliness, culture, social environment, society, verbal behavior, nonverbal behavior, successful communication.

Для лингвистики начала XXI века характерно более пристальное изучение и исследование языка как важнейшего средства общения. Научный интерес фокусируется на человеке, говорящем с определенными речевыми стратегиями и тактиками, позволяющими ему вести успешную коммуникацию в социальном окружении и достигать определенных целей.

Дружелюбие, в котором отражается "дружеское отношение, дружеское чувство, приязнь" [1, с. 804], является важной составляющей социокультурной организации общества, межличностного и межкультурного общения, понятийно-содержательная часть которой простирается в сферу жизнедеятельности человека в самых разнообразных горизонтах его бытия в рамках определенных социальных, культурных, религиозных, морально-нравственных и этических норм.

Обсуждение дружеского отношения, как добродетели, присущей человеку, было заложено в античной философии Аристотелем, который в своих трудах по этике одних людей называл угодниками,

других – вредными и вздорными. Обладателем срединного склада общения философ считал человека дружелюбного, который в общении именно таков, каким мы склонны считать доброго друга. Человек дружелюбный "не станет добавлять сверх того, что есть, и не будет хвалить того, что не должно, однако и принижать не будет и ни в коем случае не станет говорить противное тому, что думает" [2, с. 323].

В немецкой языковой картине мира человек дружелюбный оценивается позитивно, так как этимологически дружелюбие / *Freundlichkeit* восходит к слову друг – *Freund*. Основные этапы формирования понятия дружелюбия, выражающего дружеское отношение в немецкой лингвокультуре, отражены в следующей схеме: germ. *Wz. frī* (оберегать) – got. *frijōn* (любить) – got. *frijōnds* (друг) – ahd. *friunt* (друг, родственник) – ahd. *friunt | lih* (дружественный, с дружескими манерами; приятный, милостивый) – mhd. *vriunt* (друг, ближний, любовник, возлюбленный, родственник) – mhd. *vriunt | lich* (дружелюбный, дружеский, любезный, приятный) – spätmhd. *vriunt | licheit*

(дружеское отношение) – frnhd. *freund* – frnhd. *freundlich* (дружеский, приветливый, любезный) – nhd. *Freundlichkeit* (дружеское отношение) [3, с. 31].

Современный пример рассуждения о дружеском отношении друг к другу одного из героев Бертольда Брехта господина Койнера соответствует срединному складу общения Аристотеля. Ср.:

Herr K. schätzte *Freundlichkeit* sehr. Er sagte: „Jemanden unterhalten, wenn auch *freundlich*, jemanden nicht nach seinen Möglichkeiten beurteilen, zu jemandem nur *freundlich* sein, wenn auch er zu einem *freundlich* ist, jemanden kalt betrachten, wenn er heiß, heiß betrachten, wenn er kalt ist, das ist *nicht freundlich*“ [4, S. 277–278]. – Господин К. весьма ценил дружелюбие. Он говорил: „С кем-нибудь беседовать из одной лишь любезности, кого-нибудь оценивать не по его возможностям, отвечать любезностью на любезность, холодно разглядывать того, кто горячится, или горячиться, когда собеседник холоден, все это не то, что я называю дружелюбием“.

В произведениях немецкой художественно литературы примеры проявления дружелюбного расположения оцениваются адресатом положительно, отмечается положительный эффект, спокойствие и комфорт. Ср.:

Immer wenn ich zu Hans Eisler kam, sprang er mir *mit seiner einmaligen, großzügigen Freundlichkeit* entgegen. Seine Stimme war frisch, sprudelt wie Champagner, und hatte auch diese Wirkung. Mit einem Schlag war ich in einer anderen Welt. Kleine und große Sorgen waren vergessen [5, S. 239] – Всякий раз, когда я приходил к Хансу Эйслеру, он встречал меня вприпрыжку своим неподдельным дружелюбием. Голос его был бодр, лился как шампанское и имел такой же эффект. Внезапно я оказывался в другом мире. Маленькие и большие проблемы забывались.

Ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 37 носителей современного немецкого языка, показал, что дружелюбие ассоциируется в сознании большинства респондентов с представлениями о поведении человека в социуме: *Liebenswürdigkeit* / любезность (29), далее по убывающей *Entgegenkommen* / расположение (10), *Gastfreundschaft* / гостепри-

имство (9), *Hilfsbereitschaft* / готовность помочь (9), *Höflichkeit* / вежливость (7), *Zuwendung* / дружеское участие (4), *Leutseligkeit* / приветливость (2), *Umgänglichkeit* / общительность (1), *Duldsamkeit* / терпимость (1), *Taktgefühl* / тактичность (1), *Abstand* / дистанция (1) и дается качественная характеристика такого поведения: *angenehmes Verhalten* / приятное поведение (10), *nettes Verhalten* / милое поведение (10), *offenes Verhalten* / открытое поведение (8), *zugewandtes Verhalten* / располагающее поведение (1).

Дружелюбие связывается в немецкоязычном сознании непосредственно с профессиональной деятельностью: *Beruf* / профессия (12), в частности, со сферой оказания различных услуг: *Service* / сервис (7).

Дружеское отношение осмысливается как внутреннее качество человека, оценивается положительно: *Herzlichkeit* / сердечность, искренность (19), *Nettigkeit* / милосердие (11), *Güte* / доброта (10), *sich interessieren für Menschen* / проявлять интерес к человеку (5), *eine Eigenschaft, die jeder mag* / качество, которое каждому нравится (3), *eine Eigenschaft, die man bei jedem schätzt* / качество, которое ценят у каждого (3), *eine Eigenschaft des Menschen, die leider nicht alle Menschen besitzen* / качество, которым, к сожалению, обладают не все (1).

Дружелюбие ассоциируется непосредственно с процессом общения: *positiver Umgang* / позитивное общение (11), *netter Umgang* / милое общение (8), *gewinnende Haltung* / обаятельная манера поведения (6), *positive Ausstrahlung* / позитивное воздействие (6), *Kontaktfreudigkeit* / общительность (6), *sich einstellen auf Anderen* / ориентироваться на общение (3). С дружелюбным человеком, по мнению информантов, общаются охотно / *mit dem ich mich gerne unterhalte, mit dem ich gerne zusammen bin*.

Дружелюбие характеризуется некоторыми информантами как стремление: *ich bemühe mich* / я стараюсь (6), *ich bin freundlich im Beruf* / я дружелюбен в профессиональной деятельности (5), *ich bin nicht immer freundlich, aber immer öfter* / я не всегда дружелюбен, но стараюсь быть дружелюбным как можно чаще (1).

При восприятии дружелюбия возни-

кают положительные чувства и впечатления: Frohsinn / веселое настроение (8), positiver Eindruck / позитивное впечатление (7), positives Gefühl / позитивное чувство (5), Gefühl von Harmonie / чувство гармонии (3).

При толковании исследуемого понятия информанты актуализируют назначение дружелюбия, которое erleichtert das Zusammenleben (3) – облегчает совместную жизнь и ведет к достижению целей, которые человек ожидает от общения – Erreichbarkeit (3).

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет сделать вывод, что человеку дружелюбному присущи такие личностные качества, как “открытость, сердечность, любезность, вежливость, предупредительность, понимание, отзывчивость, чувство юмора, услужливость, готовность помочь, благожелательность. Человек дружелюбный приятен, весел, вызывает симпатию, легко устанавливает контакт и достаточно уделяет внимания своему партнеру по общению” [3, с. 65].

Дружелюбие, как позитивный стиль поведения, отмечали такие мыслители как Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев. Ср.:

Степана Аркадьевича не только любили все знавшие его за его добрый, веселый нрав и несомненную честность, но в нем, в его красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица, было что-то, физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним [6, с. 36].

Человек, относящийся к конкретной культуре, хорошо знает ее правила и нормы, владеет особыми сценариями и тактиками вербального и невербального коммуникативного поведения. Таким образом, вербальное и невербальное поведение представителя определенной культуры отражает в большей или меньшей степени своеобразие и ценности, которые характерны для его культуры и конкретной социальной среды, в которой он воспитывался. Человек добровольно подчиняется неписаным правилам своей культуры, определенным нормам и шаблонам, т.к. стремится к признанию в своем социальном окружении, включению в социальную среду, и поэтому конформизм и лояльность по отношению к общепринятым правилам, тради-

циям психологически естественны.

В тех случаях когда коммуникативное поведение представителей данной культуры происходит с явным нарушением определенных норм и правил, то это делается ими либо осознанно – обычно с намерением выполнить определенное коммуникативное задание, – либо неосознанно. Тогда ненормативное поведение осуждается другими людьми, интерпретируется как психологически неприятное, а потому не благоприятствующее общению.

Искреннее дружелюбие обладает в акте коммуникации огромной силой иллюкативного вынуждения и связанным с ней любопытным свойством, что человеку, встречаясь с искренним дружелюбным отношением, очень трудно противостоять и не проявить то же самое в ответ. Неспособность говорящего выразить свое дружеское расположение приводит в ряде случаев к снижению воздействия на адресата, эффективности коммуникации и даже к коммуникативному провалу. Ср.:

Sie setzt sich ihm gegenüber, aufrecht und kühl, hebt die eine Braue und wartet, aber er spricht nicht, sein Gehirn ist leer, krampfhaft sucht er Gedanken, freundliche Worte, die mehr bedeuten, als sie sagen, ach, nur Worte über das Wetter, über das Geschäft... Nichts fällt ihm ein. Stumm sitzt er [7, S. 94]. – Она сидит напротив него, выпрямившись, от нее веет холодом, поднимает бровь и ждет, но он не говорит, его мозг пуст, отчаянно он ищет мысли, добрые, дружеские слова, которые значат больше, чем говорят, но, только слова о погоде, о бизнесе... Ничто не приходит ему на ум. Он сидит безмолвно.

Данный пример наглядно показывает, что герой, не найдя дружеских, добрых слов поддержки, безмолвствует, что в конечном итоге ведет к коммуникативному провалу.

Анализ примеров немецкой художественной литературы позволил выделить вербальные действия, которые ассоциируются с проявлением дружелюбия – freundlich sprechen (говорить по-дружески), freundlich sagen (сказать дружелюбно), freundlich danken (благодарить любезно), freundlich fragen (спросить по-дружески), freundlich grüßen (приветствовать по-дружески), freundlich belehren (объяснить

по-дружески), *freundlich erwidern* (возразить по-дружески).

Дружелюбие проявляется через аудиальные признаки, ср.: *freundliche Stimme* (приветливый, дружелюбный голос), *freundlicher Ton* (приветливый, дружеский тон).

“Дружелюбный, приветливый” голос метонимически замещает дружелюбного человека. Ср.: *Seine Stimme klingt freundlich* (Его голос звучал приветливо); *Ihre freundliche Stimme antwortet ihm* (Доброжелательный голос ответил ему).

Невербальные проявления дружелюбия могут быть представлены следующими возможными действиями: *freundlich ansehen* (посмотреть дружелюбно), *freundlich anblicken* (взглянуть по-дружески), *freundlich lächeln / anlächeln / zulächeln* (улыбнуться приветливо), *freundlich winken / zuwinken* (подмигнуть дружелюбно), *freundlich nicken / zunicken* (кивнуть по-дружески), *eine Hand freundlich reichen* (протянуть руку по-дружески).

Дружелюбие реализуется на невербальном уровне через конвенциональные действия (*lächeln* – улыбаться, *nicken* – кивать, *winken* – кивать, подмигивать, *zuwinken* – махать рукой), отражающие позитивно маркированный стиль поведения.

Проявления дружелюбия описываются не содержательными глаголами речи, а внешними по отношению к ней жестовыми глаголами, сопровождающими речь. Ср.: *Er winkte Frau Decker und hielt ihr zu; sie winkte kurz zurück und – das war bestimmt bei ihr ungewöhnlich – lächelte freundlich* [8, S. 25]. – Он кивнул госпоже Деккер и направился к ней; она кивнула ему в ответ и – это было определено непривычно для нее – по-дружески улыбнулась.

Ср. в русской лингвокультуре:

Хозяин все старался как бы угодить, рассмешить, показать свое дружелюбие. Он хлопал по плечам, заглядывал в глаза..., одним словом ласкался [9].

Кинетическими переменными, фактически задающими контекст проявления дружелюбия являются как социальный статус человека, так и чувства, эмоции, которые индивиды вольно или невольно испытывают друг к другу в процессе совместной деятельности и общения.

Каждый человек, по убеждению Эр-

винга Гоффмана, живет в мире социальных встреч с другими людьми. В каждом из этих контактов он стремится разыграть определенную линию поведения, то есть цепь вербальных и невербальных поступков, которыми выражает собственное видение ситуации.

На что способно дружеское расположение и доброжелательное отношение наглядно показал К.Э. Изард в одном из своих исследований, посвященном проблеме индукции эмоциональных состояний. У испытуемых вызывали либо позитивные эмоции, когда по отношению к ним демонстрировали расположение, подбадривая и вдохновляя их, либо негативные эмоции, проявляя неприязнь и враждебность. После эмоционального момента испытуемым предлагалось выполнить несколько интеллектуальных заданий. Было обнаружено, что испытавшие на себе “дружелюбное, приятное отношение” показали более высокие результаты при выполнении интеллектуальных тестов, чем те, которые подверглись “враждебным нападкам” [10, с. 181–182].

Языковая деятельность человека немислима вне социума и, соответственно, вне сложившейся системы общественной морали, науки, искусства и религии.

В современном обществе в связи с увеличением числа и значимости социальных и культурных ритуалов роль проявления дружеского отношения в социуме постоянно растет. Речь идет о таких важных социальных ритуалах общения, как ведение дипломатических, политических, коммерческих переговоров, посещение медицинских и спортивных учреждений, а также организаций, оказывающих различные услуги в сфере обслуживания. Как ритуал, коммуникативное поведение людей можно рассматривать во время судебного заседания, занятий в образовательных учреждениях.

В процессе общения собеседники постоянно следят за вербальным и невербальным поведением друг друга, вырабатывают собственную линию коммуникативного поведения и, используя определенные речевые тактики, воздействуют в зависимости от своих целей и намерений на процесс общения, оказывая определенное влияние на восприятие и мнение адресата.

Анализ примеров художественной немецкоязычной литературы показал, что современный человек, вступая в сложные и многообразные отношения с социальной средой, демонстрирует огромное разнообразие вербальных и невербальных реакций, опираясь на личный социальный опыт. Он обладает множеством мотивационных механизмов, стимулов, побуждающих его к дружескому принятию другого человека, объекта, события, и таким же разнообразием механизмов заставляющих его избегать общения с теми или иными людьми, демонстрируя враждебное к ним отношение.

Таким образом, развитие и функционирование коммуникативно-поведенческих особенностей человека неразрывно связано с национальным самосознанием, в содержании которого отражаются присущие данной нации черты характера и поведения, своеобразие национальных традиций, культурного наследия и образа жизни. Проявление дружеского отношения, которое выражается различными вербаль-

ными и невербальными средствами, способствует успешной коммуникации и позволяет добиваться своих коммуникативных целей и намерений.

Дружелюбие представляет собой социально значимое и культурно обусловленное поведение, репрезентативная функция которого заключается в выражении и обозначении дружеского отношения человека к себе подобным. Основное социальное назначение и мотивация проявления дружелюбия в современном мире – оказывать положительное воздействие на адресата в процессе общения, что в свою очередь способствует осуществлению эффективной коммуникации. Проявление дружеского расположения не представляет собой определенного свода правил и норм, носящего императивный характер. Оно соответствует положительно ориентированным потребностям и интересам людей, направленным на позитивный стиль общения, с позиции кооперативной, бесконфликтной и успешной коммуникации.

Библиографический список

1. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель : АСТ, 2000. Т.1. С. 804.
2. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 295–374.
3. Рыжкова Т.С. Лингвистические аспекты Freundlichkeit: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 159 с.
4. Brecht B. Geschichten: in 4 B. / hrsg. von W. Mittenzwei unter Mitarbeit von F. Hofmann. Berlin: Aufbau-Verlag, 1981. B. 4. 503 S.
5. Berlau R. Brechts Lai-Tu / hrsg. und mit einem Nachwort von H. Bunge. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1989. 323 S.
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1985. 766 с.
7. Steinberg W. Der Tag ist in die Nacht verliebt / hrsg. von H.D. Tschörtner. Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1956. 467 S.
8. Erpenbeck F. Der betende Engel. Kriminalgeschichten. Berlin: Das Neue Berlin, 1982. 173 S.
9. Чехов А.П. Учитель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iknigi.net/avtor-anton-chehov/20978-uchitel.html> (10.12.2016).
10. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.

Рыжкова Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, e-mail: ryzhkova08@mail.ru

Ryzhkova Tatyana Sergeevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Humanities, e-mail: ryzhkova08@mail.ru

ЭТИКЕТНАЯ ЕДИНИЦА «ИЗВИНЕНИЕ» КАК РЕГУЛЯТОР РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЩАЮЩИХСЯ

© Ю.В. Туфанова*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Данная работа посвящена анализу функциональных особенностей речевого акта извинения как единицы речевого этикета в рамках коммуникативно-прагматического подхода. В частности, рассмотрено соотношение понятий вежливости и этикета, описаны и даны основные характеристики извинения как речезыкетной единицы. На основании проведенного анализа выявлено, что извинение используется с целью воздействия на эмоционально-психическое состояние адресата и изменения его поведения. Извинение как речезыкетная единица является регулятором речевого поведения коммуникантов, способствует сохранению социального равновесия.

Ключевые слова: извинение, коммуникативная ситуация, речевое поведение, речевой акт, вежливость, речевой этикет, социальное равновесие.

ETIQUETTE UNIT «APOLOGY» AS A REGULATOR OF SPEECH BEHAVIOUR OF PARTNERS IN CONVERSATION

Y. Tufanova*

*Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The paper analyzes the functional features of Apology speech act as the etiquette unit within the communicative-pragmatic approach. Specifically, the correlation between terms of «politeness» and «etiquette» is discussed; the main characteristics of Apology as the etiquette unit are described. Based on the analysis conducted it was revealed that Apology is used to influence both emotional and mental state of the addressee and to change his/her behavior. Apology as the etiquette unit is a regulator of partners' speech behavior and helps to preserve the social balance.

Keywords: apology, communicative situation, speech behavior, speech act, politeness, speech etiquette, social balance.

На сегодняшний день исследования различных аспектов человеческой коммуникации являются одними из приоритетных в лингвистике, при этом проблема вежливости, как одной из важнейших составляющих речевого поведения, признается особенно актуальной и освещается во многих работах. Следует отметить, что вежливость трактуется как линия поведения, максимально учитывающая чувства и интересы собеседника и направленная на поддержание баланса интересов коммуникантов. Привлечение в данном исследовании понятия вежливости вызвано необходимостью обозначить цель, к которой стремится человек в речевой ситуации извинения, и, таким образом, показать роль извинения в регулировании межличностного взаимодействия [1, 2, 3, 4]. Данная цель предполагает решение следующей задачи: изучить и проанализировать функциональные особенности речевого акта извинения в рамках коммуника-

тивно-прагматического подхода. При работе над статьей использовался метод теоретического анализа, а также сравнительный метод.

Вежливость составляет неотъемлемую часть человеческого общения. Стремление вести себя согласно законам вежливости предопределяется обстоятельствами совместной жизни людей. Причем, эта социальная необходимость не нова: попытки сформулировать основные правила и нормы, регулирующие коммуникативные отношения, предпринимаются на протяжении всей истории человечества. Можно утверждать, что законы, нормы и правила вежливого поведения сформировались как итог межличностного общения людей в процессе исторического развития общества [1, 2, 3, 4].

Понятие вежливости не тождественно понятию речевого этикета. Традиционно речевой этикет понимается как неотъем-

лемая часть вежливой коммуникации в целом. Правила речевого этикета регулируют поведение человека в различных ситуациях общения, дают ему чувство уверенности, поскольку в таких случаях человеку, как правило, не нужно придумывать как себя вести – требуется просто использовать готовые формулы общения.

Понятие речевой этикет охватывает обширную зону коммуникативных единиц с особыми функциями и значениями и коммуникативных взаимодействий партнеров – со спецификой речевого поведения, своими стратегиями и тактиками, речевыми актами, диалогами – дискурсами и текстами, ситуациями общения и социальными отношениями партнеров и т.д. «Речевой этикет – это социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [5].

Речевой этикет представляет собой образец ярко выраженного стандартизованного речевого поведения. Стандартны сами ситуации обращений, знакомств, прощаний и, рассматриваемых нами извинений и многое другое. Стандартны и выражения, речевые акты, применяемые в этих ситуациях, несмотря на то, что идет непрерывный выбор из обширного языкового арсенала наиболее уместного средства применительно к обстановке общения (официальной/ неофициальной), социальным признакам адресанта / адресата и т.д. [5].

В употреблении речевого акта извинения также совмещают стандарт и творческий выбор, что дает возможность отнести его к единицам речевого этикета. Так, воспроизводя клишированное выражение извинения, как формулу речевого этикета, говорящий все же действует не механически, а производит сложную операцию отбора в речевой акт того из наличных выражений, которое оказывается:

1. Наиболее уместным для данной обстановки общения, включая сложные оттенки взаимоотношений общающихся;
2. Наиболее привычным, типичным для говорящего в связи с его дифференци-

альными социальными и индивидуальными признаками (степень образованности, возраст и т.д.);

3. Наиболее приемлемым для собеседника – в связи с его, собеседника, дифференциальными признаками [6]. Именно поэтому первая реплика бывает не только нейтральной в стилистическом и безоттеночном смысловом отношении (*Простите*), но и имеющей оттенки значения и стилистическую окраску (*Я должен извиниться/Прошу прощения/извинения* – с оттенком официальности) [6]. Например:

– *Прошу извинения: так тесно... – мистер Краггс снял цилиндр с улыбкой (Замятин Е. «Ловец человеков»).*

В приведенном примере ситуация разворачивается в официальной обстановке, поэтому говорящий использует стилистически повышенную формулу: *Прошу извинения*, которая играет роль перспективного извинения [4].

Реплика-стимул может развертываться по горизонтали при помощи устойчивых, стереотипных выражений. Кроме горизонтального разворота («вправо»), могут быть и «левые» реплики. Это оказывается типичным для финальных формул прощания, завершающих общение. Как правило, прощанию предшествует некий знак окончания беседы. Это может быть упоминание о позднем времени, извинение за отнятое время и т.д., например: *Ну я пойду. Извините, что отнял у вас столько времени* [6].

По мнению С.В. Цюры, исследующего, в частности, этикетные аспекты извинения с использованием понятийного аппарата теории речевых актов, извинения – это речезыкетные коммуникативные единицы, связанные с социальными нормами поведения в определенных типичных ситуациях общения, указывающие на доброжелательное отношение к собеседнику, позволяющие поддерживать контакт в нужной тональности и реализующие стереотипное коммуникативное значение – просить адресата об извинении. Он относит речевые единицы к речезыкетным единицам извинения на основании следующих критериев:

- 1). Общность иллокутивной силы и перлокутивной цели высказывания, реализующих в определенных ситуациях общения коммуникативную функцию извинения;
- 2). Связь извинения с регламентиро-

ванным речевым поведением в определенных ситуациях общения, ориентированность на социальные ритуалы;

3). Стереотипность, повторяемость и устойчивость этикетных формул извинения;

4). Направленность речезыкетных единиц извинения на слушающего, на поддержание контакта с собеседником в нужной тональности [3].

Анализируя форму и семантику основных способов выражения извинения в английском языке, автор условно делит их на:

1) «собственно директивные», сохраняющие форму повелительного наклонения (*excuse me, forgive me, pardon me*);

2) «директивно-констатирующие» (*I beg your pardon, I apologize*);

2) «собственно констатирующие», ориентированные, в основном, на состояние говорящего (*I am sorry*) [7].

Извинения служат сохранению социального равновесия, поскольку их отсутствие резко нарушает благоприятный характер общения и отношений [8, 10]. В диалогических взаимодействиях партнеров этикетную функцию несут и ответные реплики. В ответ на извинение человек получает «отпущение греха». Например:

G1 – *I'm sorry, Connie. What I said was awful.*

G2 – *That's all right, let's forget it. OK?* (Lerner M., «The Doubts of His Heart»).

В данном случае первый говорящий приносит извинение (*I'm sorry, Connie*) за нанесение адресату (G2) морального ущерба (им были произнесены неприятные для адресата слова), констатирует свою вину (*What I said was awful*). Таким образом, цель данного ретроспективного извинения – устранить возникший конфликт. Первому говорящему удается достичь поставленной цели – адресат принимает извинение (*That's all right*) и предлагает забыть об инциденте (*let's forget it*) [4].

Ситуация извинения – это словесное искупление вины, какого-либо проступка. В этой ситуации обязательно присутствует оттенок значения просьбы (иногда вербально выраженной). Проступок, вина могут быть большими или меньшими, с чем связаны и различные выражения извинения [6]. Извинение за небольшой проступок, без объяснения причин, так как они очевидны

(наступил на ногу, толкнул и т.п.) то есть чисто этикетное выражение внимания содержится в наиболее часто употребляемой и стилистически нейтральной формуле: *Извини(-те)!* Например: *Извините. – Ничего. Пустяки.* Повелительная форма глагола – эксплицитный показатель отношения к адресату, передающий просьбу простить [8]. Например:

G1 – *Алиса, простите, заставил вас ждать.*

G2 – *Ничего страшного* (Вильмонт Е.Н. «Три полуграции, или Немного о любви в конце тысячелетия»).

В рассматриваемой ситуации диалог происходит между мужчиной (G1) и женщиной (G2) в неформальной обстановке. Первый говорящий извиняется, используя Вы-форму извинения (*Простите*), за совершенный проступок (*заставил вас ждать*), то есть извинение в данном случае – ретроспективное. Поскольку причиненный ущерб незначителен, то извинение фактически носит этикетный характер. Использование Вы-формы извинения объясняется тем фактом, что говорящий воспитанный, образованный человек, а его отношения с собеседником не являются приятельскими. Цель адресанта состоит в устранении негативного эффекта от совершенного проступка и предотвращении возможного конфликта. Адресат (G2) реагирует этикетной репликой *Ничего страшного*, что является свидетельством того, что первый говорящий достиг поставленной цели. Коммуникативные интенции собеседников не противоречат друг другу. Таким образом, поведение обоих собеседников носит кооперативный характер. В целом процесс общения в данном случае мы считаем успешным [4].

Выражение, сопровождаемое словом *пожалуйста*, естественно, более вежливо. Местоименный распространитель в винительном падеже делает формулу речевого этикета гораздо более личностной и особым образом интонированной: *Извини(-те) меня (пожалуйста)!* Постпозиция *пожалуйста*, отмечается значительно чаще: *Извини(-те), пожалуйста! Пожалуйста, извини(-те)* [8]. Например:

G1 – *Простите, пожалуйста, он вам помешал заниматься, мы виноваты, не досмотрели.*

G2 – *Ох, что вы!* – сказала кобра. –

Такой обаятельный мальчик (Грекова И. «Кафедра»).

В данном случае ситуация извинения происходит в бытовой обстановке. Ущерб адресату уже причинен, то есть извинение является здесь ретроспективным. Хотя повод для извинения незначительный, но статус и ролевые позиции коммуникантов не равны, поэтому говорящий (Г1) использует Вы-форму этикетного извинения (Простите). Просьба о прощении усиливается при помощи интенсификатора (пожалуйста) и дополняется признанием вины (мы виноваты, недосмотрели). Кроме этого, говорящий (Г1) констатирует нанесенный ущерб (он вам помешал заниматься). Все это позволяет ему достичь поставленной цели – устранить негативный эффект от совершенного проступка и не допустить превращения ситуации из кооперативной в конфликтную. Как видим, поведение партнеров отличается кооперативной направленностью, так как их интенции находятся между собой в гармонии. Коммуникативное взаимодействие между собеседниками в рассматриваемой ситуации считаем успешным, поскольку адресат принимает извинение, минимизируя нанесенный ущерб (Ох, что вы, такой обаятельный мальчик) [4].

Свойственное старшему и среднему поколению, преимущественно интеллигентам, извинение за небольшой проступок представляет собой краткую форму прилагательного: Виноват(-а). Это извинение применяют именно тогда, когда кого-либо нечаянно толкнули, задели. Фразы со словом виноват(-а) содержат обоснование вины и указывают на объект извинения [8]. Например:

Г1 – Виноват, Петр Петрович, я забыл, как вы это назвали?

Г2 – Фотогороскоп, – скромно ответил м-сье Пьер (Набоков В.В. «Приглашение на казнь»).

В приведенном примере первый говорящий (Г1) использует формулу Виноват в качестве проспективного извинения, чтобы привлечь внимание собеседника [4].

В выражении Прости(-те) (пожалуйста)! возможны два оттенка значения. Во-первых, оно употребляется так же, как и извини(-те), то есть при небольшом проступке. Во-вторых, его используют и в такой об-

становке, когда просят прощения за большой проступок, за серьезную вину. При этом чаще употребляется выражение с местоимением в винительном падеже: Прости(-те) меня (пожалуйста)! Распространение выражений извини(-те), прости(-те) возможно путем обозначения причинного обоснования просьбы простить: Извини(-те) / прости(-те) за + сущ. в вин. падеже. Например: Простите за опоздание. То же и в конструкциях сложного предложения: Извини(-те) / прости(-те) (за то), что... [9]. Например:

Г1 – <...> я беру все свои слова обратно. Все до единого. Клянусь. И прошу у тебя прощения за то, что могла в тебе усомниться. Ей-богу, прости.

Г2 – Прощаю. – Галина слегка приобняла меня за плечи <...> (Шилова Ю.В. «Любовница на двоих, или История одного счастья»).

В приведенном примере ситуация общения носит неофициальный характер, статус и ролевые позиции коммуникантов равны. Извинение является ретроспективным. Первый говорящий просит прощения за причинение морального ущерба при помощи формулы извинения (Прошу прощения), вербально констатируя свою вину (что могла в тебе усомниться). Причиненный моральный вред достаточно велик, поэтому первый говорящий повторяет просьбу о прощении, употребляя ты-форму этикетного извинения Прости. При этом она (Г1) совершает вербальный компенсирующий поступок (<...> беру все свои слова обратно. Все до единого), призванный усилить воздействие на адресата (Г2). Ответная реплика адресата (Г2) извинения (Прощаю), а также невербальное сопровождение извинения (Галина слегка приобняла меня за плечи) показывают, что первому говорящему удастся достичь цели – уладить возникший конфликт. Коммуникативная ситуация из конфликтной превращается в кооперативную, поскольку интенции партнеров в данном случае не противоречат друг другу. Таким образом, коммуникативное взаимодействие собеседников в рассматриваемой ситуации является успешным [4].

Иногда в речи интеллигентов старшего поколения встречаются следующие конструкции, которые заметно устаревают: Простите (извините) + сущ. в вин. п. неодуш.

Простите + мне + сущ. в вин. п. неодуш. Например: *Извините мою ошибку; Простите мне эти слова* [6].

Снабженными модальным значением желательности являются выражения: *Я хочу/ Мне хочется/ Я хотел(-а) бы/ Мне хотелось бы извиниться (перед вами) / попросить (у вас) извинения (прощения)* [6].

Снабженными модальным значением необходимости являются выражения: *Я должен(-жна) / Я не могу не извиниться перед вами/ попросить (у вас) извинения(прощения)*. Например: *Не могу не попросить у вас извинения за свои слишком резкие слова* [9].

Эксплицитное выражение просьбы простить *Прошу прощения!* строится как односоставное определенно-личное предложение. Оно свойственно также интеллигентам старшего поколения. Будучи распространенной с точки зрения причинного обоснования просьбы, фраза становится более свободной в своем построении, и нередко снабжается и подлежащим – личным местоимением: *Я прошу у вас прощения за то, что не выполнил своего обещания*. Возможно и выражение с зависимым инфинитивом: *Прошу меня простить* [8].

Стилистически повышенным, звучащим официально является извинение: *Приношу свои глубокие извинения!* Иногда оно распространяется с точки зрения причинного обоснования: *Приношу свои извинения за + сущ. вин. п. / за то, что...* Столь же стилистически повышенным является и выражение *Примите мои (глубокие) извинения*, а так же выражение со словами *разрешите, пожалуйста*. Например: *Разрешите извиниться (перед вами)!* В этом случае также воз-

можно причинное обоснование: *за + вин. п.; за то, что...* – *Позвольте попросить у вас прощения за мое опоздание*. Преувеличенным способом извинения является сравнительно редкое выражение: *Тысяча извинений* [8].

Экспрессивным выражением извинения является сложное предложение с условной придаточной частью: *Если ты (вы) можешь(-ете), извини(-те) меня! / прости(-те) меня! / не сердись(-итесь)!* Например: *Саша, если ты, можешь, прости меня, пожалуйста!* [8].

Таким образом, выполняя этикетную функцию, извинения не вносят нового логического содержания, их цель – регулирование межличностных отношений. Они также используются с целью воздействия на эмоционально-психическое состояние адресата и изменения его поведения, то есть выполняют эмоционально-воздействующую функцию. Извинения отвечают требованиям положительной вежливости, так как делаются в интересах собеседника, свидетельствуют о его включении в систему ценностей субъекта, способствуют развитию взаимоотношений коммуникантов [11, 1, 3].

Состояние внешней обстановки общения и взаимных отношений говорящих является причиной того, что извинения могут быть подлинным выражением или только внешней демонстрацией благожелательности установления и поддержания контакта, то есть проявляться в модальности «я хочу/ я должен» (вежливость – искренность, вежливость – маска) [5]. Однако во всех случаях извинения выполняют указанные функции и, таким образом, как единицы речевого этикета, служат регулированию речевого поведения общающихся.

Библиографический список

1. Туфанова Ю.В. Лингвистическая вежливость как способ сохранения баланса интересов коммуникантов в речевой ситуации извинения // Вестник БГУ. Улан-Удэ: БГУ, 2010. С. 102–106.
2. Туфанова Ю.В. Межкультурная вариативность вежливости // Русский язык в современном Китае. Чита-Хайлар: ЗабГГПУ, 2012. С. 52–58.
3. Туфанова Ю.В. Функциональные особенности лингвистической вежливости в коммуникативной ситуации извинения // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2014. Вып.2. С. 316–321.
4. Туфанова Ю.В. Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход: дисс. ... к.ф.н., Иркутск: ИГЛУ, 2010. 205 с.
5. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык, 2002. С. 177, 182–183.
6. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. Москва: Русский язык, 1982. С. 9–10, 121.
7. Цюра С.В. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний-извинений: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев: КГУ, 1994. 24 с.

8. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Москва: Знание, 1986. С.110–111.

9. Беляева Е.И. Модальность в различных типах речевых актов // Филологические науки, № 3,

Туфанова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, доцент, e-mail: ttufanova@mail.ru

1987. С. 27.

10. Гольдин Е.В. Речь и этикет. Москва: Прогресс, 1983. С. 15–16.

11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Tufanova Yuliya Valeryevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Humanities, e-mail: ttufanova@mail.ru

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ М. ЦУКЕРБЕРГА, ПОСВЯЩЕННОГО ВЗАИМОСВЯЗАННОСТИ

© И.А. Якоба*, О.Ю. Томских*

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Произведена деконструкция выступления Марка Цукерберга под названием «The connectivity revolution» (19.11.2016) сквозь призму технологии «Умная настройка» дискурса. Целью данного выступления являлось привлечь внимание к потенциалу взаимосвязи людей посредством социальных сетей, что вызвало большой интерес и отклик у адресата. Проведенный дискурс-анализ позволил выявить лингвокогнитивные механизмы, способствующие аттрактивизации дискурса: позиционирование: единение, инспирация, имажинеринг и др. Деконструкция данного выступления позволяет уточнить и расширить инструментарий успешных технологий публичных выступлений и сделать некоторые теоретические выводы о причинах аттрактивности имиджа предпринимателя. Посредством дискурс-анализа авторы пытались описать действие умной силы дискурса и лингвокогнитивных механизмов для аттрактивизации дискурса.

Ключевые слова: взаимосвязанность, деконструкция, Марк Цукерберг, лингвокогнитивные механизмы, технология «Умная настройка» дискурса.

DECONSTRUCTION OF M. ZUCKERBERG'S SPEECH ON CONNECTIVITY

I.A. Iakoba*, O.Yu. Tomskih*

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The deconstruction of Mark Zuckerberg's speech titled "The connectivity revolution" (19.11.2016) is made with the help of discourse technology "Smart Tuning". The purpose of this speech was to draw attention to the potential of the connectivity through social networks, that caused great interest and response from the addressee. The discourse analysis let us to reveal linguocognitive mechanisms that made discourse attractive. They are positioned: unity, inspiration, imaginerer etc. Deconstruction of this speech allows us to specify and broaden the toolkit of successful public speaking technologies and make some theoretical conclusions about causes of a businessman image attraction. By means of discourse analysis, the authors tried to describe the effect of discourse smart power and linguocognitive mechanisms of discourse attractivisation.

Keywords: connectivity, deconstruction, Mark Zuckerberg, linguocognitive mechanisms, discourse technology "Smart tuning".

Исследования эффективного, технологично сконструированного дискурса актуальны и востребованы как в среде образования, так и в политике, и в бизнесе. В данной статье представлены результаты деконструкции выступления Марка Цукерберга, сделанного им на саммите АПЕК по продвижению продукта в Перу 19 ноября 2016 г. [1]. Оно привлекло внимание тем, что Цукерберг призвал участников форума к взаимосвязанности, сотрудничеству с ведущими интернет-компаниями с целью создания инфраструктуры, которая поможет предоставить доступ к Сети как можно большему числу людей (рис. 1). Выбор данного материала обоснован аттрактивностью персоны М. Цукерберга, как самого молодого успешного бизнесмена, рас-

пространяющего идеи, вдохновляющие миллионы людей на развитие бизнеса и личное общение в Интернете.

Под аттрактивностью знака в коммуникации в общем смысле понимается способность знака привлечь внимание и вызвать интерес дестинатора путем эмоциональной, интеллектуальной, ценностной привлекательности содержания и экспрессивной отточенности, эстетической форме его структурирования [2, с. 328]. В основу нашего дискурс-анализа легла теория деконструкции Ж. Деррида, поэтому термин «деконструкция» используем как «механический разбор на составные части и анализ их происхождения с целью понять, как работает целое. В случае текста – выявление противоречий между логикой и

М. Цукерберг на саммите АПЕК (19.11.2016)

риторикой, между смыслом, содержащимся в тексте, и тем, что его (текст) вынуждает означать язык-посредник. Это своеобразная игра текста против смысла и выяснение степени самостоятельности языка по отношению к смысловому наполнению» [3, с. 512]. Уточним, что в «Письме японскому другу» Деррида предупреждает, что было бы неверным искать какое-либо ясное и недвусмысленное значение, адекватное слову «деконструкция». Если термин «деструкция» ассоциируется с разрушением, то грамматическое, лингвистическое, риторическое значение деконструкции связаны с «машинностью» – сборкой-разборкой машины как целого для транспортировки в другое место [4, с. 53–57].

Кратко представим историю успеха Цукерберга. Марк Эллиот Цукерберг (англ. Mark Elliot Zuckerberg, [zlkə'βæ:g]) родился в 1984 году в США, американский программист и предприниматель в области интернет-технологий, является одним из разработчиков и основателей социальной сети Facebook. Он вырос именно в ту эпоху, в которой успел стать своим. Ему удалось не только преуспеть, он изменил этот мир. Его социальная сеть насчитывает больше миллиарда пользователей, а, значит, во многом от его решений может зависеть будущее интернет-бизнеса. По материалам Википедии, в списке самых богатых американцев, опубликованном журналом «Forbes» в 2008 году, М. Цукерберг занял 785-е место с состоянием в 1,5 млрд долларов США, в 2010 году в ежегодном списке миллиардеров Америки журнала «Forbes» М. Цукерберг занял 29-е место с состоянием в 6,9 млрд долларов США, а журнал «Time» назвал Цукерберга человеком года. В октябре 2016 года его состояние уже оцени-

вается в 56,4 млрд долларов США [5].

Конструирование аттрактивного имиджа основано на задействовании комплекса вербальных и визуальных средств, поэтому для нашего анализа воспользуемся видеозаписью выступления [6]. Из многих его выступлений для данного исследования выбрана речь о значимости взаимодействия (перевод наш, взаимодействие (англ. connectivity - связь, коммуникабельность, связность, возможность подключения и взаимодействия, взаимосвязанность, подключение к сети, возможность сетевого взаимодействия) людей для будущего мира, прогресса, здоровья и безопасности и об инженерных изобретениях, которые способствуют всему этому. Он подчеркивает, как важно объединение людей и объясняет это тем, что сейчас мы живём именно в такое время, когда происходит большой прогресс человечества в науке, бизнесе и повседневной жизни, поэтому общество нуждается в улучшении образования, условий жизни и работы людей. Речь Марка эмоционально окрашена, он произносит ее вдохновлённо. На этом мероприятии стиль одежды он предпочёл деловой, хотя на многих других придерживался неофициального, что может свидетельствовать об особом значении этого выступления для самого Марка. На заднем плане сцены расположен экран с презентацией саммита, что создает визуальную поддержку темы выступления и служит дополнительным фоном для развития идеи взаимосвязи и поддержки бизнеса в Интернете по всему миру.

Для количественного анализа лексического состава речи мы использовали программу wordstat [<http://irecommend.ru/content/vord-stat-ili-vse-o-zaprosakh->

httpwordstatyandexru]. Вся речь составляет 3138 слов, а ее длительность – около 21 минуты [7]. Таким образом, можно подсчитать, что средняя скорость речи Цукерберга составляет 150 слов в минуту, что является довольно быстрым темпом для публичных выступлений. Заметно, что его природный темп речи намного быстрее, но он пытался говорить медленнее, расставляя логические и эмоциональные паузы. Ведь известно, что замедление темпа речи является осознанным прагматическим средством реализации функции убеждения. Среди наиболее часто встречаемых слов выделим *people* (44 ед.), *can* (32 ед.), *world* (20 ед.), *connect* и *connectivity*, *connecting* (16, 13 и 8 ед.), *Now* и *today* (15 и 14 ед.), что указывает на значимость концептов *люди*, *мир*, *связь*, *взаимосвязанность*, *сегодня*, *сейчас*. Множественное употребление модального глагола *мочь* указывает на потенциальные возможности, которые каждый может реализовать при желании: (1) *But if we make the right decisions and the right investments now, we can connect billions of more people in the next decade.* (2) *We're empowering local entrepreneurs to build businesses by giving them infrastructure so they can sell, uh, connectivity and internet access to their local community.* Временные дейктики, выраженные элементами наречного типа «сейчас и сегодня», позволяют акцентировать внимание на настоящем моменте, объединяющем адресанта и адресата, мысленно передвигать дейктический центр в заданное время. Самая распространенная лексическая единица в данном выступлении *people* является ядерной в концепте *народ* английской концептосферы, которая впервые была зафиксирована около 1275 года [8, с. 35]. Можно предположить, что множественность акцентуации именно наиболее генерализующего слова обусловлена желанием привлечь людей самых разных слоев и категорий, не уточняя и не выделяя кого-то отдельно.

Цукерберг начинает свое выступление с выражения благодарности президенту Перу, председателю саммита за приглашение и участникам форума за то, что «собрались здесь ранним утром»: *Good morning, everyone. I, I want to thank President Kucynski and Chairman Bustamante for inviting me to speak with you, be with you, be with*

you here this morning. And I want to thank all of you guys for joining us pretty early in the morning here. Он расставляет акценты на раннее утро (англ. *pretty early in the morning here*), на объединение с аудиторией (англ. *for joining us*) посредством тройного повтора (не идентичного) на основе персонального и пространственного дейксиса (*to speak with you, be with you, be with you here*), что актуализирует механизм единения с адресатом. В предыдущих работах автор обосновывал, что актуализация механизма позиционирования: единение дает адресату чувство уверенности и надежности. Согласие с большинством имплицитно подразумевает правильность принятого решения, что часто выражается посредством персональной дейктичности (использование местоимения 1-го лица множественного числа «мы»). Построение речи от лица огромной компании (ее подразумеваемого согласия и поддержки) придает авторитетности высказыванию [1, с. 329].

Необходимо отметить, что количественный анализ местоимений в речи Цукерберга показывает, что наиболее частотны местоимения первого лица множественного числа. Всего 105 употреблений местоимений первого лица множественного числа: *we* (78 раз), *our* (16 раз), *us* (11 раз). Это на порядок больше, чем всех остальных местоимений. Так, например, местоимение 1-го лица единственного числа *I* использовалось 26 раз, местоимения 2-го лица: *you* 48 раз и 3-го лица: *they* 19 раз. Постоянные сдвиги значений в дейксисе: «мы – это я и компания, мы – это все американцы, мы – это все люди» позволяет Цукербергу расширять зону своего влияния и своей власти: (1) *So a couple of years ago, um, we started an engineering team with a, uh, a bunch of, of teachers and folks who are working on personalized learning to build the tools to make it so that any teacher anywhere, uh, could, could use these personalized learning tools for free.* (2) *Today, we know that personalized learning is way better.* (3) *And then, about 100 years ago, we started applying the scientific method to curing diseases and bam.* Действие механизма позиционирования: единение, в данном случае, показывает, как можно управлять степенью вовлечения адресата в процесс конструирования дискурса и окружающей реаль-

ности, сдвигая фокус и объединяя адресанта и адресата, последовательно расширяя значение местоимения «мы». При этом задействуется также механизм фокусирования внимания, действие которого основано на смещении акцентов, привлечении внимания к какому-то аспекту, который нужно выделить среди остальных [9, с. 236].

Речь Цукерберга можно условно разделить на 12 дискурсивных паттернов, в которых он развивает идею взаимосвязанности и последовательно подводит адресата к мысли о необходимости всеобщего объединения для поиска решения глобальных задач в сферах образования, здравоохранения, безопасности и пр. Это становится возможным посредством актуализации механизма имажинеринга, который, задействуя воображение адресата, конструирует необходимый образ будущего, в котором все люди связаны в сети Интернет. Например, в 7 паттерне взаимосвязанность представляется, как решение проблем в развитых странах: *Now, connectivity is just as important in developed countries. It enables trade, it helps us understand each other. A lot of the biggest problems that the world faces will require global solutions, and that means that in order to reach these solutions we need to work together and connect more.* В качестве еще одного примера, как актуализируется механизм имажинеринга в выступлении М. Цукерберга, приведем заключительное высказывание Марка, сконструированное в призыв, воплощенный с помощью стратегии моделирования желаемого будущего, завуалированный сослагательным наклонением, выражающий реальное условие: *... but I do know that if we work to give more people around the world access to all of the opportunities of the internet, then all of our children will live in a much safer, healthier, and more prosperous world when they grow up.*

Кратко можно структурировать смысл и объем (в словах) дискурсивных паттернов следующим образом: 1) приветствие (307 слов); 2) история вдохновляющих идей (124 слова); 3) право выражать свое мнение (130 слов); 4) персонализация образования (327 слов); 5) предотвращение, устранение болезней (404 слова); 6) создание систем безопасности (250 слов); 7) возможности сетевого взаимодействия, как

выражение сочувствия, помощи, обмена идеями, воплощение возможностей, рост благосостояния (732 слова); 8) три барьера на пути к этому: физическая недоступность, неспособность позволить, неосведомленность (159 слов); 9) необходимость развития новых технологий для повышения взаимосвязанности (236 слов); 10) обращение с целью увеличения подключений и взаимодействия в сети Интернет (182 слова); 11) пример, вдохновляющий на изменение жизни посредством сети Интернет (164 слова); 12) призыв к объединению для процветания в будущем, основанный на вере, что доступ в Интернет может улучшить жизнь (115 слов). Сразу выделим 7 паттерн, самый большой по количеству слов и самый значительный, так как он попадает в зону золотого сечения, что позволяет нам говорить о его особой роли в общей структуре организации данного дискурса. Принцип золотого сечения понимаем, как высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей в искусстве, науке, технике и природе [10, с. 245]. В этом паттерне он излагает свою идею о важной роли взаимосвязанности всех людей на планете: (1) *In order to do all of these things, we first need to connect people.* (2) *So if we can connect the four billion people who are unconnected, we can lift hundreds of millions of people out of poverty.* (3) *If we want our children to have access to the best personalized learning tools and software, if we want our scientists to have access to all the information, be able to collaborate with anyone around the world in order to cure all diseases, if we want to build the most powerful AI to help keep us safe, then first we need to connect people.* (4) *... connectivity is the key enable to do those things, then I think that we should be making this a much higher priority on our agenda than it is today.* Идея необходимости взаимосвязи всех людей в сети Интернет внедряется в сознание адресата постепенно, ненавязчиво, но аргументированно посредством логических и статистических обоснований, таким образом, чтобы адресат сам пришел к выводу о преимуществах быть в сети Онлайн и захотел присоединиться к социальной сети Facebook. Это указывает на использование умной дискурсивной силы, которая способствует принятию адресатом идей, заданных по-

средством целенаправленного управления вниманием и суггестивного направления потока мыслей в заданном направлении, таким образом, чтобы адресат думал, что сам принял решение. Им обозначаются только пути решения этих проблем, которые он не навязывает, но убеждает, что эти проблемы решаемы с помощью объединения: *But the most important thing to do is to recognize that connectivity is the path to enabling and achieving all of the other goals you have.* Цукерберг строит свою речь так, что постепенными рассуждениями и доказательствами подводит в итоге к показанию лучшего результата решения также посредством использования стратегии моделирования желаемого будущего: *Now, connecting everyone isn't gonna be quick or easy. But if we make the right decisions and the right investments now, we can connect billions of more people in the next decade. "So if we all agree that the path forward for the world isn't to disconnect and work together less, but to connect more, to try to do even more great things as a path to creating greater prosperity and then sharing that with everyone, then I think it's pretty clear that this is just the beginning of that path and what we need to do next.*

На протяжении всей речи Цукерберг вдохновляет адресата воззваниями и лозунгами, указывая, что именно в настоящее время можно преобразовать реальность в лучшую сторону. Вдохновение, которое Марк передает своим адресатам трижды – во втором, седьмом и двенадцатом паттернах, актуализируется лингвокогнитивным механизмом инспирации. Сначала Марк приводит пример, который вдохновил его, это высадка человека на Луну, несмотря на то, что в те времена многие люди считали это невозможным: *To me, one of the most inspiring stories in history, uh, was when President John F. Kennedy, in the US, in 1961, announced that by the end of the decade we were gonna try to put a man on the moon. A lot of people thought that this was impossible. Um, you know, it took a lot of investment, but many people rallied. And when they succeeded, they, they didn't just achieve the goal. <...> As Kennedy said, "It's a time for greatness. Эта идея о наступлении времени*

для величия и великих поступков, кольцевым повтором звучит в седьмом паттерне, когда адресат поверит в свои силы при выполнении некоторого условия: *But once we realize that we can do great things ...* и в последнем паттерне, описывающем желаемое будущее, которое надо себе позволить воплотить в жизнь: *That's a future where we dare to do great things and work to aggressively share the prosperity with everyone in the world. That is a future that I am excited to work with all of you to build.* Двойной анафорический повтор в последних двух предложениях: *That's a future ...*, акцентирует внимание на реалистичности желаемого будущего, строительство которого зависит от нас самих, усиливает экспрессию выражения, как одно из главных стилистических средств воздействия.

В целом смысл выступления Марка сводится к тому, чтобы убедить слушателей в том, что объединение миллиардов людей с помощью социальной сети Facebook способствует торговле, помогает людям лучше понимать друг друга, решать глобальные социальные и мировые проблемы. В своей речи он использует как риторические приемы, так и стратегии убеждения и привлечения внимания. Оратор использует приемы, помогающие созданию теплой, дружественной атмосферы частной беседы.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу о важной роли лингвокогнитивных механизмов аттрактивизации в конструировании успешных публичных дискурсов, показав на конкретных примерах, как они работают, как происходит их активизация и принцип взаимодействия с адресатом. Следовательно, раскрытие потенциала умной силы дискурса, лингвокогнитивных механизмов имажинеринга, позиционирования: единение и инспирации, подтверждает действенность дискурсивной технологии «Умная настройка», направленной на управление дискурсивной траекторией смысла от адресанта к адресату. Данные о потенциале аттрактивизации дискурса могут быть полезными тем, кто учится выступать публично или изучает основы ораторского искусства, медийной коммуникации, лингвоперсонологии и т.п.

1. The connectivity revolution. Keynote address by Mark Zuckerberg, chairman and CEO, FACEBOOK at Apec CEO. APEC PERU 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apcesceosummit2016.com/program.html> (25.12.2016).
2. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингвокогнитивные механизмы управления дискурсом: конструирование аттрактивного имиджа // Вестник ИрГТУ. 2015. № 1. С. 328–332.
3. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
4. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
5. Цукерберг, Марк [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%83%D0%BA%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3,%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA> (25.01.2017).
6. Mark Zuckerberg at APEC CEO Summit Peru 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QH6li3vOTZs> (25.12.2016).
7. Mark Zuckerberg at APEC CEO Summit. University of Wisconsin-Milwaukee [Электронный ресурс]. URL: http://dc.uwm.edu/zuckerberg_files_transcripts/253/ (25.12.2016).
8. Муратова Е.Н., Сенцов А.Э. Выражение концепта «народ» в английской лингвокультуре // Молодой ученый. 2011. № 10. Т. 2. С. 35–37.
9. Якоба И.А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. Монография. Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2016. 242 с.
10. Якоба И.А. Смыслоритмическое моделирование как компонент «Умной настройки» дискурса (на примере декларации независимости США) // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2016 [Электронный ресурс]. (г. Иркутск, 19–20 мая 2016 г.): сборник научных статей Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 244–251. (CD-R). (25.12.2016)

Якоба Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1 факультета прикладной лингвистики ИРНТУ, e-mail: irina_yakoba@mail.ru

Томских Ольга Юрьевна, студент группы ЭВМб-15-1 института кибернетики, e-mail: ms.tomskyh@gmail.ru

Iakoba Irina Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department № 1 for Engineering Fields of Study, Faculty of Applied Linguistics, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: irina_yakoba@mail.ru

Tomskikh Olga Yureyevna, a student of Computer Science Institute, e-mail: ms.tomskyh@gmail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© С.А. Кондря*

*Первая Центральная Коллегия Адвокатов Иркутской области, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Дзержинского, 1.

В статье автором рассматривается проблема отсутствия законодательного регулирования обжалования судебных решений, принятых по результатам предварительного слушания. Изучается правовая природа итоговых и промежуточных судебных решений. Обобщается имеющаяся по данному вопросу судебная практика.

Ключевые слова: предварительное слушание, итоговое судебное решение, промежуточное судебное решение, право на обжалование.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF APPEAL AGAINST COURT DECISIONS ADOPTED AFTER PRELIMINARY HEARING IN THE MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

S.A. Kondrya*

*The First Central Bar Association of Irkutsk Region
1 Dzerzhinsky Str., Irkutsk, Russian Federation, 664003.

The article considers the problem of legislative regulation absence of the appeal against court decisions adopted after a preliminary hearing. The legal nature of the final and intermediate court judgments is examined. The author makes a survey of judicial practice concerning this issue.

Keywords: preliminary hearing, the final judgment, the intermediate court decision, the right to appeal.

Теория уголовного процесса предусматривает три базовых элемента, которые являются содержанием процессуальной формы уголовного судопроизводства: процедуры, условия и гарантии.

Уголовно-процессуальные гарантии – это специальные правовые средства, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов участников процесса, а равно выполнение ими своих обязанностей [1, с. 18].

В качестве одной из таких гарантий прав участников уголовного судопроизводства следует упомянуть право на обжалование вынесенных судебных решений, которое базируется на конституционном праве осужденного на пересмотр приговора (ст. 50 Конституции РФ) и международно-правовых актах, закрепляющих гарантии прав личности в сфере судопроизводства.

Так, в соответствии со ст. 2 Протокола №7 от 22 ноября 1984 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него пригово-

вор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

Право на обжалование и пересмотр судебных решений вышестоящим судом носит абсолютный характер, и федеральный законодатель не вправе ограничивать его ни по кругу лиц, ни по видам судебных приговоров, подлежащих пересмотру, ни по каким иным обстоятельствам.

Поэтому действующее российское уголовно-процессуальное законодательство в отличие от прежнего не предусматривает никаких исключений из права на жалобу, за исключением тех, что обусловлены сущностью соответствующей формы пересмотра приговора [2].

Право на обжалование судебных решений и исправление судебных ошибок является также одной из составляющих права на судебную защиту, поскольку незаконный, необоснованный или несправедливый судебный акт не может служить средством судебной защиты.

Такой акт фактически представляет

собой отказ в судебной защите, поэтому заинтересованному лицу обеспечивается возможность реализовать свое право на справедливое правосудие в вышестоящей судебной инстанции [3, с. 141].

Реализацией вышеуказанных правовых норм в системе уголовного судопроизводства обеспечивается положениями ст. 19 УПК РФ, предусматривающей право осужденного на пересмотр приговора.

Механизмом реализации права является предусмотренный гл. 45.1. УПК порядок апелляционного рассмотрения уголовных дел по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу судебные решения (приговоры, определения, постановления) мирового судьи, районного суда, гарнизонного военного суда, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, то есть право апелляционного обжалования судебных решений.

Право на апелляционное обжалование судебного акта, таким образом, обеспечивает своевременное и эффективное исправление судебной ошибки, восстановление нарушенных прав участников уголовного процесса.

Между тем законодателем не в полной мере урегулирован вопрос обжалования судебных решений, принятых по результатам предварительного слушания.

Согласно ч. 7 ст. 236 УПК РФ судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, может быть обжаловано в апелляционном порядке, за исключением судебного решения о назначении судебного заседания в части разрешения вопросов, указанных в п.п. 1,3-5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ. Непонятным является установление таких ограничений и законодательный запрет на возможность обжалования всех принятых по итогам предварительного слушания решений.

Разумным представляется только невозможность самостоятельного обжалования решения о назначении судебного заседания как такового. Такое постановление само по себе, будучи направленным только на определение места, даты, времени и условий проведения судебного заседания и тем самым на обеспечение рассмотрения

уголовного дела в разумные сроки, не препятствует подсудимому реализовать свое право на доступ к правосудию и на защиту в состязательном процессе, равно как не нарушает и иных его конституционных прав [4, с. 34].

Кроме того, как правильно отметил А.С Червоткин, законодатель не разрешил ряд проблем пересмотра промежуточных решений суда. Процедура апелляционного производства, сформулированная «под приговор», не учитывает специфики порядка обжалования и пересмотра промежуточных судебных решений, что снижает уровень ее эффективности как формы исправления допущенных судом ошибок [5].

Анализ правовых норм УПК РФ показывает, что законодательно установлены такие правовые категории судебного решения, как «итоговое судебное решение» и «промежуточное судебное решение», понятие которых раскрывается в п.п. 53.2, 53.3 ст. 5 УПК РФ.

В соответствии с п. 53.2 под итоговым судебным решением понимается приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. N 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» дополнительно разъясняет, что итоговым судебным решением является решение, завершающее производство по уголовному делу в целом или в отношении конкретного лица, которым разрешены вопросы о виновности лица, назначении ему наказания либо освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом¹.

Согласно п. 53.3 к промежуточному судебному решению по остаточному принципу относятся все определения и по-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. N 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. № 283. 2012 г.

становления суда, за исключением итогового судебного решения.

Правовое значение данного разграничения заключается в том, что по общему правилу промежуточные судебные решения обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением судебных решений, указанных в части третьей ст. 389.2 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ к промежуточным судебным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию (до вынесения итогового судебного решения), относятся: постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству, судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору, а также частные определения или постановления.

Сторонники законодательного запрета на обжалование всех решений суда, принятых по результатам предварительного слушания, придерживаются той точки зрения, что такие решения в силу их промежуточного характера самостоятельному обжалованию не подлежат [7, с. 190].

В этой связи необходимо проанализировать правовую природу судебных решений, принятых по результатам предварительного слушания, с точки зрения критериев определения промежуточного судебного решения, и обратиться к существующей судебной практике, так как законодательное определение п. 53.3 ст. 5 УПК РФ не содержит признаков такого решения.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. №20-П², самостоятельному

обжалованию подлежат промежуточные решения, которые не находятся в прямой связи с его содержанием, включающим выводы о фактических обстоятельствах дела, оценке доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и др.

С учетом данного правового положения можно обозначить общие критерии отнесения решений суда к числу тех промежуточных постановлений (определений), которые подлежат самостоятельному обжалованию в вышестоящем суде. Во-первых, такие решения не затрагивают сущности уголовного дела. Содержание обжалуемого решения не должно касаться вопроса о виновности или невиновности подсудимого, что, в свою очередь, не должно предрешать выводы суда, рассматривающего дело по существу по данному вопросу.

Во-вторых, порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных правоотношений. В случае несвоевременности обжалования судебного постановления такие решения могут существенно ограничить конституционные права и свободы личности, причиняя им вред, восполнение которого в дальнейшем невозможно. Поэтому заинтересованные лица имеют право безотлагательного обжалования таких промежуточных решений, не дожидаясь постановления итогового судебного решения [6. 195].

В указанном постановлении Конституционного Суда РФ также перечислены конкретные промежуточные решения суда первой инстанции, подлежащие самостоятельному обжалованию в вышестоящей инстанции:

- определения (постановления) о применении или изменении меры пресечения;
- о помещении лица в медицинское учреждение для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы;
- об отложении разбирательства; о приостановлении уголовного дела;
- о роспуске коллегии присяжных заседателей и связанном с этим возобнов-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 N 20-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно - процессуального кодекса

РФСФР в связи с жалобами ряда граждан" // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_W_19326/ (1.03.2017).

лении подготовки к рассмотрению дела.

Согласно ряду определений КС РФ не подлежат также самостоятельному кассационному обжалованию следующие промежуточные судебные решения:

о проведении закрытого судебного заседания, так как такое решение не приостанавливает судебного разбирательства, не препятствует повторному заявлению ранее отклоненного судом ходатайства и при этом не устраняет возможности судебной проверки законности и обоснованности принятого решения: она лишь переносится на более поздний срок³;

об отклонении и удовлетворении ходатайств об исследовании (исключении) доказательств, вызове тех или иных лиц в судебное заседание для допроса в качестве свидетелей, о допуске к участию в деле в качестве защитника наряду с адвокатом иного лица, избранного обвиняемым, поскольку такие решения не препятствуют подсудимому повторно заявлять эти ходатайства и обжаловать отказ в их удовлетворении в вышестоящие суды одновременно с обжалованием итогового решения суда⁴;

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 г. N 624-О-П "По жалобе гражданина Апполонова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца второго пункта 6 и абзаца двадцать второго пункта 9 статьи 44 Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71639/ (1.03.2017).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 n 290-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маргина Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный ресурс].

решение об отклонении отказа подсудимого от помощи допущенного к участию в деле адвоката⁵;

постановление о назначении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы⁶;

об отказе в рассмотрении ходатайств подсудимого, вынесенных судом без удаления в совещательную комнату, а также сопроводительных писем судьи об отказе в принятии жалоб на них. КС РФ указал, что закон не наделяет суд первой инстанции полномочиями возвращать такие жалобы заявителю иначе как в случаях их несоответствия требованиям уголовно-процессуального закона, обуславливающего необходимость их пересоставления⁷.

На основании постановления Курганского районного суда Красноярского края от 11 сентября 2013 года, вынесенного по результатам проведения предварительного слушания, обвиняемому Злыдневу А.В. отказано в удовлетворении его ходатайства

URL.: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63694/\(1.03.2017\)](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63694/(1.03.2017)).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 N 326-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50449/ (6.03.2017).

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2001 г. N 172-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Мазуриной Светланы Васильевны и Мазурин Владимир Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 79, частью первой статьи 185 и частью второй статьи 261 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=11823#0> (2.03.2017).

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2001 г. N 172-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Мазуриной Светланы Васильевны и Мазурин Владимира Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 79, частью первой статьи 185 и частью второй статьи 261 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=11823#0> (2.03.2017).

о возвращении дела прокурору и исключении недопустимых доказательств.

Не согласившись с постановлением суда, подсудимый А.В. Злыднев подал на него апелляционную жалобу.

По смыслу закона, такого рода решения могут обжаловаться и проверяться судом апелляционной инстанции в безотлагательном порядке лишь в случае, если они порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности и причиняя им вред, исполнение которого в дальнейшем может оказаться неосуществимым. Во всех иных случаях обжалование и проверка промежуточных судебных решений должна осуществляться лишь в отсроченном порядке, а именно после завершения судебного разбирательства одновременно с обжалованием приговора или иного итогового решения по делу.

Поскольку вынесенное судом постановление о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания, с указанием об отказе в удовлетворении ходатайств о возвращении дела прокурору, об отказе на данной стадии в удовлетворении ходатайства об исключении доказательств, не повлекло каких-либо изменений в правовом статусе подсудимого А.В. Злыднева и невосполнимых ограничений его конституционных прав и свобод, в том числе права на доступ к правосудию и рассмотрению дела в разумный срок, оно не может быть предметом самостоятельного

обжалования и проверки в суде апелляционной инстанции⁸.

Исследуя правовую природу промежуточных судебных решений, авторы отмечают их вспомогательный характер по отношению к итоговым судебным решениям в силу того, что они способствуют созданию необходимых условий для реализации участниками процесса их прав и законных интересов и разрешению уголовного дела без неоправданной задержки [7, с. 7].

Следует также отметить, что положения ч. 3 ст. 389.2 противоречат ч. 7 ст. 236 УПК РФ, так как указывают на решение о передаче дела по подсудности, которые в соответствии с ч. 7 ст. 236 не подлежат самостоятельному обжалованию.

Кроме того, в редакции Федеральных законов от 25.11.2013 N 317-ФЗ, от 29.06.2015 N 190-ФЗ, ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ дополнена положением о том, что самостоятельному обжалованию подлежат другие промежуточные судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления.

Иными словами, законодатель установил открытый перечень подобных промежуточных судебных решений, к которым можно отнести решения, принятые по итогам предварительного слушания. Неопределенность в законодательном регулировании приводит к тому, что правоприменитель в отсутствие конкретных правовых норм должен исходить из существа обжалуемого судебного решения.

⁸ Постановление № 22-8578/2013 от 17 декабря 2013 г. по делу № 22-8578/2013 Красноярский краевой суд (Красноярский край) // [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FVjgqFpHFal3/> (3.03. 2017).

Библиографический список

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ИД «Питер», 2015. 336 с.
2. Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве РФ: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар. 2016.

3. Бородинова Т.Г. Формирование принципиальной основы института пересмотра приговоров в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве // Общество и право. № 1(47). 2014. С. 140–144.
4. Анганзоров О. Обжалование судебных решений, принятых на предварительном слуша-

- нии // Законность. М. 2005. № 10. С. 34.
5. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2014.
6. Афанасьева С.И. Судебные решения, подлежащие обжалованию в апелляционном по-

Кондря София Андреевна, магистрант юридического института кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского Государственного Университета г. Иркутска, адвокат Первой Центральной Коллегии Адвокатов Иркутской области, e-mail: sofi.irk.1993@yandex.ru

- рядке // Вестник Пермского университета. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2013. № 2 (20). С. 188–198.
7. Червоткин А.С. Новое в законодательстве о пересмотре промежуточных судебных решений по уголовным делам // Российский судья. 2011. № 3. С. 4–8.

Kondrya Sofia Andreevna, a Master's Degree Student of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings Department in Law Institute of Baikal State University, a lawyer of the First Central Bar Association of Irkutsk region, e-mail: sofi.irk.1993@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЪЕКТИВИРОВАННЫЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ

© И.Г. Смирнова*

*Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

В статье анализируется мнение граждан, судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов об уголовном судопроизводстве, его назначении. Результаты проведенного социологического исследования показывают взаимное недоверие граждан, с одной стороны, и должностных лиц органов уголовного преследования и суда, с другой стороны. Автор обосновывает необходимость учета общественного мнения при определении основных направлений оптимизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, статистика, общественное мнение, судьи, прокуроры, следователи, адвокаты.

SOCIAL VALUE OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: OBJECTIFIED CRITERION OF ASSESSMENT

I.G. Smirnova*

*Baikal State University
11 Lenin Str., Irkutsk, Russian Federation, 664003.

The article covers the viewpoints of citizens, judges, public prosecutors, investigators, lawyers on criminal proceedings. The results of the sociological research reveal a mutual distrust between citizens, on the one hand, and prosecuting officers and court, on the other hand. The author proves the necessity to take into account public opinion when identifying the mainstay of criminal proceedings optimization.

Keywords: criminal proceedings, statistics, public opinion, judges, public prosecutors, investigators, lawyers.

«Оправдание существования уголовного процесса заключается в соответствии результата уголовно-процессуальной деятельности и самой деятельности тем ожиданиям, которые с ним связаны» [1].

Значение уголовного судопроизводства для нормального функционирования государства и общества невозможно переоценить. Как отмечал в свое время Шарль Луи Монтескье, сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Однако и в современном обществе уголовное судопроизводство не утратило своего значения и актуальности. Так, в современной концепции совершенствования законодательства в сфере уголовной юстиции подчеркивается, что значение изменений в уголовном судопроизводстве далеко уклоняется от смысла простого технико-юридического акта. Это прикосновение к самому сердцу гражданского общества!

Бесспорно, любые преобразования в сфере уголовного судопроизводства

должны соответствовать Конституции РФ, мировым стандартам в сфере защиты прав личности. Но неоспоримо также и то, что эффективность уголовно-процессуального регулирования невозможна без фундаментальной аксиологической основы.

Таким образом, фундамент теории и практики уголовного процесса в настоящее время может быть существенно укреплен его аксиологическим детерминантом, требующим системного исследования, которое позволит учесть в комплексе и гносеологическое и аксиологическое отражение объективной реальности.

Здесь вполне уместно вспомнить позицию основателя французской социологической школы Э. Дюркгейма, который по этому поводу писал следующее: «Если бы ценность вещей действительно измерялась степенью их социальной полезности, то система человеческих ценностей должна была бы быть подвергнута пересмотру и полному разрушению... Имеется, стало быть, один способ мыслить реальное и другой, весьма отличный от него, – мыслить идеаль-

ное. И именно по отношению к идеалам, понимаемым таким образом, оценивается ценность явлений» [2].

На основании изложенного, полагаем возможным существование двойной системы оценки ценности:

- ценность уголовного судопроизводства связана с его реальным значением для общества;

- аксиологическая сущность существования и функционирования уголовного судопроизводства связывается с теми представлениями о нем, которые сложились в конкретный момент исторического развития общества.

«Оправдание существования уголовного процесса заключается в соответствии результата уголовно-процессуальной деятельности и самой деятельности тем ожиданиям, которые с ним связаны» [1]. Поэтому для нас в свете рассматриваемого вопроса так важна оценка общественного мнения. мнение (совокупность оценочных суждений групп людей относительно проблем, событий и фактов действительности).

Возникает вопрос: чье мнение об уголовном судопроизводстве будет значимым для нас?

Правосознание раздвоено по своей сущности и по способу отражения действительности в двух модальностях. Первый слой воплощается в нормах обычного права. Этот уровень характеризуется устойчивостью и стереотипностью правовых представлений. Вторым слоем является правосознание научное, правосознание социальных страт – ученых-юристов и представителей официальной политической власти, выражающих официальную или оппозиционную идеологию. Значит, требуется анализ общественного мнения «снаружи» и «изнутри».

Во-вторых, выполнение соответствующей процессуальной функции также детерминирует формирование определенного стереотипа мышления, который должен получить самостоятельную оценку.

Изучение общественного мнения демонстрирует следующие тенденции:

- повышенная терпимость к внешним неблагоприятным обстоятельствам, когда ситуация не касается самой личности

- присутствие в общественном сознании штампов, стереотипов мышления, правовых мифологий;

- идея прав и свобод не является для граждан нравственной потребностью;

- признание гражданами необходимости развития демократических институтов гражданского общества (например, суда присяжных, восстановительного правосудия), но и одновременно – неготовность большей части населения к участию в деятельности этих институтов;

- проявление в общественном сознании нежелания сотрудничества граждан с государством;

- проявление правового нигилизма, когда ожидания субъекта, связанные с чем-либо, не находят своего оправдания;

- позитивное восприятие в сознании россиян соединения добра и зла, что характерно для общества с бескомпромиссным поведением;

- взаимный характер недоверия между населением и должностными лицами компетентных государственных органов в сфере уголовного судопроизводства;

- ожидание от уголовного судопроизводства справедливости, восстановления нарушенных прав, защиты и безопасности, достижения положительного социального эффекта в максимально короткие сроки.

Анализ общественного мнения интересен не сам по себе, а в сравнении точек зрения различных групп респондентов: граждан, а также «профессиональных» участников уголовного судопроизводства. Такой подход позволяет показать имеющиеся противоречия, взглянуть на проблему «изнутри» и «со стороны».

Итак, особенности профессионального взгляда на современное уголовное судопроизводство заключаются в следующем:

1. Подавляющее большинство лиц, выполняющих в уголовном деле процессуальную функцию обвинения, защиты или правосудия, высказалось против возрождения института народных заседателей в уголовном судопроизводстве и выразило негативное отношение к суду присяжных. В цифрах ситуация может быть представлена следующим образом (таб.1).

Достаточно показательно, что представители адвокатского сообщества, как

самостоятельного, неотъемлемого элемента функционирующего гражданского общества, более позитивно относятся к суду присяжных, нежели носители в уголовном процессе функций обвинения и правосудия.

2. Следует признать, что негативное отношение общества к юстиции действительно является важным фактором для правоприменительной практики, т.к. мешает действенной защите общественных и личных интересов. Кстати, данная тенденция характерна не только для российского общества. Так, по данным социологического опроса, проведенного во Франции, у 66% опрошенных сложилось отрицательное отношение к юстиции, а у 18% - крайне негативное [3].

Такой же точки зрения придерживаются 23,6% судей, 10,6% прокуроров, 17,5% следователей и дознавателей.

3. В целом, опрошенные респонденты позитивно оценивают возможность введения альтернативных методов разрешения споров. Эта позиция профессионалов по данному вопросу может быть наглядно продемонстрирована в следующих цифрах (таб. 2).

Данные показатели следует признать достаточно высокими, если учесть, что 45,8% судей, 47,9% прокуроров, 50,3% сле-

дователей и дознавателей и 28,9% адвокатов не имеют четкого представления об идеях восстановительного правосудия. Респондентам был задан вопрос: «Имеете ли Вы представление об идеях восстановительного правосудия?» и предложены следующие варианты ответа: «Да», «Скорее да, чем нет», «Скорее нет, чем да», «Нет», «Затрудняюсь ответить», «Другое».

4. В целом следует признать, что мнение представителей стороны обвинения, защиты и правосудия в значительной степени предопределяется выполняемыми ими профессиональными функциями в процессе. То, что мнение профессионалов детерминируется не столько специфической собственной деятельностью, но и основными характеристиками общественного мнения в целом указывает и факт отношения к наказанию. Оно и здесь является традиционным (таб. 3).

Как и граждане, выделенные группы опрошенных респондентов полагают, что эффективность уголовного процесса также заключается и в наказании виновного (66,7% судей, 87% прокуроров, 70,8% следователей и дознавателей, 62,8% адвокатов), и в раскрытии всех преступлений (36,1% судей, 43,9% прокуроров, 38,5% следователей и дознавателей, 27,8% адвокатов).

Таблица 1

Общественная оценка участия граждан в осуществлении правосудия

Группы опрошенных респондентов:	Негативное отношение опрошенных респондентов (в %) к:	
	народным заседателям	суду присяжных
Судьи	93,1	63,9
Прокуроры	88,7	61,8
Следователи и дознаватели	50,5	36,1
Адвокаты	56,6	28,4

Таблица 2

Общественное мнение о введении альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов

Судьи	Прокуроры	Следователи и дознаватели	Адвокаты
41,6%	35,4%	69,8%	74,3%

Нельзя не обратить внимание и на преобладающий в обществе карательный настрой. Отголоски прошлой национальной истории находят свое отражение в том, что право ассоциируется с карой, совершенное общественно опасное деяние в обыденном представлении россиян требует своего возмездия. Так, более половины опрошенных (61,4%) эффективность уголовного судопроизводства усматривают в наказании виновного. Более того, для улучшения криминогенной обстановки в стране наибольшее количество опрошенных предлагает – ужесточить уголовную ответственность и применять смертную казнь.

Не так удивляет, что 4,5% опрошенных граждан полагают возможным применение пыток для получения показаний при

производстве по уголовному делу, как то, что такой же способ установления обстоятельств дела в качестве возможного признают 5,6% судей, 6,5% прокуроров, 12,7% следователей и дознавателей и даже 3,3% адвокатов. Помимо деформации правосознания данная картина может быть обусловлена признанием (хотя и косвенным) беспомощности существующего порядка производства по уголовным делам.

Возможно, именно по этой причине, достаточно высоко оценивая значимость собственной деятельности для обеспечения безопасности и защиты общества и личности, группы профессиональных участников судопроизводства полагают, что общество не так высоко оценивает их деятельность.

Таблица 3

Эффективность уголовного судопроизводства

Варианты ответа	Опрошенные респонденты (%)				
	Судьи	Прокуроры	Следователи дознаватели	Адвокаты	Граждане
Быстрота расследования и рассмотрения уголовного дела	55,6	50,4	44,7	50,0	25,7
Возмещение потерпевшему причиненного вреда в полном объеме	52,8	58,5	37,3	59,4	36,9
Наказание виновного	66,7	87,0	70,8	62,8	61,4
Раскрытие всех преступлений	36,1	43,9	38,5	27,8	29,1

Таблица 4

Общественное мнение о мерах по улучшению криминогенной обстановки в стране

Варианты ответа	Опрошенные респонденты (%)				
	Судьи	Прокуроры	Следователи дознаватели	Адвокаты	Граждане
Ужесточить уголовную ответственность	41,7	57,7	69,0	38,3	56,4
Применять смертную казнь	31,9	41,5	48,8	18,3	41,7

Так, например, судьи оценили свою деятельность с точки зрения ее значимости для общества и личности следующим образом (табл. 5).

И по их же мнению общество оценивает их следующим образом (табл. 6).

(В обеих таблицах данные приведены в процентах от общего количества опрошенных лиц).

Аналогичным образом личная оценка и прогнозирование отношения населения к собственной деятельности не совпадают ни у следователей, дознавателей, ни у адвокатов.

Таким образом, можно констатировать, что недоверие между населением и компетентными должностными лицами уголовного судопроизводства носит взаим-

ный характер.

Наконец, нельзя обойти вниманием такие концептуальные вопросы, как ценность уголовного судопроизводства и возможность оптимизации расходов государства на уголовное судопроизводство.

Ценность уголовного судопроизводства усматривается проинтервьюированными лицами в следующем (таб. 8).

Отмеченные группы опрошенных в своем большинстве полагают, что для оптимизации расходов государства на уголовный процесс наиболее оптимальными вариантами являются:

– упрощение производства (56,9% судей, 61,85 прокуроров, 29,9% следователей и дознавателей, 56,1% адвокатов);

Таблица 5

Оценка судьями значимости судебной деятельности

	1	2	3	4	5
Оценка судьями значимости судебной деятельности	4,2	8,3	12,5	23,6	51,4

Таблица 6

Оценка судьями общественного мнения о значимости судебной деятельности

Мнение судей об оценке гражданами значимости судебной деятельности	8,3	20,8	34,7	16,7	19,5
--	-----	------	------	------	------

Таблица 7

Оценка опрошенными значимости следственной деятельности, а также общественного мнения о ней

Критерии оценки	Полученные оценки (в %)				
	1	2	3	4	5
Органы расследования					
Оценка следователями, дознавателями значимости деятельности органов расследования	4,5	13,2	26,3	28,2	27,8
Мнение следователей, дознавателей об оценке гражданами значимости досудебной уголовно-процессуальной деятельности	14,6	27,3	37,6	14,8	5,7
Адвокатура					
Оценка адвокатами значимости адвокатской деятельности	5,0	12,8	10,0	34,4	37,8
Мнение адвокатов об оценке гражданами значимости адвокатской деятельности	5,0	13,3	35,6	27,2	18,9

– внедрение альтернативных методов внесудебного разрешения уголовно-правовых споров (34,7% судей, 19,5% прокуроров, 16,7% следователей и дознавателей, а также 37,8% адвокатов).

1. Нельзя не отметить, что общественность высказывается за ужесточение репрессивной правовой политики государства (видимо, не чувствуя защищенности своих жизненно важных интересов). Напротив, профессиональные участники уголовного судопроизводства активно отстаивают необходимость декриминализации ряда деяний: такого мнения придерживаются 45,8% судей, 20,3% прокуроров, 13,4% следователей и дознавателей, 46,7% адвокатов.

2. Инертность общественного мышления, устойчивость ряда мифов в общественном сознании показывают, что в настоящее время граждане активно и объективно признают необходимость развития демократических институтов гражданского общества (например, суда присяжных, восстановительного правосудия), достаточно хорошо осведомлены о них. Вместе с тем, большая часть населения не готова самостоятельно принимать участие в дея-

тельности этих институтов. Следовательно, требуется внедрение в уголовный процесс таких механизмов, которые, с одной стороны будут опираться на возможности самих правоохранительных органов, а с другой стороны, на наиболее активную часть гражданского общества. Как представляется, это возможно путем внедрения медиации и трансакции.

3. Репрессивный, карательный настрой общественного сознания не позволяет в настоящее время реализовывать идеи декриминализации ряда деяний, т.к. общество в данном вопросе настроено реакционно. Следовательно, полученный при осуществлении таких мер результат может быть не тем, каким его прогнозируют. Напротив, внедрение медиационных механизмов и трансакции необходимо еще и потому, что позволит сбалансировать репрессивно-агрессивный настрой общественности в отношении виновных; ускорить процесс, обеспечить компенсацию причиненного вреда; наконец – дать большую степень безопасности и защищенности личности в уголовном судопроизводстве.

Таблица 8

**Социальная ценность уголовного судопроизводства
через объективированный индикатор оценки**

Варианты ответа	Судьи	Прокуроры	Следователи и дознаватели	Адвокаты
В восстановлении справедливости	58,3	71,5	62,6	46,7
В урегулировании порядка привлечения виновного к уголовной ответственности	18,1	28,5	33,0	25,0
Уголовный процесс – сфера реализации уголовно-правовых норм	11,1	16,3	17,9	21,7
В предоставлении гарантий законности и обоснованности принуждения	16,7	18,7	10,3	46,7
В возможности восстановить и защитить права потерпевших	45,8	43,9	45,5	50,0
В возможности реабилитировать невиновных	29,2	22,8	22,0	46,7
В обеспечении порядка в обществе	38,9	43,9	40,9	37,2
В гармоничном сочетании частных, общественных и государственных интересов	13,9	7,3	7,4	18,9

4. То, что сами граждане усматривают тесную связь социального благополучия и уровня преступности позволяет констатировать, что уголовное судопроизводство является в настоящее время крайним, рубежным средством, коим государство реагирует на преступность. Следовательно, целесообразней включать и иные более социально обусловленные средства реакции на преступления, сдерживания преступности, превенции.

5. Несмотря на недоверие, существующее в обществе, проблемы, связанные с производством по делу, все группы опрошенных своими ответами демонстрируют то, что ценность есть не только реальная полезность (в данном случае уголовного судопроизводства), но и то ожидание, которое с ним связано, а также представление об этом, сложившееся и господствующее в обществе. В настоящее время три этих указанных составляющих не совпадают. Несмотря на правовой нигилизм, общество по-прежнему ожидает от уголовного судопроизводства справедливости, восстановления нарушенных прав, защиты

и безопасности. Причем положительный социальный эффект должен быть достигнут в максимально короткие сроки. Следовательно, общественное мнение «обывателя» и мнение перечисленных выше групп участников уголовного судопроизводства совпадают по ключевым социальным, нравственным пунктам. Однако оно расходится зачастую в вопросах о средствах достижения глобальной цели. Как нам представляется, предложения о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, изменений парадигмы уголовного судопроизводства должны учитывать эти особенности. Иначе принудительные инновации могут дать совершенно неожиданные результаты. Так, в целях упрощения и ускорения судопроизводства институт транзакции будет гармонично включен в уголовно-процессуальную материю. Медиация, как процедура не вызывающая отторжения ни у общественности, ни у профессионалов и направленная на восстановление нарушенных прав и гармонизацию всех групп интересов, также даст положительный эффект.

Библиографический список

1. Барабаш А.С. Цели уголовного процесса // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета / отв. ред. Т. В. Сахнова. Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. Вып. 2. С. 440.

Смирнова Ирина Георгиевна, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, e-mail: smirnova-ig@mail.ru

2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 291–294.

3. Moatti D. La communication par la violence // Communication et langages. 2000. № 123. P.95.

Smirnova Irina Georgievna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Director for scientific work, Head of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department in Law Institute, e-mail: smirnova-ig@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВОЕННОМ ВУЗЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

© И.Н. Зимонин*, А.А. Трофименко*

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Российская Федерация, 350090, г. Краснодар, ул. Дзержинского, 135.

В данной статье представлено теоретико-методологическое обоснование применения инновационных методов и технологий в обучении курсантов авиационного училища на примере учебной дисциплины «Психология лётного труда». Актуальность данной проблемы связана с реализацией компетентностного и субъектно-деятельностного подходов в рамках ФГОС 3+ поколения в организациях высшего образования, требующего формирования гармоничной личности военного летчика, обладающего общекультурными и профессионально-специализированными компетенциями, способного принимать решения в самых различных ситуациях лётной деятельности.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, мотивация, федеральный государственный образовательный стандарт, лётная деятельность, психические явления, методы, технологии.

INNOVATIVE METHODS AND TECHNOLOGIES IN TEACHING HUMANITIES IN MILITARY HIGHER SCHOOL: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS

I.N. Zimonin*, A.A. Trofimenko*

*Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots
135 Dzerzhinsky Str., Krasnodar, Russian Federation, 350090

The article provides the theoretical and methodological basis of innovative methods and technologies application when educating students of aviation school through the example of the subject «psychology of flight work». The topicality of the research is bound by a relation to realization of competence-based and subject-activity approach within the framework of the 3rd generation of Russian State Educational Standards in higher education institutions, requiring the harmonious development of a personality of military pilot who possesses cultural and professional (specialized) competences and able to make decision in various situations of flight work.

Keywords: competence, motivation, educational standard, flight activity, psychic phenomena, methods, technologies.

В современных социально-исторических условиях высшее образование пребывает в состоянии перманентного реформирования. Результатами происходящих изменений в отечественной системе образования стали: внедрение компетентностного и субъектно-деятельностного подходов к организации учебного процесса организаций высшего образования; применение IT-технологий, способствующих увеличению объемов информации, ее доступности, созданию разнообразных условий для творческой деятельности обучающихся и профессорско-преподавательского состава (техническая сторона образовательной деятельности); возможность непрерывного образования с использованием дистанционных образовательных технологий (в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья) и многое другое.

Мы часто стали обращаться к опыту других стран. Например, в США самая лучшая подготовка ведется в высших военных школах (видовых академиях), потому что первоочередное значение в этой системе образования приобретает гуманитарный компонент, развитие обучаемого, как личности, как гражданина, и далее уже как личности военного специалиста (военные дисциплины занимают около 15% от всего учебного времени). Подготовка рассматривается как процесс интеллектуального, общекультурного совершенствования и развития управленческих качеств. Выпускник высшей военной школы должен быть в первую очередь высокоинтеллектуальным и широко образованным человеком [1].

Реформа системы российского высшего образования подразумевает, прежде всего, повышение степени гумани-

таризации образовательного процесса. Необходимость гуманизации труда и гуманитаризации образования обуславливает заказ на разработку теоретической модели подготовки специалиста, обладающего творческой активностью, профессиональной компетентностью, способного эффективно решать те задачи, которые перед ним поставлены.

У будущих специалистов при обучении в вузе, в котором образовательный процесс полноценно построен на принципах гуманитаризации, формируется личностная профессиональная позиция по отношению к профессиональной деятельности на основе соотнесения реальных и идеальных представлений о будущей профессиональной деятельности. Основную идею о том, что же выступает основным побудителем к активному выполнению конкретной деятельности, развитию конструктивных отношений и при достижении поставленной цели обретению нового социального опыта, который отразится на личностном росте человека, мы вкладываем в феномен мотивации. Если мотивация профессионального самоопределения (в нее входят группа мотивов, побуждающих осваивать избранную профессию, и группа мотивов, способствующих реализации конкретных действий по активному самоопределению в выбранной профессии) совпадает с внутренней мотивационной направленностью личности и ее системой ценностей, то становится очевидным успешность обучения [2, с. 57].

Мотивация как один из основных источников реализации потенций человека, его самореализации, как субъекта деятельности, как субъективная стороны социального бытия представляет одну из форм детерминации деятельности человека, определяющей выбор того или иного поведения в данных социально-исторических условиях [3, с. 4].

Одним из факторов мотивации является познавательная активность человека по осмыслению жизни и выработке жизненной стратегии. Следовательно, ведение образовательной деятельности должно идти через ее смысл. Субъект-преподаватель вкладывает в процессы обучения и воспитания нечто большее, чем простую передачу необходимой информации: возмож-

ность самореализации в деятельности, удовлетворения в ней своих потребностей. Вследствие этого образовательная деятельность ориентирована на всестороннее развитие и подготовку субъекта-обучаемого к жизни в современных социокультурных условиях, реализацию его уникальных возможностей, подготовку к сложным жизненным ситуациям и их разрешения с минимальными психическими затратами.

Благодаря гуманитарному знанию, человек обогащает свой духовный мир, развивает творческие способности, несет ответственность за свои поступки. Гуманитарное образование формирует научное мировоззрение, ценностные ориентации, жизненные позиции, способствует творческому развитию и нравственному становлению. Гуманитарные знания обогащают культуру личности: это и особое состояние ума; это умение работать с окружающими людьми и адекватно эмоционально реагировать на их поведенческие проявления; способность к самостоятельному мышлению, пониманию и принятию себя, расширению кругозора.

Современная система образования предполагает формирование специалистов с определенным набором знаний, умений и навыков, которыми им необходимо владеть, прежде всего, на уровне понимания того, что предстоит делать в профессиональной деятельности. Эта идея воплощена в предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами результатов обучения в виде компетенций. Так, в ходе преподавания учебной дисциплины «Психология летного труда» в рамках ФГОС по специальности 25.05.04 «Летная эксплуатация» и применение авиационных комплексов основные усилия профессорско-преподавательского состава направлены на овладение курсантами следующих компетенций: способность понимать социальную значимость профессии, смысл государственной службы; обладать высоким уровнем мотивации к выполнению профессиональной деятельности; способность к работе в многонациональных коллективах, применяя формы и методы конструктивного решения конфликтных ситуаций; способность к логическому мышлению, обобщению, анализу, критическому осмыслению; самостоятель-

но приобретать новые знания и умения и применять их в профессиональной деятельности; организовывать работу коллектива, обосновывать, принимать и реализовывать управленческие решения в условиях дефицита времени и информации и др.

Теоретическая часть учебной дисциплины обеспечивает курсантам формирование необходимых знаний о единстве и целостности всех явлений психики, понимания психических процессов, свойств и состояний, особенности их проявления и развития в условиях летной деятельности. Изучение психологических особенностей различных видов летной деятельности, влияния многообразных условий полета на психику человека, познание особенностей социально-психологического взаимодействия в процессе летной деятельности, в конечном счете, определит успешность и летного обучения, и летного дела в целом.

В практическом плане курсант в ходе обучения познает проявления своего характера и темперамента, своих убеждений и взглядов, ценностных ориентаций, то есть внутренний субъективный мир. Особенно при изучении «Психологии летного труда» необходимо выяснить побуждения и потребности, мотивы, способствующие овладению летным делом. В ходе семинарских и практических занятий происходит изучение особенностей внимания, памяти, мышления, восприятия, учет их влияния на ориентирование в пространстве и времени, развитие навыков оценки собственных эмоциональных переживаний и проявления воли, реакций на изменение обстановки и т.д. Важным принципом обеспечения эффективности учебного процесса в ходе изучения «Психологии летного труда» является диалектическое сочетание технологий, приемов и методов обучения, решая задачи на овладение необходимыми способами действия, в полете, умения выделять, анализировать, соотносить собственные действия с предметной ситуацией. Выбор методов и технологий обосновывается задачами развития познавательных способностей летчика, формирования навыков наблюдательности и внимательности, способности принимать решения в ограниченный интервал времени (секунды).

Таким образом, моральная готовность, психологическая устойчивость, про-

фессиональная надежность – три «кита» безопасности полета есть и цель, и результат изучения «Психологии летного труда». Поэтому одной из актуальных идей при реализации учебной программы дисциплины в рамках компетентного подхода является поиск и применение таких дидактических средств, которые обеспечат высокий уровень профессионализма выпускников авиационного вуза.

Обучение в вузах предусматривает для реализации задач формирования компетентного специалиста немалый объем методических инноваций с применением, прежде всего, интерактивных методов. Суть интерактивного обучения предполагает более широкое взаимодействие субъектов образовательной деятельности: диада обучающий - обучающийся трансформирована во множественные связи между самими обучающимися, при этом доминирующей является именно их активность. Учащиеся, вовлеченные в процесс познания, имеют возможность понимать, осознавать, осмысливать и осуществлять глубокую рефлексию по поводу того, что они знают, делают и о чем думают. Таким образом, интерактивные методы обучения предполагают организацию и развитие диалогового общения, которое ведет к высокому уровню гуманитарной культуры участников образовательного процесса. Диалоговое общение учит критически мыслить, разрешать сложные проблемы и нестандартные практические задачи на основе анализа информации и тех обстоятельств, условий и факторов, которые могут повлиять на выбор того или иного решения, с учетом альтернативного мнения каждого. Применение инновационных методов и технологий не предполагает получения однозначного результата обучения. Каждая конкретная методика, которая может быть применена в той или иной ситуации обучения, предполагает и ее корректировку, исходя из обладания педагогом определенного уровня компетенции и уровня подготовленности обучающихся, их индивидуальных особенностей. В этой связи логичнее рассматривать стратегии обучения и формируемые на их основе образовательные технологии, что позволит обучающему самому подбирать те или иные методы и методики в их диалектическом сочетании.

Учебные стратегии, или модели обучения, определяют четкие направления на достижение результатов образовательной деятельности путем специальным образом сконструированных учебных программ. Определить стратегию – означает разработать цели обучения, процесс усвоения содержания обучения, поддержку обучающихся и их обратную связь. Разработка стратегии имеет своей целью создание учебных программ, ориентированных на определенные группы обучающихся, имеющиеся ресурсы, сценарии выполнения учебных задач и многое другое. Наиболее распространенными стратегиями обучения в системе высшего образования считаются следующие: коммуникативного обучения; контекстного обучения; критического обучения; рефлексивного обучения; коллаборативного обучения; проектного обучения; обучения ассертивному поведению; обучения планированию карьеры и многие другие.

С учетом выбранной стратегии обучения формируется перечень образовательных технологий, предполагающих отбор принципов обучения и воспитания, разработку приемов оптимизации образовательного процесса, конструирование приемов и материалов и их применение в соответствии с учебно-воспитательными целями. Выбор той или иной образовательной технологии предполагает учет основной цели всей системы профессиональной подготовки, а именно: приобретение выпускником вуза компетенций, благодаря которым он сможет стать субъектом профессиональной деятельности, субъектом общественных и межличностных отношений, субъектом собственного развития. В этой связи наиболее предпочтительными являются инновационные педагогические технологии, которые отличаются от традиционных на том основании, что обучаемый, как субъект образования, является режиссером своей жизненной стратегии, в которой личностное и профессиональное развитие выступает одной из главных целей. А соответствующий акцент на характере деятельности преподавателя делается на том, что он не транслятор учебной информации, а организатор и педагог-менеджер.

Осуществляемый обмен знаниями между субъектами образовательной дея-

тельности ведет к появлению новых идей, форм и методов в обучении и воспитании. Содержание образования меняется вследствие возникающих несоответствий имеющихся знаний и умений от первоначального замысла субъектов образовательной деятельности. Это свидетельствует о неповторимости и уникальности каждого человека. Его незаурядная натура, многомерный индивидуальный мир, неординарность мышления и действий начнут не соответствовать определенным стандартам, что предопределяет возможность делать выбор в сторону раскрытия своих потенциалов. В этом случае личность становится способной к творческой активности, созиданию, самодетерминации.

Формирование общекультурных, профессиональных и специальных компетенций основывается на освоении обучающимися составляющих эти компетенции компонентов: когнитивного (методологические знания), ориентационного (ориентация в предметном содержании, формирование мотиваций) и операционального (способы активности по применению получаемых знаний). Их последующая интеграция в целостный способ образовательной деятельности предполагает приобретение опыта решения практических задач, что свидетельствует об овладении компетенции в рамках задач образования.

Наиболее приемлемыми видами образовательных инновационных технологий в вузе можно считать следующие: дискуссии; интерактивные игры; мозговой штурм; научные семинары; проблемные лекции; лекции-конференции и т.д. Выбор методов и технологий определяется содержанием задач обучения, потенциальными возможностями этих методов обеспечить требуемый результат.

Следовательно, роль образовательных технологий в формировании военного летчика-инженера в вузе с позиций инноваций заключается в следующем:

активизация поведения и мышления обучающихся;

повышенная степень мотивации, творческого характера занятий;

высокая вовлеченность обучающегося в процесс познания, обязательность взаимодействия обучающего и обучаемых между собой;

стимулирование поисковой и познавательной активности обучающихся;

понимание и осознание трудностей предстоящей деятельности, а значит, получение решения проблем заставляет размышлять и формировать запрос на соответствующие знания.

Таким образом, образовательная деятельность с применением инновационных методов должна обеспечивать целостность картины мира субъекта, способствовать формированию компетентного взгляда на происходящие события и процессы, развивать системное мышление.

Библиографический список

1. Карпова Т.А. Педагогические основы гуманитарной подготовки офицерских кадров в высших военно-учебных заведениях США: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 // Карпова Татьяна Анатольевна. М., 2000. 252 с.
2. Колесник Н.Т., Орлова Е.А. Развитие мотивации профессионального самоопределения студентов вуза // Вестник Финансового Универ-

ситета. Гуманитарные науки. М., 2012. № 2(6). С. 54–58.

3. Зимонин И.Н. Сущность мотивации образовательной деятельности как нелинейного системного процесса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2014. № 8. С. 13–15.

Зимонин Игорь Николаевич, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, e-mail: zimoin73@mail.ru

Трофименко Александр Александрович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, e-mail: zimoin73@mail.ru

Zimonin Igor Nikolayevitch, Lecturer of Humanities and Socioeconomic Disciplines Department, e-mail: zimoin73@mail.ru

Trofimenko Alexander Alexandrovitch, Lecturer of Humanities and Socioeconomic Disciplines Department, e-mail: zimoin73@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

©Т.И. Кондря*, А.В. Греченюк*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье автором поднимаются вопросы методики и методологии преподавания гендерной социологии в вузе. Рассматриваются понятия: «гендер», «гендерный подход», «гендерное исследование». Определены базовые принципы гендерного социологического образования студентов.

Ключевые слова: гендер, гендерное исследование, гендерный подход, гендерная социология.

TEACHING GENDER SOCIOLOGY IN MODERN UNIVERSITY

T.I. Kondria*, A.V. Grechenyuk*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article covers methods and methodology of teaching gender sociology at the university. The authors examine the concepts of "gender", "gender approach", "gender researches" and identify the core principles of gender sociological education of students.

Keywords: gender, gender research, gender approach, gender sociology.

Одной из основных проблем современной социологии является проблема поиска наилучшей модели российского гендерного социологического образования. Решение данной проблемы возможно при условии продвижения гендерного измерения в общественное сознание и развитие личности студента, гражданина своей страны, на основе эгалитарного мировоззрения и толерантного сознания.

Курс гендерной социологии имеет целью дать студентам основы гендерных знаний. А также понимание того, на каком уровне развития находится зарубежная и отечественная гендерная социология, ее концептуальный аппарат и методологический инструментарий.

Студент в процессе изучения данной дисциплины получает возможность изучить основные используемые в гендерной теории исследовательские методы и научиться организовывать гендерное исследование.

Объектом исследования гендерной социологии являются исторически сложившиеся взаимоотношения мужчин и женщин и соответствующий им образ социальной реальности. Преобладающим объектом гендерной социологии в российской социологии традиционно является женский социум.

Предметом исследования гендер-

ной социологии является гендерное неравенство и социальная несправедливость в отношении женщин, которые наиболее полно проявляются в социальной стратификации по признаку пола на микро-, мезо- и макроуровнях [1, с. 357]. А также социальный статус мужчин и женщин как гендерных общностей и их эволюция под влиянием конкретных условий (исторических, политических, экономических, духовных).

По мнению Л.Г. Титаренко, гендерная социология – это специальная (частная) социологическая теория, изучающая закономерности разделения мужских и женских социальных ролей, разделения труда по признаку пола, культурные символы и социально-психологические стереотипы мужественности и женственности, их влияние на разные стороны общественной жизни [2, с. 86].

С точки зрения Г.Г. Силласте, гендерная социология изучает закономерности развития и социального взаимодействия гендерных общностей (мужской и женской) во всех сферах общественной жизни, эволюцию их социальных статусов, сознания и отношений с учетом влияния конкретных исторических условий, культурных традиций, символов и стереотипов, а также биопсихологических особенностей пола [3, с. 11].

Объект гендерной социологии, по Г.Г. Силласте, – мужчины и женщины как крупные гендерные общности в социальной структуре населения, различающиеся статусными характеристиками, ролевыми функциями, особенностями психологического склада, поведения и сознания [4, с. 80].

Большой вклад в развитие гендерной социологии внесли работы Маргарет Мид, Бетти Фридан, Симона де Бовуар и др.

Т.А. Гурко пишет, что «так же как и на Западе, в России и СССР гендерные аспекты вначале анализировались не столько в рамках социологии, сколько в смежных с ней дисциплинах» [5, с. 170].

Важным моментом в понимании гендера, как социального подхода, является определение гендерного подхода в современной социологии.

Социология практически всегда включала в свое поле рассмотрение отношений полов, которое зависело от общего теоретического подхода, пол при этом интерпретировался как «аскриптивный» или приписанный статус. Гендерный подход сформировался как критика представлений классической социологии о природе отношений между полами. В его рамках статус пола перестает быть аскриптивным.

По мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной, «термин «гендерный подход» возникает в социологии в 70-е годы. Он формируется как оппозиция исследованиям отношений между полами. Под гендерным подходом в социологии понимается анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола.

Таким образом, «гендерный подход представляет собой вариант стратификационного подхода, в нем всегда присутствует тезис о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола» [6, с. 17].

Гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства [6, с. 18].

Культурно-символическое определение пола (то, что называется гендером) – это комплексная характеристика статуса, которая возникает на пересечении множе-

ства признаков индивида и/или группы.

Как считают социологи Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, гендер – это социальный статус, который обуславливает индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейные и репродуктивные роли мужчин и женщин [4, с. 83].

В английском языке понятие «гендер», обозначающее грамматический род, существовало с XVI в. Гендер с социологической точки зрения – «социальное деление, часто основанное на анатомическом поле, но не обязательно совпадающее с ним... В социологическом дискурсе гендер должен применяться тогда, когда касается социально созданного деления на тех, кто относится к мужчинам, и тех, кто к женщинам.

В то время как «мужчина» и «женщина» являются терминами, зарезервированными за биологическими различиями между ними, «мужское» и «женское» относится к сформированным культурой чертам поведения и видам темперамента, считающимися социально соответствующими полам. Эти черты изучаются посредством сложного и продолжительного процесса социализации.

«Гендер, – замечает Э. Гидденс, – связан с социологическими понятиями мужественности и женственности и не обязательно является непосредственным продуктом биологического пола индивида. Различие между полом и гендером является фундаментальным, поскольку многие различия между мужчинами и женщинами не являются биологическими по своей природе» [7, с. 102].

Гендерные исследования рассматривают какие роли, нормы, ценности, черты характера общество через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы предписывает исполнять женщинам и мужчинам, чтобы выстроить традиционную (патриархатную) иерархию власти или современную, эгалитарную систему взаимоотношений.

Гендерные исследования (gender studies) – это теория, методология и практика междисциплинарного изучения общества и культуры на основе гендерного подхода.

Основой методологии гендерных исследований является не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

Истории становления гендерных исследований на Западе и в России различны. Гендерные исследования в США и Западной Европе формировались как феминистская критика основных социальных теорий (психоанализ, неомарксизм, экзистенциализм, феноменология, структурно-функциональный анализ, структурализм и постструктурализм).

Гендерные исследования в российской социологии существуют с начала 90-х годов. Ссылаясь на О. Здравомыслову, можно сказать, что в России 1990-е годы были названы «гендерным десятилетием», признавая значение начавшегося в тот период теоретического осмысления и, главное, – публичного признания проблемы гендера в культуре и общественной жизни [8].

Именно поэтому большое значение в учебном курсе «гендерная социология» придается методологическим проблемам гендерных исследований, что должно способствовать дальнейшей интеграции гендерного подхода в изучении современного общества, обогащению теории и практики социологического знания, повышению качества, статуса и практической значимости гендерного образования в России.

Представляется особенно важным изучение студентами начал теории гендера. Не менее значимым является и формирование понимания студентами того, что в основе методологии гендерных исследований не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения.

Говоря о методике преподавания гендерной социологии в вузе необходимо отметить, что такая методика будет включать в себя ряд общих вопросов методического характера. Затем некоторые общие моменты, касающиеся преподавания общественных наук в вузе. И изучение собственно гендерного социологического знания, т.е. методических рекомендаций, касающихся

либо тем лекционного курса, либо специфики проведения семинарских занятий по гендерной социологии. Все это и будет составлять структуру методики преподавания гендерной социологии в вузе.

В овладении курсом «Гендерная социология» прежде всего можно выделить основной уровень: уровень приобретения определенных знаний и навыков, то есть, прежде всего, проведение лекций и моделирования ситуаций семинарских занятий в рамках учебной деловой игры.

Программа курса «Гендерная социология» составлена с учетом государственных требований к содержанию и уровню профессиональной подготовки выпускника для получения им соответствующей квалификации и овладению компетенции обучающегося, формируемые в ходе освоения дисциплины.

В процессе освоения образовательной программы компетенции формируются на следующих этапах: при чтении лекций, при выполнении практических работ, на практических занятиях (семинарских занятиях), во время самостоятельной работы.

Для формирования компетенций необходимо усвоение всех разделов данной дисциплины. Проверка степени сформированности компетенций и степени усвоения дисциплины определяется качеством ответов на зачете.

Формат промежуточной аттестации определяется преподавателем, ведущим дисциплину (например, тестирование, устные или письменные ответы на вопросы преподавателя, письменная работа и т.д.).

При изучении курса «Гендерная социология» проводится промежуточное и итоговое тестирование. Учитываются количество ответов на практических и семинарских занятиях, подготовка и написание творческой работы, защита результатов творческой работы соответствующее рейтинговым показателям. По завершению курса – сдача экзамена.

Рейтинг каждого обучающегося в результате освоения дисциплины состоит из двух показателей: результатов текущего контроля и результатов промежуточной аттестации, из расчета: 60% – текущий контроль; 40% – промежуточная аттестация.

Уровень усвоения учебного материала и формирования основных компетен-

ций определяется с использованием системы рейтинговых оценок. Для получения допуска к экзамену по дисциплине студенту необходимо минимально набрать 60 баллов от текущего контроля, а максимальное количество баллов – 100.

Оценка знаний, умений, навыков осуществляется соответственно графику текущего контроля с использованием фонда оценочных средств. Последний содержит материалы для оценки знаний, умений и навыков на различных этапах формирования компетенций.

Программа по дисциплине структурно делится на тематические блоки:

- гендер и феминология: история вопроса, гендерные исследования в России и за рубежом, гендерный подход в науке;
- гендерные стереотипы и гендерная социализация;
- гендерный подход в образовании и гендерные отношения в семье;
- жизненные стратегии личности: гендерный подход;
- молодежь в современном обществе: социально-гендерный аспект; гендерное равенство и пути его достижения.

Студент после освоения программы настоящей дисциплины должен уметь анализировать направления государственной и законодательной деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин, проявления гендерной асимметрии на рынке труда, в сферах образования, политики, управления и межличностных связей; использовать информацию, полученную из учебной дисциплины, в своей профессиональной деятельности.

Студент после освоения программы настоящей дисциплины должен знать перспективы гендерного подхода в социологии и варианты его использования в профессиональной практике.

Иметь представление о закономерности оценки социальных последствий в результате тех или иных процессов гендерной асимметрии и гендерной стратификации, происходящих в обществе.

Знания и умения, приобретаемые студентами после освоения содержания дисциплины, будут использоваться во всех дисциплинах профессионального цикла.

Таким образом, основными задачами изучения дисциплины являются: формирование у студентов знаний по гендерной социологии; раскрытие методологических и теоретических проблем разработки программы социально-гендерного анализа и исследований; теоретическая и практическая подготовка студентов для изучения компонентов и аспектов государственной гендерной политики и анализа социальных явлений и процессов, связанных с различными ситуациями гендерной дискриминации в современном мире.

Одним из аспектов преподавания гендерной социологии является определение принципов, которые могут быть положены в основу базового социологического образования студентов.

Во-первых, это принцип фундаментальности, использование которого дает возможность сформировать у студентов представление о гендерной социологии как науке.

Принцип фундаментальности предполагает, что в итоге изучения курса по гендерной социологии студенты могут иметь целостное и структурированное представление об общей социологической гендерной характеристике современного общества, в том числе и российского.

Во-вторых, это принцип практической направленности обучения. Он позволяет приблизить содержание учебного процесса к реалиям современного общества. Реализация принципа практической направленности означает включение всевозможных форм развивающего обучения: контрольных вопросов, носящих аналитический характер, проблемных и логических заданий, социологических практикумов.

В-третьих, это принцип персонификации, означающий максимальное приближение студентов к изучаемым темам или проблемам, обращение непосредственно к их «Я», учет имеющегося у них жизненного опыта.

С этой целью используется такая форма учебно-исследовательской деятельности студентов, как деловая игра. Она позволяет решить задачу систематического обобщения накопленного опыта, объединения в единой картине обыденного знания и данных активного наблюдения.

Библиографический список

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. 688 с.
2. Титаренко Л.Г. Гендерная социология: учебно-методический комплекс для студентов факультета философии и социальных наук по специальности «Социология». Минск: Изд-во: БГУ, 2002. 150 с.
3. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 5–15.
4. Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 77–84.
5. Гурко Т.А. Гендерная социология // Социология в России. М., 1998. 170 с.
6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
7. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. / изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
8. Здравомыслова О. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/09/24/gender/> (16.01.2017).

Кондря Татьяна Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, e-mail: tata.irk.1993@yandex.ru

Греченюк Александр Владимирович, студент кафедры социологии и социальной работы Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук им. В.Г. Смагина, e-mail: grechenyuka@mail.ru

Kondria Tatiana Ivanovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in Institute of Fine Arts, Social Sciences and Humanities, e-mail: tata.irk.1993@yandex.ru

Grechenyuk Aleksandr Vladimirovich, a student of Sociology and Social Work Department in Institute of Fine Arts, Social Sciences and Humanities, e-mail: grechenyuka@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И МЕТАФОРА КОМПЬЮТЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ

© В.А. Мальчуков*

*Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

В статье с опорой на семиотический и информационный подходы естественный язык трактуется как сверхсложная иерархическая кодовая система. Показывается значение данной трактовки в решении проблемы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: язык, сознание, семиотика, информация, искусственный интеллект.

NATURAL LANGUAGE AND COMPUTER METAPHOR

V.A. Malchukov*

*Irkutsk State University
1 Karl Marx Str., Irkutsk, Russian Federation, 664003

Using semiotic and informational approaches the author discusses natural language as super complex hierarchical code system. The article demonstrates the significance of such a treatment when solving artificial intelligence problem.

Keywords: language, consciousness, semiotics, information, artificial intelligence.

Анализ функциональных проявлений языка отличается в настоящее время особой широтой и интенсивностью. Наряду с постоянно увеличивающимся интересом к языку со стороны дисциплин, традиционно занимающихся его исследованием (лингвистикой, логикой, философией), активно развиваются новые направления в исследовании языка (когнитивная лингвистика, когнитивная психология). Кроме того, лингвистические представления с необходимостью реализуются в таких взаимосвязанных областях, как нейролингвистика и разработка систем, имитирующих человеческий интеллект. Тем самым само понятие «язык» наращивает свой содержательный потенциал, как понятие междисциплинарное. В то же время именно эти обстоятельства обостряют потребность в обобщенном теоретическом представлении языка, которое давало бы возможность синтетического объяснения его механизма, как базы функционирования сознания.

На пути продвижения к такому синтезу можно достичь оптимальных оценок значения компьютеризации в образовательном процессе. На современном этапе компьютерное обеспечение образования как школьного, так и вузовского уже достигло значительной плотности, так что ощущается не только позитивная его роль, как ускорителя обращения интеллектуальной

информации, но и негативная – как средства блокировки естественной интеллектуальности обучаемых. Последняя реализуется в чрезмерном увлечении работой на компьютере, когда неоправданно преувеличивается вообще-то столь желаемый эффект «положительной» занятости учащейся молодежи и в возрастающей тяге к замене действительной деятельности виртуальной. В этих условиях возрастает роль общего знания о свойствах естественного языка и результатах его реализации в языках программного обеспечения компьютера. Такое знание, естественно, способно содействовать как выработке дополнительных правил по совершенствованию программирования, так и некоторых рекомендаций по реалистическим ожиданиям эффекта роста естественной интеллектуальности обучающейся молодежи.

Обобщая данные отмечаемого выше комплекса наук по исследованию естественного и искусственного интеллекта и соответственно их базе – естественного и искусственного языков, необходимо выделить следующие позиции:

1. Методологическая позиция касается единства традиции редуccionистского и нередуccionистского подходов к исследованию естественного и искусственного интеллекта. Наиболее ярким на сегодня примером редуccionистского подхода к

естественному интеллекту, сопряженным с полным отрицанием в любом варианте (жестом или мягком) отождествления естественного интеллекта с действием компьютера, является, например, позиция Р. Пенроуза, согласно которому работа сознания принципиально исключает (в отличие от компьютерной программы) принцип вычислительности. В то же время автор признает необходимость и возможность построения новой теории интеллекта на основе синтеза современных физических теорий (квантовой механики, теории относительности) [1]. Такой ход мысли, с одной стороны, имплицитно содержит признание вычислительной природы интеллектуальности человека, с другой – ставит вопрос об оправданности редуccionистско-физикалистской ориентации в исследовании ее. Имеет смысл отметить, что в случае творческого, новаторского получения нового решения научной задачи, построения художественно-поэтической метафоры человеческий интеллект идет путем именно вычислений настолько сложной природы, что любое взятое отдельно математическое представление этой природы, как и совмещение таких представлений, окажется неэффективным. Не случайно Т. В. Черниговская по этому поводу пишет: «...наш мозг – это реализация “множества всех множеств, не являющихся членами самих” себя Бертрана Рассела, или рекурсивный самодостаточный шедевр, находящийся в рекурсивных же отношениях с допускаемой в него личностью, в теле которой он размещен?» [2, с. 354]. Из этого следует, что как редуccionистские, так и нередуccionистские ориентации в исследовании интеллектуальности правомерно совместимы и должны в будущем совмещаться при условии отказа от необоснованных притязаний. А именно: редуccionизм правомерен при объяснении вопроса, каковы те материальные условия и основы (физиологические, материальные, квантовые), которые обеспечивают принципиальную качественную дееспособность интеллекта, а нередуccionистские подходы (психологические, философские) характеризуют интеллект на уровне «сборки», получения его продукции в виде решения творческой задачи с помощью языка и воплощенной в языке.

2. Сказанное позволяет обозначить вторую позицию тоже методологического и

вместе с тем предметного характера, согласно которой естественный язык – это сверхсложная иерархическая кодовая система, которая помимо словаря и грамматики сконструирована постоянной двойственно-языковой связью: реликтовых языков сенсорно-кодовой обработки информации и рационально-логического уровня ее преобразования и оформления.

Сенсорный язык, закрепивший первичную экологическую адаптированность живых систем, унаследованную человеком, «освещенный» рационально-логическим языком, оказался важным («входным») контуром (внешним) получения и обработки информации. Внутренний контур образован «снятой» сенсорной информацией и паттернами ее преобразований в коре головного мозга в соответствии с поставленной задачей. Внутреннее, таким образом, постоянно активизируется, подпитывается внешним, вследствие чего естественная интеллектуальность оказывается постоянно обусловленной реально жизненными сюжетами, картинками, цветностью, звучанием и т. п. в соответствии со всеми сенсорными модальностями. Будучи связана с реальной обстановкой, она к тому же постоянно воспроизводит реальную связь времен – прошлого, настоящего и будущего, что в рациональном языке может быть представлено только в виде абстрактной последовательности импульсов. Именно поэтому реализация естественного языка постоянно носит контекстный характер и практически поддерживает и осуществляет «режим» постоянного творчества. Внутренний контур благодаря связи с сенсорикой в том или ином временном интервале воспроизводит герменевтические приемы информационной работы.

3. Поясненные методологические позиции обуславливают моменты практической значимости. Во-первых, они содействуют более реальному обогащению и адекватному объяснению индивидуального мыслительного и речепорождающего процесса. Во-вторых, на их основе поддерживается ориентация на совершенствование и углубление тех экспериментально-психологических и нейрокомпьютерных подходов, в которых акцент делается на «параллельно-одновременном» кодово-информационном процессе, протекающем в разных зонах и участках коры головного мозга, что принципиально важно для

разработок в области искусственного интеллекта. В-третьих, более явной становится глубокая разница естественной интеллектуальности и работы компьютерных систем и их программ, что должно настраивать на более оправданное нормирование времени занятости обучающихся различных категорий с применением компьютеров, а также поддерживать здоровую критичность к уровню компьютерной продукции, если мы хотим избежать при компьютеризации процессов обучения компьютеризации человека.

4. Негомогенная природа естественного языка обеспечивает режим целостной и направленной реализации сознания, что подтверждается данными нейрофизиологических исследований. В последнее время в работах отечественных и зарубежных исследователей при объяснении когнитивных операций, осуществляемых человеком, на первый план выходят представления о параллельно распределенной переработке информации в разных нейронных полях коры головного мозга [3,4,5]. Обладая экспериментальной поддержкой и эвристической ценностью, данные представления заставляют обратить особенное внимание на проблему целостности Я, центрации сознания, Самости. Это внимание усиливается тем, что в ряде случаев такие представления приводят по существу к отрицанию Самости, как обладающей качествами самоидентичности и центризма [4].

Между тем, следует иметь в виду, что сами по себе представления о параллельно распределенной переработке информации не исключают с необходимостью представлений о целостности системы психической самоорганизации личности. Напротив, они могут достаточно органично совмещаться, при том что целостность Я в таком случае трактуется как обеспечиваемая определенным балансом (мерой) процессов централизации и автономизации [6]. Признавая плодотворность такой трактовки необходимо заметить, что она нуждается в конкретизации, возможность которой обеспечивается совмещением информационного и семиотического подходов к объяснению функционирования сознания.

Информационно-семиотический подход позволяет объяснить работу сознания взаимодействием знаково-кодовых, язы-

ковых систем разного качества (в частности, – семиотики сенсорных информационных процессов и вербальной формы языка), являющихся специфическим достоянием субъекта. Главной системой здесь выступает естественный язык как база сознания, а, следовательно, рациональности. Тесный контакт в естественном языке рациональных структур и языка сенсорики (в принципиальном отношении этот контакт не прерывается и для других форм языка – формализованных языков, языка математики), их кооперативность и взаимопереводимость открывают, тем не менее, возможность преимущественности и «лидерства» какой-либо одной из этих систем (например, в творческом художественном процессе, в инсайтах, в сновидениях). Такое принятие активной и разрабатывающей функции, например, сенсорикой завершается окончательной доработкой и оформлением творческого результата в сфере радио. Вот это-то «переключение» ролей семиотических систем при разных режимах работы центральной нервной системы и в то же время неперенная их дополнительность составляют целостность Я. При этом рационально-логический (пропозициональный) «ряд» и образно-символьный, хотя и неразрывны, но в функциональном отношении свободно «насыщают» друг друга, что обеспечивает бесконечно вариативный уровень реализации возможностей в интеллектуальном творчестве. В целом это определено асимметрией полушарий головного мозга человека, а последняя, как известно, может генетически детерминировать доминантную индивидуальную обусловленность интеллектуальности человека.

Одновременно такие качества Я как самоидентичность и центризм, по своей природе выступающие как информация об информации, возникают в точке пересечения сенсорики и рациональности, на базе их взаимосвязи и дополнительности, субстратной основой которых выступает взаимообусловленная работа правого и левого полушарий головного мозга. Если по каким-либо причинам (в результате травмы или развития разного рода патологий) эта связь серьезно нарушается, исчезает возможность реализации субъекта как целостного Я, обладающего качествами самоидентичности и центризма.

Информационно-семиотическая схема, таким образом, исходит из того, что

возникновение информации об информации (а, следовательно, целостного централизованного Я) в рамках психической деятельности субъекта может быть удовлетворительно объяснено именно совмещением различных кодовых систем – носителей различающейся информации, результатом которого и является «третья информационная область», обладающая признаками как сенсорной, так и рационально-логической информации. Эта область характеризуется как «освещенная» рациональностью чувственность и как «очувствованная» сенсорикой рациональность одновременно. Объяснение того, как это может выглядеть конкретно в рамках нейрофизиологической «представленности», конечно, потребует дальнейших конкретных научных исследований, но небезосновательно утверждать, что взаимоотображение упомянутых признаков есть основа, во-первых, полноты и целостности Я, а во-вторых, осуществления им постоянной контрольно-управляющей функции как в сфере интеллектуальной, так и в сфере практической деятельности.

5. Семиотическая методологическая ориентация в анализе проблемы сознания обладает достаточной эффективностью и перспективой, что связано не в последнюю очередь с ее изначально практически неограниченной расположенностью к междисциплинарности. Действительно, все разработки, начиная с зоопсихологии, психологии сознания, нейрофизиологии и заканчивая работами по дискурс-анализу и проблеме искусственного интеллекта, выполнены так или иначе с опорой на знаково-языковые и семиотико-информационные представления. К числу качеств, завоевавших этому подходу подобную универсальность, относятся его органичная интенция на соединение количественно-исчислительных и содержательно-качественных аспектов «работы» знаково-языковых систем. Это обстоятельство, бесспорно, нуждается в дальнейшем аналитическом осмыслении, но в связи с этим уже сейчас представляется возможным привести ряд замечаний, напомнив о том, что в самом начале изложения уже отмечалась некоторая парадоксальность утверждений, с одной стороны, теоретико-квантовой интерпретации сознания, а с другой – признание его принципиальной невычислимости.

Обратим внимание на следующее.

Сегодня психология в изучении сознания пытается обозначить подходы, альтернативные когнитивизму и ментализму. В качестве одного из таких подходов, с которым связываются (и порой небезосновательно) надежды на прогресс в этой области, выступает дискурс-анализ, т. е. широкая практика исследования речевого поведения на разных уровнях – от повседневного бытового разговора до межпартийного диалога. Такие исследования обладают тем бесспорным преимуществом, что позволяют «снять» непосредственный «срез» мышления в актах непредумышленного речепорождения. Контрверза когнитивизму здесь проявляется именно во внимании дискурс-аналитиков к реальным условиям коммуникации (интеракции), по которым можно судить о явлениях сознания, не сводя их к какому-то последним эссенциальным сущностям деятельности мозга. Можно признать определенную справедливость утверждения, что «анализ разговора и дискурса идут рука об руку в том, что касается деталей интеракции, имеющих значение для понимания ее в целом. Каждый элемент коммуникации – паузы, неуверенность, оговорка, непонимание – может играть решающую роль в данном отрезке интеракции. В этом контексте анализ разговора и анализ дискурса выступают как дополнительные элементы подхода, альтернативного когнитивному, и одновременно как попытка понимания высказываний по поводу когнитивных сущностей» [7, с. 254]. И.Т. Касавин приводит следующую довольно примечательную оценку риторики как разновидности интеракции М. Библигом, исследовавшим построение аргументации в текстах и включенные в них различные формы убеждений: «Библиг обратил особое внимание на то, как риторика может быть использована для реформирования психологического мышления. Например, метафора аргументации полезна для понимания процесса мышления в значительно большей степени, чем взгляд на него как на операции некоторого вычислительного механизма, содержащего внутренне последовательную систему убеждений» [7, с. 255]. Не вызывает сомнения аттестация высокой роли метафоры в процессах аргументации, но совсем не бесспорно излишнее, на наш взгляд, противопоставление метафорического и вычисляющего мышления. Ведь каждая удачная метафора – особая наход-

ка мышления, индивидуализированный, неповторимый акт мыслительно-образного вычисления. Вычислительную работу мышления вряд ли правомерно сводить только к системе внутренне последовательных операций или убеждений. Она может принимать вид весьма неожиданных «бросков», внезапных, и, по видимости, ничем не мотивированных переходов.

Все сказанное приобретает большую ясность и оправданность, если обратиться к некоторым положениям теории личности А. Дж. Келли [8], который по ассоциации с методологией науки вводит понятие конструкта, образующего элементарную единицу мышления, аналогичную понятию. «Но в отличие от понятия, которое привлекает из объектов некоторую общую характеристику, оставляя различие в стороне, в конструкте обобщение и различие имеют место одновременно» [7, с. 266]. Позволим себе теперь несколько пространное, но знаменательное цитирование: «Принцип биполярности конструкта – фундаментальный принцип теории Келли: оценки людей и событий через призму оппозиций максимально информативны для целей предсказания, поскольку позволяют видеть не только нечто данное, но и противоположное этому – альтернативный способ поведения, вещь или качество (подчеркивание наше. – В. М.). Вербализация испытуемым противоположных полюсов конструкта «отсекает» составляющие общепринятых значений, не укладывающиеся в представления конкретной личности и, таким образом, позволяет исследователю понять ее. Кроме того, биполярность делает конструкт одновременно и мерной шкалой. Как правило, конструкт не просто дискретная оппозиция, но зачастую задает континуум некоторого свойства, и с помощью приложения конструкта объекты можно расположить между полюсом сходства и полюсом различия, т. е. «измерять» объекты, а не только судить об их включенности и невключенности в некоторый класс» [9, цит. по: 7, с. 266–267].

Приведенные высказывания целесообразно на время представить разнообразно дискурсной практикой, содержащей оценки операционализирующей функции такого элемента, каким является конструкт, в построении высказывания. При этом уже простое внимание к терминологии выявляет в данных оценках признаки вычисляющей «работы» конструкта. Термины и сочетания

– «биполярность» (крайние противоположные точки), «мерная шкала», «дискретная оппозиция», «измерять объекты» и др. – совершенно явно указывают на то, что конструкт выполняет и организует в производстве высказывания вычислительные операции. Интересно отметить, что, например, Н.Ф. Калина [10] применяет в психотерапевтическом дискурсе конструкт как преконструкт, имея в виду то, что в таком дискурсе и клиент, и психотерапевт опираются на нечто уже сказанное, уже услышанное. То есть реализуется принцип контекстуальности, о котором кратко было сказано ранее. К сказанному нелишне добавить, что не только конструкт, но и метафора (которая может сама выступать и как конструкт, и как результат его применения), является не просто ярко реализованным вычислением, но интересна именно тем, что возбуждает вычислительный процесс в голове того, кто ее воспринимает.

В заключение подведем краткие итоги. Новым аналитическим подходам, в частности, дискурс-анализу вряд ли следует приписывать роль некоей абсолютной альтернативы когнитивистскому подходу. Как показывают приведенные соображения, дискурс-анализ расширяет и обогащает сферу исследования проблемы сознания, позволяет преодолеть объяснительную дискретность (разрывы) в истолковании цепи «среда-субъект-мозг». То есть акценты на мозговом тестировании испытуемых с параллельным картированием мозговой активности тяготеют к тому, чтобы отъединить высшую нервную деятельность человека от многообразных конкретных контекстов среды и превратить ее в нечто самодавящее. Между тем именно дискурс-аналитические процедуры, непосредственно приоткрывая природу информационного синтеза в речевом проявлении целостного субъекта, позволяют глубже истолковать внутримозговые процессы. В том числе это углубленное истолкование может достигаться в этом случае за счет более открытого вовлечения сферы бессознательного. Вот потому-то при оценке возможностей методологических новаций полагаются, по-видимому, придется на развитие взаимной контактности различных подходов.

В связи с этим со всей определенностью следует утвердить положение о перспективности семиотико-информа-

ционного, языкового подхода в изучении проблемы сознания. Ни в коем случае не приходится считать, что этот подход уже принес на сегодня достаточные плоды для понимания сознания, несмотря на то, что исследователи отмечают солидный объем результатов, полученных в рамках реализации этого подхода. Его потенциал в настоящее время недостаточно раскрыт. Много еще должно быть понято в природе кодовой многосложности и многослойности естественного языка, во взаимодействии сенсорных и рациональных кодов – носителей различной по качеству памяти, а, следовательно, информации. А именно это взаимодействие порождает информационно-управляющий эффект в структуре действующего субъекта, обеспечивает его разностороннюю активность.

В русле именно очерченной ориентации приходится оценивать и вычислительную природу сознания. Причем к понятию вычислительности не может быть отношения как к чему-то концептуально неполноцен-

ному и малосодержательному, а то и несоизмеренному феномену сознания. Действительно, вычислительные процедуры составляют только фундамент сознательных процессов. Однако в этом фундаменте содержится, очевидно, не какой-то отдельный, однообразный вычислительный процесс, а богатейшая система этих процессов, к тому же индивидуализированная. Без этого фундамента вряд ли объяснима выработка таких информационно-сознательных феноменов, как человеческие цели, мотивы, предпочтения, ценности, оценки, смыслы. Кроме того, избегая вычислительной оценки природы сознания, мы вряд ли приобретем какой-то другой способ совершенствования компьютерной техники. И, имея в виду исключительную сложность вычислительной базы и функций естественно-интеллекта, следует обогащать и гармонизировать содержание и функциональные проявления обучающих процессов и образовательной системы в целом.

Библиографический список

1. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
2. Черниговская Т.В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть // Проблема сознания в философии и науке. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 325–360.
3. Иваницкий А.М. Физиологические основы сознания и проблема искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход / под ред. Д.И. Дубровского, В. А. Лекторского. М.: ИИнтелЛ, 2006. С. 90–99.
4. Dennet D. Consciousness explained / D. Dennet. L.: Brown and Co, 1991. 457 p.
5. Smolensky P. On the proper treatment of connectionism // Behavioral and brain sciences. 1988. № 11. P. 1–74.
6. Дубровский Д.И. В «театре» Дэниэла Дэннета (по поводу одной популярной концепции сознания)

7. Касавин И.Т. Дискурс-анализ как метод исследования сознания // Проблема сознания в философии и науке. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 242–270.
8. Келли Дж. Теория личности. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
9. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. 400 с.
10. Калина Н. Ф. Анализ дискурса в психотерапии [Электронный ресурс]. // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 3. <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20020307> (15.02.2017).

Мальчуков Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, отделение философии и теологии, исторический факультет Иркутского государственного университета, e-mail: malchukov.v@mail.ru

Malchukov Valeriy Alekseevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, e-mail: malchukov.v@mail.ru

ИСТИННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСФЕРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

© Н. В. Мальчукова*

*Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

В статье рассматривается проблема трансфера научного знания в контексте дискуссии реализм–конструктивизм. Обосновывается продуктивность методологии конструктивного реализма. Истинность высказываний рассматривается как одно из базисных оснований эффективности трансфера научного знания. Выявляется значимость корреспондентной и прагматической концепций истины в осуществлении гуманистически ориентированной коммуникации. Раскрывается специфика реализации истинностного отношения в рамках научной (естественнонаучной и гуманитарно-научной) коммуникации.

Ключевые слова: трансфер знания, конструктивный реализм, истина, эффективность языковой коммуникации, научная коммуникация.

TRUTH OF STATEMENTS AS FOUNDATION FOR EFFICIENCY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE TRANSFER

N. Malchukova*

*Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk, Russian Federation, 664003.

The article considers the problem of scientific knowledge transfer in the context of realism–constructivism discussion. Productivity of the constructive realism methodology is proved. The truth of utterances is discussed as one of the main foundations for the efficiency of scientific knowledge transfer. Great emphasis is laid upon the importance of correspondence theory of truth and pragmatic concept of truth in realization of humanistic communication. The specificity of realization of truth relations in scientific (natural science and human science) communication is revealed.

Keywords: knowledge transfer, constructive realism, truth, efficiency of language communication, communication, scientific communication.

Наука, как известно, для своего воспроизводства и развития требует особой подготовки познающего субъекта, в процессе которой он усваивает научные знания и ценности, получает представление о научной методологии и приобретает навыки научного исследования. В настоящее время весьма актуальными являются проблемы интенсификации данного процесса и поиски путей, позволяющие повысить его эффективность. Решение этих проблем, как совершенно справедливо подчеркивал основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский [1], невозможно без понимания того, что представляет собой познающий субъект, каковы его базисно важные характеристики. Выработка же такого понимания требует обращения к спектру дисциплин, предметом изучения которых является человек: антропологии, психологии, философии. Последняя вносит свой вклад в формирование педагогической методологии, в частности, за счет анализа структу-

ры познающего субъекта и обоснования представлений о его познавательных возможностях. В современной философии разные варианты такого анализа и обоснования, оказывающие свое влияние на педагогическую практику, формируются в рамках дискуссии реализм–конструктивизм, которая в таком случае требует особого внимания.

Исторически формирование конструктивизма связано с четким выделением категорий субъекта и объекта познания, произведенным в философии Нового времени, и смещением акцента в процессе познания с познаваемого объекта на специфику познающего субъекта, содержащегося, в частности, в философии И. Канта. Продуктивность конструктивистской установки, таким образом, оказалась связанной с обоснованием активности познающего субъекта, в результате чего познаваемый объект предстал как конструкт, продуцируемый сознательной деятельностью

субъекта. В этом случае конструктивизм стал действительной альтернативой наивному (натуралистическому) реализму, в рамках которого познаваемый объект выступал зеркальным отпечатком в сознании субъекта, и позволил в дальнейшем в рамках педагогической практики обосновать необходимость учета соответствия методов и способов обучения особенностями обучаемого субъекта.

Дальнейшее же развитие конструктивизма, реализующееся в рамках позитивизма, феноменологии, философского постмодернизма, привело к своеобразной абсолютизации релятивизма и агностицизма, что далеко не самым положительным образом сказывается на учебно-образовательном процессе. Так, например, с одной стороны, подобная абсолютизация приводит к пренебрежению фундаментальным знанием, его обесцениванию, когда становится непонятным, зачем учиться и чему учить, если все предельно относительно и возможно равноправие любых конструкций. С другой стороны, такая абсолютизация приводит к теоретическому «стиранию» субъекта, например, в рамках постмодернизма, где субъект как творческая, автономная личность исчезает и предстает просто точкой пересечения разных текстов. В целом, такая теоретическая база обесмысливает практическую педагогику и делает крайне проблематичными основания научной деятельности.

Дело в том, что в соответствии с классическими представлениями одним из важнейших отличительных, критериальных признаков науки, позволяющих определить ее специфику и значимость в сравнении с другими сферами познавательной деятельности человека, является ее объективность в представлении познаваемого объекта. Другими словами, научное знание понимается как объективно-верное, истинное знание о существенных связях действительности.

В настоящее время, однако, такая характеристика научного знания подвергается серьезной критике, согласно которой либо деятельность ученого и развитие науки рассматриваются как движимые иррациональными факторами (М. Фуко, П. Фейерабенд), либо отвергаются любые формы данности объекта субъекту познания, и ме-

сто истинности знания занимает его эффективность, а наука рассматривается в качестве одной из форм языковой игры, где одни вербальные выражения порождают другие (радикальный конструктивизм). В результате фактически стирается демаркационная линия между наукой и другими сферами познавательной деятельности человека и становится довольно трудно определить ценностную значимость и смысл собственно научной деятельности. Думается, что возможности преодоления такого радикализма, необходимого для успешной реализации как научной деятельности, так и образовательного процесса, может обеспечить своеобразный синтез установок реализма и конструктивизма, который позволил бы соединить представления об активности познающего субъекта с представлениями о возможности воспроизводства субъектом в процессе познания действительных характеристик познаваемого объекта. На таком синтезе настаивает, в частности, В.А. Лекторский, отмечая продуктивность позиции конструктивного реализма [2, с. 37; 3]. Осуществимость подобного синтеза подтверждается так или иначе как самим развитием науки, так и научными данными. Например, с одной стороны, удовлетворительное объяснение смены научных парадигм, влиятельных научных теорий, основываясь на активности познающего субъекта, предполагает признание возможности воспроизводства субъектом в процессе познания действительных характеристик познаваемого объекта. С другой стороны, обращаясь к научным данным, свидетельствующим в пользу осуществимости такого синтеза, необходимо напомнить, например, ситуацию, связанную с теорией относительности А. Эйнштейна. Теория относительности подтвердила представления о том, что пространство и время являются всеобщими формами отношений между объектами и помимо этих объектов не существуют, и как следствие, опровергла конструктивистские представления И. Канта, считавшего пространство и время априорными формами чувственности.

Необходимо отметить, что синтетическая установка конструктивного реализма делает возможным конкретизацию такой отличительной характеристики науки, как истинность, а это, в свою очередь, от-

крывает пути поиска оснований эффективности трансфера (передачи и воспроизводства) научного знания, который невозможен вне процессов коммуникации.

Коммуникация, как известно, представляя собой обмен информацией между общающимися, требует понимания передаваемых сообщений. Показателями эффективной коммуникации, таким образом, являются быстрота и адекватность понимания сообщений и целых текстов. При этом сам процесс понимания в настоящее время рассматривается как многоуровневый, а понимание целей коммуникации – как центральный уровень, обуславливающий ее эффективность. Это дает возможность определять эффективность языковой коммуникации либо как адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания сообщений [4, с. 139], либо как степень реализации ее целевой установки, т. е. как отношение достигнутого результата к поставленной цели [5, с. 5]. Однако, в любом случае предельно общей основой понимания в коммуникационных процессах, как отмечал уже В. фон Гумбольдт, является общность знания и языка коммуникантов. Кроме того, такие зарубежные исследователи коммуникации, как Г. Грайс и Д. Вандервекен [6, с. 45; 7, с. 222–223], успех коммуникативного акта связывают с выполнением коммуникантами ряда требований, среди которых требование «Говорите правду!» имеет особое значение, так как по-разному проявляясь в разных сферах коммуникации, оно определяет, таким образом, их специфику.

Правда является обыденным выражением отношения истинности, особенно трактовки которого имеют существенное значение в организации коммуникационных стратегий. В современной философии одними из наиболее влиятельных концепций истины можно считать прагматическую и корреспондентную концепции. Эти концепции своими корнями уходят в античную философию: первая ведет свое начало от философствования софистов, а вторая – от Сократа и его учеников – Платона и Аристотеля. В рамках прагматической концепции (в традиции софистов) истина отождествляется с выгодой и утверждается ее абсолютно релятивный характер. Напротив, в рамках корреспондентной концеп-

ции, в целом не отрицающей важность практической значимости истины, истина определяется как знание, совпадающее с действительностью, и подчеркивается ее всеобщий и необходимый характер. Если поддерживать прагматическую концепцию истины, то получится, что достижение целей общения будет в широких масштабах допускать манипулирование сознанием человека, введение его в заблуждение с помощью языка. В рамках же корреспондентной концепции истина предстает как знание, максимально передающее действительные характеристики объекта, и приобретает статус всеобщности, т. е. известной независимости от личных устремлений и выгод субъекта. Истина здесь может рассматриваться как всеобщая выгода, так как знание действительных характеристик объекта совершенно необходимо как отдельному человеку, так и человечеству в целом для организации своей жизнедеятельности и адекватной ориентации в окружающем мире. Такое понимание истины исключает намеренное введение в заблуждение с помощью языка. Оно в гораздо большей степени, нежели понимание истины в прагматической концепции (в ее радикальном варианте), способствует развитию самостоятельного, критического мышления, дающего человеку возможность предусматривать последствия своих действий и глобальную опасность.

Разумеется, корреспондентность не может трактоваться в терминах наивного реализма, хотя в действительности длительное время развивающаяся в рамках цивилизации наука, ориентируясь на восприятие мира сквозь его «вещную» конструкцию, т. е. стремясь понять его как взаимосвязь разделенных в пространстве объектов, обосновывала достаточно жесткую трактовку корреспондентности воспроизведения знанием познаваемого объекта. Здесь следует сказать, что в любом случае математическое естествознание будет вынуждено следовать максимально точной корреспондентности знания, хотя условия ее обеспечения со второй половины XX в. кардинально изменились. Статистическая причинность, принципы относительности, неопределенности и дополнительного описания обратили научный дискурс к реальности процессов, событий, а не просто лока-

лизованных в пространстве вещей, свойства которых допускают предельно полное и, главное, однозначное описание. Эти условия не отменяют требования корреспондентности описания явлений, а обогащают и развивают сам принцип корреспондентности до способности восприятия парадоксальности реалий и событий, информационно-вероятностного возникновения тех или иных их состояний.

Таким образом, корреспондентная концепция истины имеет большее значение по сравнению с прагматической в плане реализации гуманистически ориентированной коммуникации. И если принимать во внимание, что естественно - и гуманитарно-научная языковая практика как в прошлом, так и в настоящем стремится реализовывать идеалы гуманизма, то становится ясным, что интерпретация истины с позиций корреспондентной концепции будет составлять основу требования говорить правду в этих сферах коммуникации. Однако вопрос в том, насколько оно однозначным будет для них.

По представлениям авторитетных исследователей нынешний уровень развития наук демонстрирует принципиальные моменты сходства естественнонаучного и гуманитарного знания и делает настоятельно необходимым применение методов естествознания в гуманитарной области [8; 9, с. 26; 10, с. 199]. Можно утверждать, что и истинность сама по себе в гуманитарных науках имеет ту же природу, что и истинность в естественно-техническом знании. И все же сравнение естественнонаучного и гуманитарного знания по поводу реализации в них отношения истинности не может иметь решения в пользу только чистого тождества или только чистого различия. На деле здесь имеет место как совпадение, так и различие, проявляющиеся при анализе истины и как процесса, и как результата.

Количественный параметр различия «результатирующей» истины в двух группах наук проявляется в том, что некоторое итоговое знание в социально-гуманитарных науках отличается существенно меньшей степенью вероятности, чем в случае естественнонаучной теории. Элемент же качественного различия можно отметить в процессуальной стороне достижения истины, а также в характере содержания истины

того и другого типа. Обратим внимание сначала на процессуальную сторону. В этом смысле чрезвычайно полезной оказывается фрегевская логико-семантическая традиция. Она позволяет увидеть общеязыковые основания естественно-технических и социально-гуманитарных дисциплин и одновременно осознать своеобразие механизма, структуры информационного процесса в каждой из них. Для этих групп наук общей является двойственная природа значения, если его оценивать с некоторых общих позиций, но структура информационного процесса, свойства информации (полученного значения, знания, существенно разнятся). С известной долей условности и огрубления процесс получения знания как в продуктивном, так и в репродуктивном (процесс обучения) планах в различных группах наук можно было бы представить идущим в направлении от денотата к смыслу и опять к денотату в естественно-технических науках и, напротив, от смысла к денотату и опять к смыслу в социогуманитарных науках.

Говоря иными словами, естественно-технические науки, имея смысл в качестве необходимого, но посредствующего момента получения информации, стремятся как бы преодолеть его и выйти на «чистую» референцию, т. е. на объективное и адекватное представление реальности, как она есть. Социокультурная практика и науки о ней действуют обратным образом. Здесь начальным и конечным звеньями информационного процесса являются смыслы, тогда как денотаты (референты) выступают посредствующим звеном образования и понимания смысла.

И хотя все большую продуктивность в гуманитарных исследованиях приобретают системно-структурный анализ, информационно-кибернетический подход, вероятностно-статистические методы, синергетика, ведущая роль здесь принадлежит герменевтическому анализу, семиотическим методам, теоретическим представлениям о модальностях, философскому мировоззрению и методологии. Это вполне понятно: гуманитарное знание должно дать истины, оправдывающие и укрепляющие духовную гомеостатику личности, общества, цивилизации. Других базисных средств решения этой задачи, кроме упомянутых – предельно

общих – просто не существует, хотя нельзя не ожидать обоснования новых.

Таким образом, социально-гуманитарное знание теоретизирует по поводу ценностно-смысловых аспектов жизнедеятельности человека, а также феноменов, включенных в эту жизнедеятельность, обосновывающих ее или препятствующих ей. Говоря иными словами, содержание истин социально-гуманитарного знания носит интенционально-коннотационный характер, тогда как содержание истин естественнонаучных – денотативно-экстенциональный. В отмеченных характеристиках методологии получения истин в гуманитарном знании, а также их содержания, заключено качественное отличие этих истин от истин естественнонаучных. Однако кардинальное свойство самой истины как специфического отношения, в том и другом типах знания, остается одним и тем же. Ведь истина есть семиотическое отношение, выражающее степень соответствия языковых построений со стороны их семантики к познаваемому объекту (отношение степени совпадения), и именно это отношение одинаково призвано отличать основные типы знания.

Если характеризовать научную коммуникацию и ее язык с позиции семиотического своеобразия, то следует иметь в виду, что гуманитарно-научная коммуникация, представляя собой осмысление социогуманитарной практики, обладает чертами семиотического с ней сходства, а именно синкретизмом используемых лингво-интеллектуальных средств. В то же время необходимо подчеркнуть, что мистико-мифологический, архетипически-мистический компонент используется здесь рефлексивно, зачастую подвергаясь специальному анализу. Такое использование этого компонента реализуют, в частности, психоаналитическое направление в психологии, антропология, религиоведение, языкознание и литературоведение, а также экономика и другие гуманитарные дисциплины. Естественнонаучная же коммуникация при этом характеризуется заниженными нормами реализации ценностного отношения и почти полным вытеснением мистико-мифологического компонента. Разумеется, язык естественнонаучной коммуникации своеобразно реализует принцип

гармонии (здесь работают принципы красоты, простоты теоретических построений), однако далеко не в универсальном порядке, поэтому он сам нуждается в гуманизации посредством контакта с искусством и философией.

Итак, выделение количественного и качественного аспектов истины в научном знании открывает возможности реинтерпретации классического представления о науке как объективно-верном, истинном знании, а значит, открывает возможности для преодоления релятивистского и субъективистского радикализма в определении специфики и смысла научной деятельности, так как позволяет:

1. Утверждать, что научное знание не дает абсолютных и исчерпывающих истин, а обеспечивает человека адекватным представлением о действительности в известных пределах и отношениях.

2. Осуществить более глубокое видение внутреннего качественного своеобразия научного знания разных типов, и, таким образом, понять его единство и различие с другими областями знания, а значит, избежать узурпации наукой возможностей истинного представления действительности. Здесь уместно обратиться к примерам гуманитарно-художественной практики, показательным в том отношении, что использование в них полного ряда (полной гаммы) знаково-символических средств – от мистико-мифологических (архетипических) до интеллектуально-дискурсивных, порою с включением научных реалий, – не только не мешает художественной истинности, но содействует ее достижению в максимально точном приближении. Это творческие достижения мировых классиков, таких как Э.Т.А. Гофман, Э.А. По, Н.В. Гоголь, Ф. Кафка, Ф. Дюрренматт, С. Лем, М. Булгаков, Стругацкие и др. Истина здесь не денотативна, а выступает в форме морально-идеологических принципов и концепций, т. е. систем истолкования гуманитарно-гуманистических феноменов.

3. Более содержательно рассматривать принцип когерентности как связанности, выводимости знания, не абсолютизируя его (в отличие от радикального конструктивизма). Ведь в данном случае становится очевидно, что так или иначе, выражая требование соответствия, он представ-

ляет своеобразный срез принципа корреспондентности.

Таким образом, следует учитывать, что радикализация как установок реализма, способствующая догматизации знания и педагогики, так и установок конструктивизма не отвечает потребностям образовательного процесса. И в том, и в другом случае она фактически приводит к уничтоже-

нию субъекта и стагнации познания. Поддержка и развитие синтетических устремлений в развитии методологии реализма и конструктивизма способны повысить адекватность реального педагогического процесса, в котором в таком случае органично будут сочетаться продуктивные и репродуктивные методики обучения.

Библиографический список

1. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология // Педагогические сочинения: в 6 т. / сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. Т. 5. 528 с.
2. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.
3. Лекторский В.А. Познание и сознание: дискуссия анти-реализма и реализма в современной эпистемологии // Проблема сознания в философии и науке. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 54–74.
4. Гусев С.С. Проблема понимания в философии / С.С. Гусев, Г.А. Тульчинский. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
5. Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. М.: Политиздат, 1978. 254 с.
6. Вандервекен Д. Небуквальные речевые акты // Концептуализация и смысл. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1990. С. 31–61.
7. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–238.
8. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.
9. Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 20–32.
10. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления: 1917-1993. М.: АО Аспект-Пресс, 1994. 302 с.

Мальчукова Нина Валерьевна, доктор философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки, отделение философии и теологии, исторический факультет Иркутский государственный университет, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Philosophy and Science Methodology, Department of Philosophy and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В КОЛЛЕКТИВЕ

© О.В. Пуляевская*, И.А. Прокопчук*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлены результаты исследования влияния личностных особенностей руководителей среднего звена на социально-психологический климат в коллективе. На основе данных эмпирического исследования выделены факторы риска развития неконструктивного социально-психологического климата в трудовом коллективе. Определены направления психологического сопровождения трудового коллектива с целью гармонизации социально-психологического климата межличностного взаимодействия сотрудников.

Ключевые слова: личность руководителя, социально-психологический климат, трудовой коллектив.

ON THE ISSUE OF STUDY OF EXECUTIVE'S PERSONALITY INFLUENCE ON PSYCHOSOCIAL CLIMATE WITHIN THE ORGANIZATION

O.V. Pulyaevskaya*, I.A. Prokopchuk*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article provides the results of the study of mid-level executive's personal qualities influence on psychosocial work environment. Resting upon the empiric research data the authors highlight the risk factors of non-constructive psychosocial climate development within the organization. They identify the directions of psychological follow-up of the staff in order to harmonize the psychosocial climate of staff members' interpersonal interaction.

Keywords: executive's personality, psychosocial climate, personnel.

Руководитель является главным звеном в системе управления, в немалой степени определяющим эффективность деятельности коллектива. При анализе деловых качеств руководителя необходимо учитывать соответствие не только мотивов, способностей, действий объективной профессиональной деятельности, но и соответствие профессии (ее задач, менталитета, целей, условий, средств) духовной «сущности» работника, его личности и индивидуальности, что наиболее полно представлено в рамках личностного и акмеологического подходов (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, В.Г. Асеев, А. А. Бодалев, А.С. Гусева, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А. К. Маркова и др.). В этих работах обосновывается необходимость комплексных исследований целостности субъекта, его характеристик в единстве, во всех взаимосвязях, для того чтобы содействовать достижению субъектом высших уровней, на которые может подняться каждый [1].

Личность руководителя – это лич-

ность, преобразенная условиями деятельности, требованиями, задачами и одновременно сама их преобразующая, ставящая задачи и решающая их. Личность руководителя проявляется в процессе взаимодействия с коллегами, профессиональной средой, обществом в целом [2, 3]. Руководитель выступает как субъект профессиональной деятельности, одновременно находящийся в эпицентре взаимодействия систем разного уровня: профессиональной среды, коллектива, организации. Он осуществляет профессиональную деятельность, исходя из своих личностных особенностей и с учетом социальных отношений и ориентаций, выстраивая отношения с профессией и обществом. Таким образом (это отмечают Л.Г. Дикая [4], Е.П. Ермолаева [5]), в качестве компонентов систем могут выступать сам человек (с его личностными особенностями), профессия и социум.

Анализ исследований, посвященных успешной, эффективной деятельности руководителя, показал, что успех управленче-

ской деятельности определяется наличием у него социально ориентированных, профессионально важных и специальных качеств.

Руководителю необходимо вести себя так, чтобы коллектив предпочитал в качестве руководителя именно его, а не кого-либо другого. При этом у него должна иметься четкая «индивидуальная управленческая концепция», т.е. знания о том, что и как он должен делать в качестве руководителя. Степень целенаправленности, организованности, упорядоченности деятельности коллектива всецело зависит от четкости этой концепции и от степени ее действенности – меры проявления в реальных конкретных делах, на которые мобилизуется коллектив. Авторитет личности является достаточно «автономным» в своем формировании и при одном и том же уровне авторитета должности может быть высоким или низким. Реальную, подлинную власть в коллективе имеет тот, кто пользуется достаточно высоким личностным авторитетом.

Взаимодействие внутри трудового коллектива – важнейшая область социальных отношений. Формирование благоприятного социально-психологического климата трудового коллектива является одним из главных условий борьбы за рост производительности труда и качества оказываемых услуг. Вместе с тем, социально-психологический климат – это показатель уровня развития коллектива и его психологических ресурсов.

Взаимосвязь между эффективностью организации и ее социально-психологическим климатом – одна из главных проблем для руководителей предприятия. Поэтому так важно знание основных составляющих социально-психологического климата организации, разработанных как отечественными, так и зарубежными исследователями. Благоприятный социально-психологический климат – это итог систематической работы и мероприятий руководителей, менеджеров, консультантов и всех сотрудников организации.

Социально-психологический климат выступал предметом изучения многих исследователей (К.К. Платонов, В.А. Петровский, А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут, Б.Д. Парыгин, Е.С. Кузьмин, П. С. Мансуров, В.П. Машеро, А.А. Русалинова, Ф.М. Русинов, В.А. Чикер, И.Е. Шварц и др.). Однако значению индивидуально-психологических

особенностей руководителя в формировании социально-психологического климата коллектива, на наш взгляд, внимания уделено было недостаточно.

Состояние социально-психологического климата – один из ведущих показателей работы руководителя. Он зависит от доброжелательных отношений, усиливается положительной мотивацией, взаимоуважением, успешным руководством, хорошими коммуникациями, сотрудничеством, взаимопомощью. Достижение высокого уровня социально-психологического климата – это длительный процесс, реализовать который в короткий срок на основе призывов и лозунгов практически невозможно [6].

Здоровый социально-психологический климат в коллективе медленно вызревает и трудно поддерживается на необходимом уровне. Состояние микроклимата в коллективе, как погода, может меняться изо дня в день. Колебания настроений, состояний людей могут быстро изменяться под влиянием неожиданных как благоприятных, так и неблагоприятных условий. К сожалению, природа памяти такова, что человек часто забывает хорошее и долго помнит плохое, а поэтому негативные, отрицательные эмоции могут резко ухудшить положительный настрой работника и длительное время воздействовать на выполнение им производственных задач.

Чтобы определить качество социально-психологического климата, нужно проанализировать все его структурные составляющие. В структуре социально-психологического климата Б.Д. Парыгин выделяет два основных подразделения – отношения людей к труду и их отношения друг к другу. Все многообразие этих отношений рассматривается через призму двух основных параметров психического настроения – эмоционального и предметного [6].

Под предметным настроением подразумевается направленность внимания и характер восприятия человеком тех или иных сторон его деятельности. Под эмоциональным – отношение удовлетворенности или неудовлетворенности этими сторонами деятельности.

Помимо этого, подчеркивает Б.Д. Парыгин, социально-психологический климат определяет отношение людей к миру в целом и восприятию себя в нем. А это, в свою очередь, может проявиться во всей системе ценностных ориентаций лич-

ности, являющейся членом данного коллектива. Климат проявляется определенным образом и в отношении каждого из членов коллектива к самому себе. Таким образом, структура проявлений социально-психо-логического климата состоит в отношении людей друг к другу, к общему делу, к миру и к самому себе [6].

В значительной мере социально-психологический климат зависит от стиля руководства, профессиональных и личностных качеств руководителя.

Основные качества руководителя, которые могут позволить ему сформировать здоровый психологический климат в организации [7]: именно такой лидер имеет мужество самоопределения, то есть знает свои функциональные границы и границы своих подчиненных и также постоянно им следует; стремится вкладывать силы и средства не только в собственное благополучие, но и благополучие группы; редко показывает раздражение своими сотрудниками. Старается избегать догм в своей работе; направляет больше энергии, чтобы изменить себя, чем изменить других. Знает и уважает весь спектр чужих мнений; старается изменить себя, заимствуя сильные стороны своих подчиненных; он разоблачает безответственных лиц; пытается повысить качество зрелого лидера в своих последователях; знает и умеет разделять и передавать ответственность.

Достаточно важную роль в организации деятельности руководителя, в рамках формирования благоприятного социально-психологического климата коллектива, играет знание психологии коллектива и умение учитывать психологические качества подчиненных. Так, известным советским философом и психологом С.А. Рубинштейном отмечено, что для изучения и характеристики человека необходимо ответить на три основных вопроса: Чего он хочет? Что он может? Что он есть? [6].

Первый из них предполагает определение мотивационной сферы и направленности личности. Второй – профессиональной квалификации личности и ее способностей. Третий – ее типологических, характерологических и других социально (в т.ч. профессионально) значимых личностных качеств.

Руководитель не должен забывать, что духовная потребность в признании присуща каждому человеку и ее удовлетвори-

ние – важнейший элемент мотивации к деятельности, повышению уровня профессионализма.

Уровень квалификации сотрудника прямо пропорционально зависит от его способностей, т.е. совокупности таких свойств, которые обуславливают продуктивность его профессиональной деятельности. Среди способностей, обеспечивающих успешное выполнение сотрудниками поставленных служебных задач, выделяют: общие (наблюдательность, прочность памяти, сила воображения, глубина ума, склад мыслительной деятельности – аналитический, практический, образный и др.) и специальные, а также организаторские и педагогические способности.

Руководителю необходимо знать и учитывать уровень квалификации и степень развития способностей своих подчиненных, их типологические и характерологические свойства. Это необходимое условие реализации принципа индивидуального подхода в управлении, обеспечивающего эффективную деятельность коллектива.

В аспекте рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на тот факт, что в системе руководитель и подчиненный основным содержанием является управленческое общение.

Руководитель, отдавая распоряжение, не всегда контролирует исполнение, дает ему оценку. В этой связи первая из названных функций управленческого общения осуществляется наиболее часто. Она же оказывает воздействие на процесс и результаты деятельности служебного коллектива. Несмотря на то, что служебные обязанности подчиненных определяются соответствующими документами, их деятельность достаточно часто регулируется оперативной информацией, которую они получают от непосредственного руководителя. А в отдельных случаях их деятельность практически полностью определяется распоряжениями руководителя, например, при значительных изменениях оперативной обстановки. Именно поэтому важно все, что связано с формой распоряжения. Она меняется в зависимости от межличностных отношений руководителя и подчиненного, оставляя неизменным содержание самого распоряжения. От того, как прозвучало и воспринято распоряжение, определяется качество исполнительской деятельности. Следовательно, результат выполнения пра-

вильно выбранного решения во многом зависит даже от интонаций, с которыми обращается руководитель к своим подчиненным [8].

Практика показывает, что так называемые локальные конфликты внутри коллектива чаще носят скрытый характер и зарождаются на первой стадии управленческого общения, когда подчиненному ставится конкретная задача, без учета его коммуникативных особенностей.

Руководитель формирует в коллективе императивный (категоричный) или демократический характер общения. Он же определяет этим силу скрытого воздействия на подчиненных, которое подготавливает конечный результат деятельности. Поэтому руководителю необходимо использовать знания риторики, а также учитывать условия, в которых даются команды и распоряжения.

Для понимания команды и распоряжения выдерживаются следующие условия: единство профессиональных терминов; учет уровня интеллекта; полнота информации; логика изложения; концентрация внимания. Однако эти условия оказываются недостаточными, если не принимать во внимание личные отношения между отдающим распоряжение и исполнителем.

В специальной литературе по проблемам управления описано семь основных групп волевых качеств, которые определяют взаимоотношения руководителя и подчиненного. Среди них – целенаправленность, настойчивость и упорство, инициатива и самостоятельность, решительность и смелость, сдержанность и самообладание, дисциплинированность, уверенность в своих силах. При этом у руководителя и у подчиненного одинаково развиты целеустремленность, дисциплинированность.

В основании волевых качеств у руководителя чаще лежит самостоятельность и инициатива, а подчиненные делают ставку на решительность и смелость или настойчивость и упорство. Практика управления в правоохранительных органах показывает, что при тесном взаимодействии руководителя с подчиненным, первый должен иметь высокую степень самообладания. В то же время волевое воздействие руководителя на подчиненных должно быть тесно связано с доступностью и умением его свободно общаться с подчиненными.

Разграничение служебного и неслужебного общения в ролевом поведении

руководителя снимает напряженность и стрессовые ситуации, предупреждает возникновение конфликтов. Длительное и непрерывное подчиненное состояние сотрудника в атмосфере жесткой требовательности только в начальный период помогает повышению работоспособности. Затем следуют состояния: угнетенности, депрессии; изменяются (деформируются) личностные качества сотрудников; теряется интерес к работе и т.п.

Рациональное чередование приемов и способов волевого воздействия, официального и неофициального общения, требовательности и заботы о подчиненных сохраняют равновесие мотивов и желаний, тем самым укрепляется авторитет руководителя и является стимулом эффективной профессиональной деятельности сотрудников.

Таким образом, можно предположить, что индивидуально-психологические особенности руководителя являются важным фактором, определяющим формирование социально-психологического климата в коллективе. Так, если в коллективе, где руководитель осуществляет свою деятельность с учетом индивидуальных особенностей сотрудников, он учитывает в своей работе необходимость создания сплоченного работоспособного коллектива социально-психологический климат достаточно благоприятный, то при отсутствии у руководителя ряда необходимых личностных качеств (сниженная лидерская позиция, боязнь ответственности, чрезвычайная амбициозность и пр.), социально-психологический климат, как правило, неблагоприятен.

С целью изучения влияния личности руководителя на социально-психологический климат в коллективе нами было проведено исследование на одном из предприятий города Иркутска. В процессе исследования приняли участие две самостоятельные структуры данного предприятия – два коллектива, руководство которыми обеспечиваются руководители среднего звена. Коллективы, которые приняли участие в исследовании, имеют характеристики репрезентативных групп. В процессе исследования нами были использованы следующие методики:

методика «Определение индекса групповой сплоченности» (Сишора); тест «Пульсар» (оценка социально-психоло-

гического уровня развития группы) (Л.Г. Почебут, 2000); методика «Определения психологического климата группы» (Л.Н. Лутошкин); методика «Определение стиля управления руководителем с помощью самооценки» (В. В. Бойко); тестовая методика «Руководитель глазами подчиненных» (Я.В. Подоляк).

После диагностического сбора сведений об испытуемых была произведена первичная обработка данных, в ходе которой был выявлен ряд количественных показателей. Рассмотрим их более подробно. Нами был определен индекс групповой сплоченности Сишора. Полученные результаты свидетельствуют о следующем: по мнению женщин, в трудовом коллективе предприятия преобладает средний уровень групповой сплоченности (40%), тогда как мужчины считают, что групповая сплоченность отмечена выше средней (30%). Таким образом, в целом, по мнению всех респондентов, отмечается достаточная групповая сплоченность, сотрудники достаточно просто находят между собой общий язык, поддерживают друг друга и оказывают друг другу помощь. В коллективах, в целом, присутствует благоприятная, дружественная атмосфера, нацеленная на взаимопомощь и взаимоподдержку.

Далее на основе теста «Пульсар» была проведена оценка социально-психологического уровня развития исследуемых групп. Рассчитанные данные указывают на то, что большинство сотрудников обеих групп считают, что их группа достаточно зрелая, способная выполнять производственные задания – этого мнения придерживаются 45% испытуемых женщин и 55% мужчин. 30% женщин и 25% мужчин считают, что на предприятии сформирована зрелая, сложившаяся, сплоченная, работоспособная и надежная группа. Соответственно, можно отметить, что по оценке сотрудников предприятия, группы являются зрелыми, способными выполнять производственные задания, то есть представляют собой достаточно сплоченные коллективы.

В процессе исследования также была проведена оценка психологического климата в каждой отдельной группе. Рассмотрим полученные данные. Согласно результатам можно сказать, что 55% женщин считают, что социально-психологический климат в коллективе благоприятный, но неустойчивый. Так, по их

мнению, климат определяется неустойчивостью, присутствуют некоторые противоречия между деловым и эмоциональным отношениями, некоторые сотрудники, не разделяющие общественного мнения, могут вступать в конфликт с коллективом.

15% женщин считают, что в коллективе имеет место проявление баланса делового и эмоционального отношения, активное и деловое ядро коллектива сформировано, явные и скрытые группировки отсутствуют, отношение сотрудников друг к другу позитивно, у многих присутствует удовлетворение своей профессией. По мнению 20% женщин, в коллективе имеют место противоречия, касающиеся как деловых, так межличностных отношений. Все это негативно влияет на надежность коллектива, также присутствуют явные и скрытые группировки. И, как считают 10 % женщин, социально-психологический климат характеризуется достаточно неблагоприятной обстановкой, наличием негативного межличностного отношения, конфликтов и срывов между сотрудниками, что влечет за собой снижение работоспособности.

Таким образом, можно сказать, что в целом, по мнению большинства женщин, в исследуемом предприятии имеется место благоприятный, но неустойчивый психологический климат.

Согласно данным, 60% мужчин считают, что психологический климат в организации благоприятный, но недостаточно устойчивый, 15% считают социально-психологический климат группы достаточно устойчивым, 20% считают, что в коллективе имеют место противоречия, касающиеся как деловых, так межличностных отношений. Все это негативно влияет на надежность коллектива, также присутствуют явные и скрытые группировки, а 5% испытуемых считают социально-психологический климат в коллективе негативным. Соответственно, можно отметить, что результаты исследования как мужчин, так и женщин, в целом, совпадают, соответственно, в указанных структурных подразделениях исследуемой организации имеет место социально-психологический климат благоприятный, но неустойчивый.

В процессе исследования было выяснено, что в основе регулирования социально-психологического климата коллектива лежат критерии оптимизации внутрисубъективных взаимоотношений и методы воз-

действия на них. Работа по формированию оптимального психологического климата включает в себя, во-первых, комплекс диагностических мероприятий, позволяющих оценивать систему межличностных отношений коллектива с акцентом на горизонтальные и вертикальные подструктуры отношений внутри коллектива, во-вторых, – комплекс корректирующих мероприятий, нацеленных главным образом на снятие психоэмоциональной напряженности.

Социально-психологический климат – это суммарный эффект воздействия многих факторов, влияющих на персонал организации. Он проявляется в трудовой мотивации, в общении работников, их межличностных и групповых связях. Достаточно жестко социально-психологический климат связан и со стилем руководства и лидерства в группе и организации.

Регулирование социально-психологического климата имеет специфику в соответствии с уровнем формирования и развития группы. На уровне организации в целом наибольшую отдачу дают материально-вещественные факторы (условия, организация, стимулирование труда), в малой группе – те факторы, которые связаны с социально-психологическим настроением, межличностными взаимодействиями. На личностном уровне главное условие благоприятного социально-психологического

климата – формирование устойчивой трудовой мотивации.

Социально-психологический климат может быть оценен с помощью методов социометрии, тестовыми методами, в частности, используя методику Парыгина. На основании полученных результатов можно наметить пути оптимизации и стабилизации социально-психологического климата коллектива.

Социально-психологический климат коллектива – это результат совместной деятельности людей, их межличностного взаимодействия. Он проявляется в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное самочувствие и оценка условий жизни и работы личности в коллективе. Эти эффекты выражаются во взаимоотношениях, связанных с процессом труда и решением общих задач коллектива. Члены коллектива, как личности, определяют его социальную микроструктуру, своеобразие которой обуславливается социальными и демографическими признаками (возрастом, полом, профессией, образованием, национальностью, социальным происхождением).

Психологические особенности личности способствуют или мешают формированию чувства общности, то есть влияют на формирование социально-психологического климата в трудовом коллективе.

Библиографический список

1. Левитов Н.Д. К психологии формирования авторитета руководителя // Педагогика. 2004. № 1–2. С. 43–47.
2. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. М.: ИНФРА-М, 2004. 294 с.
3. Маклаков А.Г. Профессиональный психологический отбор персонала. М.: ЮНИТИ, 2008. 184 с.
4. Базаров Т.Ю., Долгополова О.А. Психологические аспекты управления персоналом в системе государственной службы: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2002. 274 с.
5. Зозуль В.А. Психологические особенности

- авторитета подчиненного в управленческой деятельности органов внутренних дел: автореферат. дис. канд. психол. наук / В.А. Зозуль. М.: 2009. 29 с.
6. Торгунов И.А. О корпоративной культуре в организациях // Психология управления. 2008. № 2. С. 35–41.
7. Кондратьев М.Ю. Взаимосвязь авторитета личности и авторитета роли учителя // Вопросы психологии. 2005. № 3. С.76–77.
8. Бойко В.В., Ковалёв А.Г., Панфёров В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: ИНФРА-М, 2008. 312 с.

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Прокочук Ирина Александровна, студентка кафедры психологии, e-mail: 89-8-89-8@mail.ru

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Psychology Department, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Prokorchuk Irina Alexandrovna, a student of Psychology Department, e-mail-89-8-89-8@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ИДЕОЛОГИЯ» И «ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

© А.А. Бычков*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлен исторический анализ понятия «идеология», а также продемонстрирован широкий спектр социологических трактовок данного явления. Цель статьи – осуществить онтологический дифференс между понятиями «идеология» и «идеологический проект», в рамках которого автор исследует «идеологический проект» как социальное явление, описывает его основные функции и механизм воздействия на общественные структуры.

Ключевые слова: идеология, идеологический проект, идеологический конструкт, клиповая культура, демаркация, дискурс, социальная идентичность.

THE SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE CONCEPTS 'IDEOLOGY' AND 'IDEOLOGICAL PROJECT'

A.A. Bychkov*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article provides the historical analysis of the concept 'ideology' and reveals a wide range of its sociological interpretations. The purpose of the study is to present the ontological difference between the concepts 'ideology' and 'ideological project' where the author regards the 'ideological project' as a social phenomenon; describes its essential functions and mechanism of affecting the social fabrics.

Keywords: *ideology, ideological project, ideological construct, clip culture, demarcation, discourse, social identity.*

Прежде чем мы попытаемся провести демаркационную линию между понятиями «идеология» и «идеологический проект», а если точнее, найдём ту точку фазового перехода, при которой в казалось бы хаотично возникающем идеологическом конструкте начинают проследиваться корни рационального планирования (проектирования), необходимо проанализировать генезис понятия идеологии в зарубежной социально-философской мысли.

Общеизвестно, что термин «идеология» был введён французским философом и экономистом А. Дестютом де Траси, определявшим его как учение об идеях, позволяющее установить твёрдые этические основания для политического волеизъявления. В духе пафоса французской философии просвещения идеология, в концепции данного мыслителя, играла роль социально полезной формы знания, которая подобно естественным наукам, вычитала из себя предрассудки *ancien regime*, и была призвана лечь в основу культуры новой Франции. Позднее, данный термин исполь-

зовался К. Марксом и Ф. Энгельсом в совершенно ином ключе. Идеология рассматривалась ими как способ восприятия действительности, заключающийся в конструировании мнимой реальности, которая выдаётся за саму действительность. Таким образом, реальность в идеологии, с точки зрения классического марксизма, претерпевает серьёзные искажения, создавая то, что Ф. Энгельс в своем письме к Ф. Мерингу называл «ложным сознанием» [1, с. 463].

Классики социологии также внесли существенную лепту в осмысление данного термина. К примеру К. Мангейм в продолжении марксистского подхода к понятию идеологии также рассматривал его как пример «ложного сознания». Более того, в своем, пожалуй, самом известном труде «Идеология и утопия» последнюю Мангейм трактовал как «форму сознания подчиненных групп, направленную на демонтаж действующего социального порядка» [2, с. 85], в то время как идеологии, напротив, отводилась роль инструмента для сохранения *status quo*. Именно в способности идеоло-

гии существовать в форме надиндивидуального продукта социального бытия Манхейм видел перспективу для социологической интерпретации данного феномена, подчеркивая при этом общественную обусловленность всякой идеологии, и как следствие, иллюзорный характер её содержания.

Более оригинальную трактовку понятия идеологии предложил итальянский социолог, инженер и экономист В. Парето. Рассматривая идеологию как яркий пример «дериваций», её призвание он видел в сокрытии и маскировке подлинных мотивов человеческого поведения, вытесняемых в область неосознанного, или, если угодно, бессознательного. Несмотря на то, что критику и разоблачение разнообразных идеологических конструктов Парето находил весьма занимательным, он утверждал, что научная несостоятельность любой идеологии отнюдь не исключает её социальной полезности, заключающейся в сохранении стабильности социальной структуры.

Известный своей классификацией партийных систем французский социолог М. Дюверже усматривает в идеологии способ формулировать той или иной социальной общностью ее «коренные интересы» а также, формировать идентичность, позволяющую, в конечном счете, интегрировать массы в структуру коллективного политического действия (в т.ч. в рамках партийной системы). В работах Дюверже идеология характеризуется прежде всего как система ценностей и предпочтений. Благодаря ценностям «осуществляется процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости, что необходимо для стимулирования человеческих действий» [3, с. 103]. Итак, остановимся на данной, как нам кажется, наиболее исчерпывающей трактовке понятия «идеология».

Далее, что мы имеем в виду, используя словосочетание «идеологический проект»? В широком смысле проект есть одноразовая, не повторяющаяся деятельность или совокупность действий, в результате которых за определенное время достигаются четко поставленные цели. Весьма любопытной в этом смысле представляется формулировка проекта, содержащая в философской антропологии Ж.П. Сартра. Согласно его идее, проект есть средство

«благодаря которому субъект преодолевает противоречие между потребностями и миром, отрицает внешне инертную материю, «относится к определенному будущему объекту», который стремится вызвать к жизни то, чего «еще не было» [4, с. 113–114]. Принимая во внимание всю специфичность категориального аппарата философии Ж.П. Сартра, данная трактовка все же представляется нам наиболее точной. Таким образом, мы можем определять идеологический проект как средство реализации интересов конкретного субъекта путем формулирования идейной конструкции, предлагаемой обществу в качестве «новой нормальности».

И здесь, как нам кажется, кроется принципиальное различие идеологии и идеологического проекта. Все дело в том, что будучи способом формулирования общественных интересов, идеология развивается «снизу вверх». Иными словами, общество создает запрос на выражение своих интересов и нужно лишь некоторое количество времени на то, чтобы эти интересы возымели реализацию в конкретных идеологических конструктах, усилиями наиболее харизматичных представителей того или иного сообщества. Идеологический проект же формируется в прямо противоположном направлении. Его цель заключена не в выражении интересов больших социальных групп, а в навязывании этих интересов путем формирования социальных установок. Именно поэтому идеологический проект это не столько делегирование «права голоса», сколько попытка «раскрыть глаза», то есть рассказать обществу то, о чем оно ещё вчера «и помыслить не могло».

Принципиально важно понимать, что всякая идеология является исключительно коллективным явлением, субъектом которого выступает как минимум группа лиц. При этом не всякая общность способна породить идеологию, ибо еще одной ее характерной чертой является наличие у ее носителей четких представлений о социальной самобытности своей группы. Идеологический проект не ставит таких задач. Его цель заключается в том, чтобы объединить как можно большую часть общества в отношении к какому-либо конкретному вопросу.

Для реализации идеологического

проекта вовлеченность субъекта в комплекс аксиологических установок той или иной идеологии, служащей базой для данного проекта совершенно не является обязательным условием. Более того, в контексте «клиповой культуры», при тотальном возрастании объема информационных потоков, порождающих проблематику отбора и сокращения информации, выделения главного и фильтрации лишнего, нагрузка идеологически мотивирующих сообщений большим объемом доказательств и оснований скорее препятствует их усвоению.

Ещё один важный вопрос заключается в оценке возможностей идеологического проекта формировать социальную идентичность. Исходя из допущения, что всякая идеология имеет социальную природу, мы можем сформулировать ряд критериев, формирующих, в конечном счете, идеологическую самоидентификацию. К таковым мы можем отнести, например, «сформировавшееся отношение к другим группам, наличие дискурсивной демаркации "своих" и "чужих", также очень часто мы можем наблюдать наличие некой организованной структуры (клуба, партии и т.п.)» [5, с. 131]. И если в естественно сформировавшихся идеологических конструктах

все эти критерии формируются исторически, естественным образом, то для формирования идентичности в рамках идеологического проекта приходится создавать те же самые признаки, но уже искусственно и в гораздо более короткие сроки. Именно поэтому для обслуживания идеологических проектов жизненно необходимы колоссальные информационные, пропагандистские, и, разумеется, финансовые ресурсы. И если общество не видит где «свой», а где «чужой» - ему на них указывают, если оно не формирует идеологически ангажированных организаций на общественных началах – «проектировщик» (прямо или косвенно) создает их за свой счет, если оно не знает как относиться к тем или иным социальным группам, процессам, явлениям и т.п. – ему подсказывает пропаганда.

Таким образом, необходимо различать идеологические концепты, возникающие вследствие естественных исторических процессов, формирующие идентичность того или иного сообщества в единстве убеждений, дискурсов и социальных практик его членов и концепты, формируемые путем планомерного идеологического проектирования.

Библиографический список

1. Маркс К. Избранные письма / Маркс К., Энгельс Ф. М.: ОГИЗ, 1947. 536 с.
2. Мангейм К. Идеология и утопия. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
3. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. 555 с.

Бычков Александр Алексеевич, аспирант кафедры социологии и социальной работы, e-mail: xozbxc@mail.ru

4. Сартр Ж.П. Проблемы метода. Статьи / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Академический Проект, 2008. 222 с.
5. Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологии: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 128–144.

Bychkov Alexander Alexeevich, a postgraduate of Sociology and Social Work Department, e-mail: xozbxc@mail.ru

РОЛЬ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

© М.А. Оганесян*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье обосновывается роль гуманитарных организаций в формировании современного общества. Для достижения поставленной цели рассмотрен процесс становления гуманитарного движения как в США и Европе, так и в России. Особенностью данной статьи является то, что автор провел анализ современных гуманитарных организаций России, исследовав их деятельность и активность в общественной среде.

Ключевые слова: гуманитарные компетенции, гуманитарные организации, армия.

THE ROLE OF HUMANITARIAN ORGANIZATIONS IN DEVELOPMENT OF SOCIO-HUMANISTIC COMPETENCE OF MODERN HUMAN

M.A. Oganesyanyan*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article substantiates the role of humanitarian organizations in shaping modern society. The process of the humanistic movement formation both in the US and Europe and in Russia is regarded to achieve this purpose. The feature of this article is that the author has analyzed the contemporary humanitarian organizations examining their performance and efforts in a public environment.

Keywords: humanistic competence, humanistic organization, the army.

В современном обществе, которое находится сегодня в условиях неустойчивости и неопределенности, возникает множество дилемм, начиная с демографических (количество детей, продолжительность жизни), заканчивая философскими (в чем смысл жизни?), и их необходимо решать. А это связано с понятием того, что считать гуманным. Поэтому недостаточно просто найти решение, исходя из экономического или другого эффекта, необходимо, чтобы оно было максимально гуманным по отношению к людям. В связи с этим встает серьезный вопрос о критериях гуманности в обществе, о выработке и формировании гуманитарных компетенций у людей. Компетентность в данном случае связана не просто с информированностью субъектов, но и способностью использовать знания на практике, внедрением их в жизнь. При этом гуманитарная компетентность формируется на основе интеграции и сопряженности различных типов знаний, таких как знания о природе человека, особенностях существования общества, его истории и культуры. В результате вырабатывается как

индивидуальный, так и общественный гуманитарный идеал, включающий не только нравственные принципы, но и образцы, и модели поведения. Таким образом, гуманитарные компетенции являются способностью человека на основе идеалов, знаний о гуманитарных идеях, интерпретировать и оценивать различные социальные и природные явления с точки зрения гуманитарных установок и гуманитарной трактовки назначения человека, а также действовать в соответствии с данными установками.

Что же такое гуманизм? При обращении к различным источникам можно найти более десятка отличающихся друг от друга определений данного понятия. На сайте Международного гуманитарного и этического союза можно обнаружить следующее определение: «Гуманизм – демократическая, этическая жизненная позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму своей жизни» [1]. Российское гуманитарное общество (РГО): «Мы рассматриваем гуманизм как

научное мировоззрение, представляющее идейную альтернативу религиозному догматизму и тоталитарным идеологиям, а РГО как организацию единомышленников, пришедших к согласию по базовым мировоззренческим принципам» [2]. Гуманизм – это мировоззрение, которое провозглашает высокую и уникальную ценность человека, его право на счастье, развитие и проявление своих положительных способностей, на свободное и ответственное участие в жизни мира и общества [3]. Основной акцент, как видим, сделан на возможности свободного выбора человеком жизненной траектории, а также его персональной ответственности перед обществом.

Кто же формулирует гуманистическую парадигму развития в современном мире? Приверженность данной идее демонстрируют различные гуманистические общества. Однако их деятельность изучена недостаточно, более того, сложно найти полную информацию даже о российских представителях в данной области.

В связи с этим краткий обзор истории создания и деятельности гуманистических обществ является актуальным.

Первые гуманистические организации сформировались в конце XIX начале XX веков. Особенно четко данная тенденция проявилась в США, где и возникло первое гуманистическое общество, которое носило одноименное название (Нью-Йорк, 1929 г.). Практически одновременно с этим США превратились в мировой центр гуманистических сообществ, которые возникали в крупных городах, таких как Чикаго, Нью-Йорк, Лос-Анджелес. Популяризация гуманистических идеалов шла высокими темпами, издавалось множество журналов и газет. В результате работы основателя критического реализма Р.В. Селларса в 1933 г. появился на свет «Гуманистический манифест». В главных его тезисах признавался факт эволюции как социального, так и природного мира, а также равенство всех людей в экономическом и духовном смысле, без возвышения избранных.

В 30-40 гг. XX века гуманистические общества стали появляться и в Европе: Голландии, Германии, Австрии, Англии. При этом нельзя не отметить тот факт, что распространение гуманистического мировоззрения было объективным процессом, о

чем свидетельствует рождение подобных движений в СССР, Индии, где также издавались журналы и проповедовались идеи братства и мирного сосуществования на земле.

В 1952 г. несколько гуманистических сообществ, как тогда они назывались «лиги» и «ассоциации», объединились для создания Международного этического и гуманистического союза (МГЭС). Объединение произошло на первом Всемирном конгрессе гуманистов, где был принят и первый программный документ: «Амстердамская Декларация» [4], в которой были согласованы основополагающие принципы современного гуманизма. Основной идеей Декларации являлось содействие разрешению кризиса между двумя сверхдержавами: СССР и США.

Процессы развития науки, общества и самих гуманистических организаций потребовали пересмотра некоторых положений первой «Амстердамской Декларации». В результате на 50-летнем юбилее Всемирного конгресса гуманистов в 2002 году была принята новая «Амстердамская Декларация 2002». После конгресса эта обновленная декларация была принята единогласно Генеральной Ассамблеей МГЭС и, таким образом, стала официальным манифестом современных гуманистов. В «Амстердамской Декларации 2002» заявлено, что «Гуманизм является результатом долгой традиции свободной мысли, который вдохновил многих великих мировых мыслителей и художников, и породил саму науку» [5]. По мнению авторов, синтез общечеловеческих усилий и ресурсов должен породить новое общество, в котором основным двигателем прогресса будет наука, демократия и разум. Из этого следует, что для развития гуманизма необходимо раскрытие потенциала каждого человека. Для достижения данной цели нужны усилия как самой личности, так и усилия со стороны государства и гуманистических организаций.

До сего дня МГЭС активно взаимодействует с различными структурами ООН, оказывает поддержку социальных программ в области социальной и культурной работы, защиты прав детей, беженцев и т.д.

По инициативе членов МГЭС (Американской гуманистической ассоциации)

ежегодно 21 июня, начиная с 1980 года, отмечается Всемирный день гуманизма.

В настоящее время в Международный этический и гуманистический союз входит более 100 организаций из 40 стран, он насчитывают более 5 млн членов. МГЭС обладает консультативным статусом при ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ [6]. Каждые два года, согласно уставу союза, проводятся международные конгрессы. Генеральная Ассамблея МГЭС 2016 г. проходила на Мальте. Её предваряла Генеральная Ассамблея Европейской гуманистической федерации и конференция Ассоциации гуманистов Мальты (Malta Humanist Association) [7].

Исполнительный комитет утвердил места проведения будущих Генеральных Ассамблей МГЭС (General Assemblies) и Всемирных конгрессов гуманистов (World Humanist Congresses). Вот они:

2017 г. – Всемирный конгресс гуманистов (Сан-Паулу, Бразилия).

2018 г. – Генеральная Ассамблея (Новая Зеландия).

2019 г. – Генеральная Ассамблея (Исландия).

2020 г.– Всемирный конгресс гуманистов (Нью-Йорк, США).

В 1989 г. в Советском Союзе возникает клуб «Гуманус». Основателем его стал российский философ, педагог, специалист в области организации и управления С.Б. Чернышев. В рамках данного движения был выдвинут проект с одноименным названием, направленный на возрождение в стране системы гуманитарного знания. Исходным пунктом дискуссии в клубе «Гуманус», ее концептуальной основой является принцип гуманизма, понимаемый как позиция по отношению к миру, на основе которой преодолевается самоотчуждение человека и разрешается исторический конфликт идеалов свободы личности и социальной справедливости. А название данного клуба выбрано неслучайно. Святой Гуманус – центральный образ неоконченной поэмы Гете («Тайны»), в которой воплотилась извечная идея великого синтеза общечеловеческих ценностей, снимающего противоречия между различными культурами, религиями, нациями при сохранении всего их внутреннего богатства, целостности и свободы [8]. В рамках данного проекта

предполагалось объединить обществоведов широкого профиля, принадлежащих, в основном, к новому поколению исследователей и не принимающих участия в борьбе публицистических лагерей. В его составе – представители таких областей гуманитарного знания, как философия, экономика, социология, политология, право, культурология, лингвистика, логика и теория систем.

По мнению членов клуба «Гуманус», только в эпоху гуманизма возможна свобода личности и полноценное развитие человека и общества в целом, постоянно нарушаемым и вновь восстанавливаемым на более высоком уровне единством возвышающих друг друга в своей деятельности свободных и равных индивидов [9].

В 1995 г. было организовано Российское гуманистическое общество (РГО), его президент Я.Б. Головин говорит: «РГО – мировоззренческая организация, которая противопоставляет традиционным религиям и верованиям светский гуманизм. Особенностью российских религиозных организаций является то, что они не только представляют собой собственно религиозные организации, то есть проповедают веру в Бога, сверхъестественный мир и бессмертие души, но и олицетворяют чрезвычайный консерватизм. В России, в отличие от стран Запада, не возникло христианско-демократического движения, и нет исламско-демократического. Для нас в традиционных религиях главное не вера в сверхъестественное, а формирование у людей не критического, догматического мышления.

РГО осуществляет просветительскую деятельность, содействует распространению и защите свободы, милосердия, равноправия и других гуманистических ценностей; члены общества разрабатывают учебные и воспитательные программы, культивирующие здравый смысл, научность, объективность и гуманность; организуются и проводятся конференции и семинары; устанавливается и развивается сотрудничество с заинтересованными российскими и международными общественными объединениями, разделяющими идеи светского, гражданского и секулярного гуманизма.

Ежеквартально РГО публикует журнал под название «Здравый смысл».

Нельзя не упомянуть тот факт, что РГО участвует в выработке решений орга-

нов государственной власти и органов местного самоуправления, выступает с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносит предложения в органы государственной власти.

В современной России 48 различных гуманистических объединений, групп общей численностью до тысячи участников (в 150 раз меньше среднемирового показателя), в том числе инициативная группа по созданию партии "Гуманная Россия" (212 участников из всех 85 субъектов РФ + 600 сторонников) [10].

Современный гуманизм многообразен и это многообразие следует принять как факт, не пытаясь ни оспорить его, ни

тем более унифицировать в рамках единой программы. Вместе с тем надо понимать, что людей, разделяющих гуманистические ценности и убеждения, сегодня в мире гораздо больше, чем организованных гуманистов. Важно, чтобы эти люди, стихийные гуманисты, знали, что есть международные и национальные гуманистические организации, и могли с ними связаться и получить поддержку. Только сплотившись, гуманисты всего мира могут надеяться на то, что их усилия по спасению человечества и человечности не окажутся тщетными. В ситуации нарастающего глобального кризиса это единство особенно важно.

Библиографический список

1. Аугандаев М.А. Эразм и М. Агрикола // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 206–217.
2. Резолюция концепции РГО [Электронный ресурс]. // Сайт РГО. URL: <http://www.humanism.ru/declarations/808-for-human-russia.html> (01.03.2017).
3. Центр образования РГО [Электронный ресурс]. // Сайт РГО. URL: <http://www.humanism.ru/education.html> (01.03.2017).
4. Амстердамская Декларация 1952 [Электронный ресурс]. // Сайт Международного этического и гуманистического союза. URL: <http://iheu.org/humanism/the-amsterdam-declaration/the-amsterdam-declaration-1952/> (02.03.2017).
5. Амстердамская Декларация 2002 [Электронный ресурс]. // Сайт Международного этического и гуманистического союза. URL: <http://iheu.org/humanism/the-amsterdam-declaration/the-amsterdam-declaration-2002/> (02.03.2017).
6. Наши члены [Электронный ресурс]. // Сайт Международного этического и гуманистического союза. URL: <http://iheu.org/membership/our-members/> (02.03.2017).
7. Сайт Европейской гуманистической федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://humanistfederation.eu/pages.php?page=ehf-general-assembly-and-conference-2016> (25.02.2017).
8. Чернышев С.Б., Криворотов В.Ф. Второе пришествие. М., 1991. 180 с.
9. Чернышев С.Б. Смысл. М., 1995. 120 с.
10. Александр Шутов. К МДГ-2016: Международному дню гуманистов 21 июня 2016 года. От Гуманной Удмуртии к Гуманной России [Электронный ресурс]. // Соц. сеть Макспарк. URL: <http://maxpark.com/user/4295113966> (22.02.2017).

Оганесян Меружан Арутюнович, аспирант кафедры социологии и социальной работы, e-mail: oganesyan4815162342@yandex.ru

Oganesyan Meruzhan A., a postgraduate of Sociology and Social Work Department, e-mail: oganesyan4815162342@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

© Е.Н. Струк*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматривается специфика такого явления как молодежный экстремизм. Выявляются его причины, виды и особенности, связанные с современным этапом существования общества, описываемого в категориях риска. Основное внимание уделяется анализу процессов и социальных факторов, которые способствуют возникновению молодежного экстремизма. Показана связь между ростом социального неравенства в обществе и распространением экстремистских настроений среди молодежи.

Ключевые слова: общество риска, экстремизм, молодежный экстремизм, девиантное поведение, радикализм, депривация, социальное неравенство.

FEATURES OF YOUTH EXTREMISM IN THE RISK SOCIETY

E.N. Struk*

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russian Federation, 664074.

The article deals with the specifics of the phenomenon of youth extremism. It identifies its causes, types and characteristics related to the contemporary stage of society, described in the risk categories. Special attention is paid to the analysis of processes and social factors that give rise to the youth extremism. The study reveals the link between the growth of social inequality and the spread of extremism among youth.

Keywords: risk society, extremism, youth extremism, deviant behavior, radicalism, deprivation, social inequality.

Современный этап развития российского социума разворачивается в крайне противоречивых условиях общества риска, когда утрачиваются свойства стабильности, равновесия, устойчивости и демонстрируются нелинейные тенденции и эффекты, а темпы исторических перемен резко возрастают. В общественном сознании появляется понятие цивилизация риска, «используемое для описания современных обществ, вошедших в стадию позднего или высокого модернизма (late/high modernity), когда процесс производства материальных и социальных благ сопровождается систематическим воспроизводством угроз, опасностей и риска» [1, с. 300].

В социальных науках на сегодняшний день отсутствует общепринятое определение понятия «риск», что обуславливается многообразием самих рисков, различной степенью их влияния на развитие общества и разной степенью чувствительности людей к этим рискам. В связи с этим «к середине 1980-х годов изучение рисков становилось все более запутанным и хаотичным» [2, с. 6]. По мнению У. Бека, риск порождается социальной системой, явля-

ется функцией социальных процессов. В концепции риска Э. Гидденса акцентируется внимание на рискогенности любого социального действия человека. Рассматривая риск применительно к обществу, мы обращаем внимание, в первую очередь, на то, что данное понятие сопряжено с неопределенностью социальной ситуации, в которой достаточно сложно получить запланированные результаты. При этом ситуация риска характеризуется наличием неблагоприятных последствий для социальных субъектов (личностей, групп, организаций, институтов). Однако то, что является неблагоприятным для тех, кто риск принимает на себя (население в целом или его отдельные группы), может не быть риском для тех, кто ими управляет (общественные элиты).

Такое положение в обществе не устраивает те социальные группы, которые оказались в состоянии принимающих риск, т.е. в состоянии депривации, т.е. таком состоянии, которое порождает или может породить у индивида или группы ощущение собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами (или группами), или с интернализированным набором стандар-

тов. Ощущение депривации может быть как осознанным, когда индивиды и группы, переживающие депривацию, могут понимать причины своего состояния, так и не осознанным, когда его подлинные причины не понятны. Однако в обоих случаях депривация сопровождается острым желанием ее преодолеть. Часто такое положение приводит к протестным действиям. В самом общем смысле протест – есть массовое несогласие с существующим порядком вещей, активная форма защиты своих интересов от посягательства извне. Протест – это политическое поведение, форма участия личности и/или общности в осуществлении политической власти, защите своих политических интересов через действие или бездействие. Одной из крайних форм социального протеста против роста социального неравенства и отсутствия социальной справедливости является экстремизм. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года указывает на то, что экстремизм является одной из основных источников угроз национальной безопасности, которая направлена на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране [3]. Таким образом, экстремизм признается общественно опасным явлением. При этом он, как социальное явление, обладает высокой степенью латентности. Особенно важно изучение экстремизма в российском обществе, так как оно имеет сложный и разнообразный социальный (этнический, религиозный, политический и т.д.) состав, что может служить предпосылкой возникновения экстремизма.

Экстремизм в переводе с латыни означает «крайний» и «независимо от своей природы, он представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [4].

В научной литературе экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам и мерам, проявляющаяся в соответствующем социальном поведении» [5, с. 799]. Социологическое определение экстремизма, данное А.А. Козловым, выгля-

дит следующим образом: «это любое превышение пределов допустимого, при наличии злого смысла или умысла» [6, с. 15–16]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что экстремизм не может быть позитивно направленным, он всегда негативен для общества. При этом в социальных науках экстремизм исследуется на его идеологическом и мотивационном уровне, включающем социальные установки и мотивы социального поведения, данный подход в корне отличает рассмотрение экстремизма в социологии от юридического понимания экстремизма, в котором изучаются только противоправные его проявления, закрепленные в законодательстве РФ.

В социологии экстремизм относится к одному из видов девиантного (отклоняющегося поведения). При этом следует учитывать, что в юридических науках рассматривается определенный вид девиантного поведения – делинквентное поведение, т.е. поведение, связанное с нарушением норм закона, которое приводит к угрозе жизни и благополучию людей (правонарушение, преступление, самоубийство, наркомания, алкоголизм), то в социальных науках изучается девиантное поведение в целом, оно связано с осознанным нарушением социальных норм, правил, традиций. Для того чтобы поведение было признано девиантным необходимо:

- конкретная социальная норма;
- нарушитель норм;
- контролирующий орган.

К девиантному поведению относят не только поведение, которое ведет к деструктивному изменению общества, но и наоборот – поведение, которое ведет к его конструктивному изменению, например, гениальность.

Девиантным часто считают и экстремальное поведение. Экстрим (англ. extreme – противоположный, обладающий высокой степенью, чрезмерный, особенный) – выдающиеся, экстраординарные действия, как правило, связанные с опасностью для жизни [7]. Экстрим – это особое побуждение души и тела выбрасывать как можно больше адреналина и эмоций. Экстрим – состояние «на грани», это одновременный выплеск позитивных и негативных эмоций, осознание собственного величия и бессилия. Под экстремальностью по-

нимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях [8, с. 39], а экстремалы – люди, готовые дни напролет рисковать собственной (и не только собственной) жизнью. Это те, кто отчетливо понимают, чем рискуют, но, тем не менее, постоянно находятся на грани, наполняя свою жизнь свежими яркими красками [9]. «В современной публицистике термин «экстрим» крайне популярен и используется для обозначения резко отличных от нормы условий, ситуаций, характера деятельности, стиля мышления и образа жизни, социальной позиции, направления моды. То есть является одной из модификаций классического, для ряда наук, понятия экстремальности» [10]. Часто феномены экстрим и экстремальность рассматривают в одном контексте. Связано это с тем, что они способны либо поднять личность на качественно новую ступень, либо – ее разрушить. Экстрим – объективная характеристика развивающегося социума, экстремизм – имманация политического процесса [10]. При этом есть и существенные различия между данными феноменами. Так экстрим связан с получением удовольствия от действий «на грани» возможного или дозволенного, он может быть, как связан с радикализмом как социальным явлением, так и не включать его. А вот одним из наиболее значимых свойств экстремизма является его направленность против представителей определенных социальных групп или сложившегося порядка осуществления властных отношений в целом или его отдельных элементов, основанное на чувстве социальной депривации. При этом экстремизм – это всегда радикальный взгляд на мир неудовлетворенных своим положением отдельных людей или социальных групп, которые формируют и определенные радикальные идеи изменения общества.

Радикализм – (от позднелат. *radicalis* – коренной, лат. *radix* – корень), социально-политические идеи и действия, направленные на решительные изменения существующих институтов [11]. Разумеется, что любые радикальные действия в социологии рассматриваются, как нарушение существующих норм, а, следовательно, как проявления девиантности. Таким образом, экс-

тремизм, как девиантное поведение, выражается в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства (в частности, против таких его сторон, как основные права человека или порядок осуществления властных отношений); а также в призывах к осуществлению таких действий. При этом рассмотрение экстремизма, как девиантного поведения, позволяет учесть основной сущностный признак экстремизма – его антисистемный характер.

В различных социально-исторических условиях на проявления экстремизма влияют объективные, субъективные и случайные факторы, зависящие от определенных обстоятельств. Такими факторами являются следующие условия общества: социально-экономические, социально-политические, культурно-ценностные, правовые, а также дополнительная группа социально-психологических условий. Также в научной литературе принято выделение форм экстремизма. Б.К. Мартыненко из многочисленных его форм выделяет экстремизм политический (направленный на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры «тоталитарного порядка») «левого» или «правого» толка); национальный (защита «своей нации», ее прав и интересов, ее культуры и языка, с отвержением при этом подобных прав для других); националистический (стремление к отделению, обособлению) и религиозный (проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий либо жестоким противостоянием в рамках одной конфессии) [12]. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров [8] предлагают несколько иную типологию экстремизма:

- бытовой экстремизм (необходимость совершать рискованные поступки в повседневной жизни, а также наличие установки на групповые конфликты, драки);

- социально-протестный экстремизм (проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за справедливость, согласие с крайними идеологическими формами протестных движений, а также установка (готовность) принимать участие в неразрешенных акциях протеста);

- политический экстремизм (проявление фанатизма в идейной направленно-

сти сознания на борьбу за политические убеждения);

– национально-этнический экстремизм (проявление фанатизма в идейной направленности сознания на борьбу за национальные чувства, как крайняя форма неприязни по отношению к национальным группам с юга и юго-востока, как согласие с идеологией националистических движений, а также установка (одобрение) на крайние формы националистических проявлений);

– религиозный экстремизм (определяется как проявление фанатизма в крайней форме идейной направленности сознания на борьбу за религиозные чувства и убеждения).

Распространение экстремистских настроений в обществе ученые социологи видят не только в ошибках в семейном или школьном воспитании, но именно в окружающей социальной среде, которая оказывает существенное влияние, прежде всего, на подрастающее поколение. «Современное общество само, в силу своей природы и тенденций, в нем действующих, создает и поддерживает поле экстремизма и постоянно провоцирует его проявления – будь то неравенство, у многих вызывающее желание его преодолеть, используя при этом пути несправедливые, незаконные, или практика СМИ, явно «зацикленных» на экстремальных тенденциях (насилии, катастрофах, патологиях), иными словами, не только поддерживающих человека в состоянии изматывающей напряженности, но и навязывающих массам людей явно неприемлемые стереотипы» [13, с. 26].

Современное состояние общества (прежде всего российского) связано с тем, что навязанные потребительские стандарты почти полностью разрушили целевые мотивационные индикаторы общества, такие как достижение успеха через упорный труд, справедливость вознаграждения за достижения и талант, необходимость получения знаний и приложения для этого систематических усилий, товарищеская взаимопомощь и т.д. Сегодня почти полностью отсутствует у молодежи целевая идеалистическая мотивация, которая заменяется доминированием эгоистической мотивации. «Результат – постепенный социальный коллапс (распад), когда в обществе накопи-

вается некое критическое число (какое конкретно, сказать трудно, но оно, безусловно, есть) носителей разрушенной идеальной мотивации, то общество начинает идти в разнос. Учителя перестают учить, врачи – лечить, правоохранители – охранять право, чиновники управлять государством. Вместо этого все начинают использовать свою сферу профессиональной деятельности как ресурс удовлетворения эгоистических амбиций стяжательства, карьеризма и нарциссизма» [14, с. 8]. Парадоксальным образом, в погоне за благами цивилизации, люди превращаются в безумную корову, которая бесконечно ест, и хочет есть все больше. Особенно сложно в такой ситуации молодежи, которая имеет завышенные жизненные ожидания и, сталкиваясь с невозможностью их быстрого осуществления, впадает в агрессию по отношению к себе и к другим. Выливаться она может как в позитивные формы – желание изменить себя, получить больше опыта и знаний, так и в негативных формах: «это, во-первых, увеличение процента самоубийств, особенно среди молодежи. Во-вторых, это увеличение уровня потребления психоактивных веществ и аддиктивного поведения вообще (включая различные формы информационно-развлекательных аддикций). В-третьих, восприимчивость к радикальным и экстремистским идеологиям и движениям» [14, с. 10].

По мнению исследователей молодежного экстремизма, именно молодежь, как особая социальная группа, более других тяготеет к радикальным способам разрешения социальных проблем. Это связано с природой молодежи, как социально-демографической группы, которая в обществе, где социальные лифты движутся слишком медленно, постоянно ощущает себя в состоянии депривации и желает изменить свое положение. «Молодежь – становящийся субъект общественного воспроизводства, поэтому ее социальное положение характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций. Последнее затрудняет отождествление себя с ингруппами и аутгруппами, порождает противоречие в самосознании между «МЫ» и «ОНИ», что в свою очередь выливается в экстремаль-

ность сознания и поведения» [8, с. 37]. Однако не следует считать, что проблема кроется в молодежи, как группе, которой свойственна большая инновационность, ведь в обществе, где есть возможность легально реализовать свои желания, и созданы для этого все возможности, явление молодежного экстремизма скорее досадное исключение, чем правило.

Проведенные в разные годы в России социологические исследования [8, 15], касающиеся положения молодежи, показывают, что в молодежной среде идет устойчивый рост экстремальных настроений по отношению к образованию (школьные, вузовские знания не нужны, они навязываются взрослыми), по отношению к труду (добросовестный труд – это принуждение и «обязаловка»), в бизнесе (богатство как единственная цель, причем в ее достижении можно не оглядываться на правовые и тем более нравственные нормы), в политической сфере растет уровень недоверия политическим институтам и институтам власти и т.д.

Особая роль в профилактике молодежного экстремизма лежит на семье и системе образования. Как часто, в эпоху «нового переселения народов» можно услышать: «понаехали тут», как часто люди винят в своих бедах именно «чужих» (представителей других этнических, религиозных, политических групп) и воспитывают детей в ненависти к тем, «кто не как мы». Известно, что членами молодежных групп экстремистской направленности чаще всего становятся люди, воспитывавшиеся в социально неблагополучной обстановке.

Не имея жизненного опыта по преодолению стрессов и фрустраций, молодые люди, впитывая льющуюся на них агрессию (вербальную или невербальную), не получая примеров добрососедского отношения друг к другу, закрепляют агрессию как одну из характерных черт своего сознания. А превращение образования из сферы воспитания и одного из важнейших институтов социализации в сферу услуг привело к тому, что учителя перестали быть значимыми взрослыми, превращаясь в «поставщиков образовательных услуг», что означает разрушение подлинно продуктивных детско-учительских отношений. «В результате, школа фактически лишается воз-

можности выступить в роли социального компенсатора семейных дисфункций, что хотя бы отчасти получалось у нее в советское время» [14, с. 9].

Свойственная молодежи резкость суждений, отрицание идей, разделяемых старшими демографическими группами, часто проявляется в форме нигилизма, которая выступает как способ самоутверждения молодых людей (вспомним «Отцы и дети» И.А. Тургенева). Особенно необходимо отметить, что экстремизм выступает как идеологически окрашенный нигилизм (например, идея «чистого государства»), в отличие от хулиганского нигилизма, который представляет собой спонтанный выплеск агрессии без какой-либо цели.

Таким образом, мы можем выделить некоторые особенности молодежного экстремизма:

- формируется преимущественно в маргинальной среде (мигранты внутренние и внешние, дети, вычеркнутые из учебной и досуговой деятельности и т.д.);

- определяется неопределенностью положения молодежи как социально-демографической группы и неустановившимися взглядами молодых людей на происходящие социальные изменения;

- проявляется чаще всего в ситуациях, для которых характерны отсутствие действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами;

- соответствует обществам и группам, принявшим идеологию насилия и проповедующим нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей;

- подпитывается нигилистическим отношением к жизни и высокой агрессивностью молодежи как социальной группы.

Факторами, которые способствуют возникновению экстремистских проявлений в молодежной среде, являются следующие:

- возникновение общества риска, в котором переплетаются политический, экономический, идеологический кризисы, что порождает ситуацию ценностно-нормативного хаоса и социальной аномии, которые вызывают состояние социальной депривации в молодежной среде;

- рост социального неравенства и несправедливости в современном обществе;

– возрастная дискриминация молодежи, которая порождает неравенство статусов с другими социальными группами (например, нет возможности устроиться на престижную работу без опыта, низкая оплата труда и т.д.);

– изменение сложившихся в обществе социализационных механизмов (потеря авторитета воспитателя родителями и учителями, замена его средствами массовой информации, превращение образования в сферу услуг и т.д.);

– отсутствие интеграционных механизмов внутри молодежи как социально-демографической группы (огромное количество молодежных субкультур, конфликтующих между собой);

– в России криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса и т.п.);

– пропаганда среди молодых людей идей религиозного и этнического экстремизма, рост национализма и сепаратизма в различных регионах;

– пропаганда ценностей потребительского общества, в котором успешным может быть только материально богатый человек, независимо каким путем наживший себе состояние («Если ты такой умный, то почему такой бедный?»);

– распространение неконтролируемой информации экстремистской направленности в сети Интернет и другие.

В заключение необходимо отметить, что многие ученые пишут о беспрецедентности переживаемого нами времени. И. Валлерстайн утверждает, что мир находится в стадии завершающего кризиса и изменится до неузнаваемости в ближайшие годы. Ж. Бодрийяр объявляет о «конце социального». По мнению П. Бурдьё, для современной эпохи характерна незащищенность и ощущение невозможности контролировать социальные процессы. Э. Гидденс и У. Бек современное общество интерпретируют в категориях риска. В сложившейся ситуации одной из главных проблем является рост молодежного экстремизма, который может привести к серьезным деструктивным последствиям для российского общества. Поэтому важнейшей задачей как для общества, так и для госу-

дарства является профилактика и предупреждение экстремистской деятельности в молодежной среде.

Общие рекомендации по профилактике могут быть следующие:

– стараться содействовать диалогу и совместным действиям различных этнических, религиозных и культурных общностей в борьбе с нетерпимостью, в том числе использовать потенциал неагрессивных молодежных субкультур [16, с. 135];

– проводить массовые мероприятия по профилактике этнической, религиозной, политической нетерпимости в молодежной среде 16 ноября, в Международный день толерантности;

– на всех уровнях институтов социализации и конкретных агентов социализации налаживать диалог с молодежью по решению специфических проблем детей и подростков;

– следует относить профилактику этнической, религиозной, политической нетерпимости в молодежной среде в число приоритетов молодежной политики и молодежной работы на всех уровнях, выделив для этого направления деятельности соответствующее ресурсное, методическое, информационное и экспертное обеспечение;

– особенное внимание следует обратить на досуг подростков (особенно мальчиков, которые более подвержены агрессивному влиянию окружающей среды);

– следует стимулировать поиск и разработку инновационных методик и социальных технологий в сфере противостояния этнической, религиозной, политической нетерпимости в молодежной среде;

– рекомендуется проводить постоянный мониторинг ситуации с этнической, религиозной, политической нетерпимостью в молодежной среде и другие.

Таким образом, необходимо на всех уровнях общества (от семьи до государственных структур) формировать позитивную социальную среду, в которой любые изменения будут способствовать снижению уровня экстремальности в молодежной среде, способствовать проявлению настроений в направлении социального творчества и инновационной деятельности молодых людей, так как «негативный харак-

тер изменений социального положения молодежи становится питательной базой для отклонения экстремальности от нормального развития как по уровню, так и по направленности. В такой ситуации экстре-

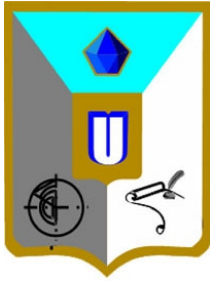
мальные настроения могут способствовать объединению молодых людей для реализации самой экстремальности в форме экстремистских проявлений» [8, с. 39].

Библиографический список

1. Зубок Ю.А. Общество риска. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: 2014. С. 300–302.
2. Яницкий О.Н. Социальные реальности и социальные миражи Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12. № 1. С. 3–35.
3. Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. п. 37 [Электронный ресурс]. Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (15.02.2017).
4. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. Резолюция 1344 [Электронный ресурс]. Сайт Совета Европы. 2003. <http://www.coe.int/DefaultRU.asp> (15.02.2017).
5. Козлов А.А. Экстремизм социальный // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 799.
6. Густов В.А. Меры по противодействию на региональном уровне // Политический экстремизм в России и конституционные меры борьбы с ним: материалы конференции. М.: 1998. С. 15–16.
7. Эстрим [Электронный ресурс]. Сайт академик. Словари и энциклопедии на академике. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/343681#cite_note-1 (18.02.2017).
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. № 5. С. 37–47.
9. Какие существуют виды экстрима? [Электронный ресурс]. Сайт genon? <http://www.genon.ru/> (3.02.2017).
10. Сундиев И. Ю. Экстрим и экстремизм современной России [Электронный ресурс]. Сайт С.П. Курдюмова. <http://spkurdyumov.ru/> (8.02.2017).
11. Радикализм [Электронный ресурс]. Сайт академик. Словари и энциклопедии на академике. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (12.02.2017).
12. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: на примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 1999. 180 с.
13. Козлов А.А. Об определении экстремизма // Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. СПб., 2003. С. 26.
14. Хагуров Т.А. Введение: актуальные направления исследования девиантного поведения в современной России / Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Ракачев, Л.Н. Рыбакова, Т.В. Чекинева, А.П. Резник, С.Ю. Любин, Е.А. Войнова, Н.В. Мелешко, Н.Е. Хагурова. М.: Институт социологии РАН, 2014. 200 с.
15. Муращенкова Н.В. Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме [Электронный ресурс]. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 (20). <http://www.sisp.nkras.ru> (14.02.2017).
16. Хагуров Т.А., Резник А.П., Войнова Е.А. Межнациональные отношения и конфликты в молодежной среде: опыт эмпирического исследования / Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Ракачев, Л.Н. Рыбакова, Т.В. Чекинева, А.П. Резник, С.Ю. Любин, Е.А. Войнова, Н.В. Мелешко, Н.Е. Хагурова. М.: Институт социологии РАН, 2014. 200 с.

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: v55@istu.edu

Struk Elena N., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in Irkutsk National Research Technical University, e-mail: v55@istu.edu

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сетевое издание

Том 2, № 1 2017

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Н.И. Гаврилова
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

SOTSIA@COM

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»